

УНИВЕРСИТЕТ ПУЧОН В ТАШКЕНТЕ
ЦЕНТР НАУКИ И ИННОВАЦИЙ

КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

К 85-ЛЕТИЮ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕЙЦЕВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Материалы 1-ой международной конференции
по корееведению университета Пучон в Ташкенте*

Ташкент, 2024

УНИВЕРСИТЕТ ПУЧОН В ТАШКЕНТЕ

Центр науки и инноваций

**КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ,
КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ**

**К 85-ЛЕТИЮ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕЙЦЕВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

*Материалы 1-ой международной конференции
по корееведению университета Пучон в Ташкенте*

Ташкент, 20 января 2023 г.

Ответственные редакторы
В.В. Нам, В.С. Хан

2024

УДК 323.15:94

ББК 60.54

П88

Корейская диаспора в Центральной Азии: история, культура и социальная жизнь. К 85-летию проживания корейцев в Центральной Азии: материалы 1-й международной конференции по корееведению Университета Пучон в Ташкенте. Ташкент, 20 января 2023 года / Отв. ред.: В. В. Нам, В. С. Хан. – Ташкент: Университет Пучон в Ташкенте, 2024. – 168 с.

В сборнике представлены тексты докладов и материалы участников 1-й международной конференции по корееведению Университета Пучон в Ташкенте «Корейская диаспора в Центральной Азии: история, культура и социальная жизнь. К 85-летию проживания корейцев в Центральной Азии». Среди докладчиков – известные исследователи по корейской диаспоре СНГ из Великобритании, Казахстана, Кыргызстана, России, США, Таджикистана, Узбекистана, Южной Кореи. Доклады представлены на трёх сессиях: 1. Современные подходы к осмыслению истории корейцев Евразии. 2. Корейская культура в Центральной Азии. 3. Идентичность и самосознание корейцев СНГ.

Материалы сборника предназначены для корееведов, историков, социокультурных антропологов, а также всех тех, кто интересуется этнической историей Центральной Азии.

Ответственные редакторы:

Нам В. В., доктор педагогических наук;

Хан В. С., кандидат философских наук.

Рецензенты:

Н. Э. Каримова, доктор исторических наук (Узбекистан);

Ю. Н. Цыряпкина, кандидат исторических наук (Россия).

Перевод аннотации и оглавления на корейский язык – Розы Ким.

Утверждено к печати Учёным советом Университета Пучон в Ташкенте, протокол № 2 от 11.03.2024 г.

ISBN 978-9910-9109-0-6

DOI: 10.5281/zenodo.11200560

© Университет Пучон в Ташкенте, 2024

© В. В. Нам, В. С. Хан, 2024

О Г Л А В Л Е Н И Е

Сессия 1:	
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ИСТОРИИ КОРЕЙЦЕВ ЕВРАЗИИ	9
Ж.Г. СОН, к. ист. н., доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Россия	
Иммиграционная политика Российской империи в отношении корейцев	10
JON K. CHANG, PhD, Research Associate, Northwest Oklahoma State University, USA	
EASI and the Issue of What Constitutes Historical Discovery and True Primary Sources?	19
ОТТО РОHL, PhD, экс-профессор, независимый исследователь, USA	
The Deportation of the Ethnic Koreans From the Russian Far East to Kazakhstan and Uzbekistan	29
А.Х. РАХМАНКУЛОВА, к. ист. наук, доцент, Ташкентский университет прикладных наук, Узбекистан	
Становление корейских колхозов Узбекистана (1937–1940)	34
Сессия 2:	
КОРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	41
В.В. НАМ, д. пед. н., Университет Пучон в Ташкенте, Узбекистан	
К истории корейского просвещения в Узбекистане	42
Г.В. КАН, д. ист. н., проф., Университет «Нархоз», Казахстан	
Корейскому театру 90 лет	51
Б.И. КИМ, гл. редактор, газета «Корё синмун», Узбекистан	
О корейских СМИ	64

Сессия 3: ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ КОРЕЙЦЕВ СНГ ...	77
Z. ADAMS, PhD, Croft Visiting Assistant Professor of Korean Studies, University of Mississippi, USA	
Back to the Future, Part II: South Korean Overseas Heritage Development among the Diaspora	78
В.С. ХАН, к. филос. н., доц., со-директор Центра науки и инноваций, Университет Пучон в Ташкенте, Узбекистан	
Социологические исследования среди корейцев Узбекистана в годы независимости	113
С.Н. ПАК, к. пед. н., доцент, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Кыргызстан	
Этническое самосознание корейцев Кыргызстана и интеграционный процесс	128
М. FUMAGALLI, PhD, Prof., University of St Andrews, Scotland, UK	
Liminality and generational change among the Koryo saram in Bishkek, Kyrgyzstan	133
В.М. КИМ, научный сотрудник, Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, Таджикистан	
Проблемы и перспективы корё сарам в новейшей истории новых независимых государств (на примере Таджикистана)	150
ТЕН ЕН СУН (정영순), PhD, Visiting Prof., Инчонский национальный университет, Республика Корея	
Русскоязычные корейцы в Республике Корея: свои или чужие?	157

타슈켄트 부천대학교
연구혁신센터

**중앙아시아의 한인 디아스포라의 역사, 문화 및 사회생활
중앙아시아의 한인 정주 85주년을 맞이하여**

타슈켄트 부천대학교에서 열린 제1회 한국학
국제학술회의 자료

2023년 1월 20일 타슈켄트

담당 편집자

Dr. Viktor V. Nam, Dr. Valeriy S. Khan

2024

УДК 323.15:94

ББК 60.54

П88

중아시아의 한인 디아스포라의 역사, 문화 및 사회생활.

П88 중아시아의 한인 정주 85주년을 맞이하여 타슈켄트 부천대학교에서 열린 제1회 한국학 국제학술회의 자료이다. 2023년 1월 20일, 타슈켄트/ 담당 편집자: Viktor V. Nam, Valeriy S. Khan. – 타슈켄트, 타슈켄트 부천대학교, 2024년 – 168 p.

타슈켄트 부천대학교에서 열린 제1회 한국학 국제학술회의 '중아시아의 한인 디아스포라의 역사, 문화, 사회생활' 참가자들의 발표 및 자료를 수록한 자료집이다. 중아시아의 한인 정주 85주년을 맞이하여" 발표 중에는 영국, 카자흐스탄, 키르기스탄, 러시아, 미국, 타지키스탄, 우즈베키스탄, 대한민국 출신의 CIS 한인 디아스포라에 관한 저명한 연구자들이 있다. 자료집은 3 세션으로 나누어 발표되었다. 1. 유라시아 한인의 역사를 이해하기 위한 현대적 접근법, 2. 중아시아의 한국문화, 3. CIS 한인의 정체성과 자기인식이다. 본 자료집은 학국학자, 역사학자, 사회문화인류학자뿐만 아니라 중아시아의 민족사에 관심이 있는 모든 분들을 대상으로 한다.

편집

Viktor V. Nam V., Dr. Sc. (교육학)

Valeriy S. Khan V., Ph. D. (철학)

비평

Natalya E. Karimova, Dr. Sc. (역사학), 우즈베키스탄

Iuliia N. Tsyriapkina, Ph.D. (역사학), 러시아

타슈켄트 부천대학교 학술위원회 출판 승인.

ISBN 978-9910-9109-0-6

DOI: 10.5281/zenodo.11200560

© 타슈켄트 부천대학교, 2024

© V. Nam, V. Khan, 2024

목록

세션1.	
유라시아 한인의 역사를 이해하기 위한 현대적 접근법	9
Zhanna G. SON , 역사학PhD, “경제대학교”, 러시아	
러시아 제국의 한인에 대한 이민정책	10
Jon K. CHANG , PhD, Research Associate, Northwest Oklahoma State University, USA	
EASI and the Issue of What Constitutes Historical Discovery and True Primary Sources?	19
OTTO POHL , PhD, 전직 교수, 독립 연구원, 역사 과학과, USA	
The Deportation of the Ethnic Koreans From the Russian Far East to Kazakhstan and Uzbekistan	29
RAKHMANKULOVA A. Kh. , 역사학PhD, 타슈켄트 응용과학대 학교, 우즈베키스탄	
우즈베키스탄 한인 집단농장의 형성 (1937-1940)	34
세션2.	
중앙아시아의 한인문화	41
Viktor V. NAM , 교육학Dr. Sc., 타슈켄트 부천대학교, 우즈베키스탄	
우즈베키스탄 한인 계몽의 역사	42
Georgiy V. KAN , 역사학Dr. Sc., Narxoz University, 카자흐스탄	
한인 극장 90주년	51
Brutt I. KIM , 편집자, «고려 신문», 우즈베키스탄	
한인 언론에 대한	64

세션3.	
CIS 한인의 정체성과 자기인식	77
Z. ADAMS , PhD, Croft Visiting Assistant Professor of Korean Studies, University of Mississippi, USA	
Back to the Future, Part II: South Korean Overseas Heritage Development among the Diaspora	78
Valeriy S. KHAN , 철학PhD, 공학혁신센터 원장, 타슈켄트 부천대학교, 우즈베키스탄	
독립시대 우즈베키스탄의 한인 사회학적 연구	113
Stella N. PAK , 교육학PhD, 아람마예브 키르기스탄 국립 대학교, 키르기스탄	
키르기스탄의 한인의 민족정체성과 통합과정	124
M. FUMAGALLI , PhD, Prof., University of St Andrews, Scotland, UK	
Liminality and generational change among the Koryo saram in Bishkek, Kyrgyzstan	133
Viktor N. KIM , 연구원, 타지키스탄 국립과학원 아시아 및 유럽 국가 연구소, 타지키스탄	
신생독립국가의 현대사에서 한인의 문제와 전망 (예, 타즈키스탄) ...	150
정영순 , PhD, Visiting Prof., 인천대학교, 대한민국	
대한미국에서 사는 러시아어권 한인: 친근한 또는 낯선 사람인가? ...	157

СЕССИЯ 1:

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К ОСМЫСЛЕНИЮ ИСТОРИИ КОРЕЙЦЕВ
ЕВРАЗИИ**

Ж.Г. СОН

кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения
Факультета мировой экономики и мировой политики
НИУ «Высшая школа экономики»
Москва

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕЙЦЕВ

Аннотация. Доклад посвящён анализу архивных материалов и документов Архива внешней политики Российской империи о миграции корейцев в Россию и о российско-корейских отношениях с 1864 по 1918 гг. На основе большого фактического материала раскрываются особенности миграционной политики российского правительства применительно к корейцам на Дальнем Востоке. Показан механизм выстраивания отношений с мигрантами из Кореи, их обустройство в Приморье, роль и место корейцев в развитии русского Дальнего Востока, в школьном образовании, а также участие православной церкви в процессе натурализации корейцев в русскую культуру.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, Корея, корейцы, миграционная политика, межэтнические отношения, иммиграция, история, культура.

Abstract: The report is devoted to the analysis of archival materials and documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire on the migration of Koreans to Russia and Russian-Korean relations from 1864 to 1918. On the basis of a large factual material reveals the features of the migration policy of the Russian government applied to the the Koreans in the Far East. Shows the mechanism of building relations with migrants from Korea, their arrangement in Primorye, the role and place of the Koreans in the development of Russian Far East, in school

education, and the participation of the Orthodox Church in the process of naturalization of Koreans in the Russian culture.

Keywords: Russia, Far East, Korea, Koreans, migration policy, inter-ethnic relations, immigration, history, culture.

На протяжении длительного периода (с конца 80-х годов XIX века вплоть до Первой мировой войны) правительству Российской империи не удалось выработать и принять «общеиммиграционный» закон, поскольку Министерство финансов, Финансовая комиссия Государственной Думы отстаивали экономические меры борьбы с нежелательной иммиграцией, в которые включались:

– ограничения в приёме на казённые виды работ иностранных подданных, или разрешение на приём их в случаях отказа производства таких работ силами российских подданных;

– определение отдельных отраслей, испытывающих «дефицит» рабочей силы – горных, металлургических и др. для использования труда иностранных работников;

– запрещение продажи казённых земель и сдачи в наём жилья иностранным подданным и т.д. [Воробьёва О.Д. и др., 33].

Силовые ведомства стояли за решительные меры борьбы с иммиграцией вообще, а значит, за введение жёсткого паспортно-визового режима. Такой режим предусматривал въезд через строго ограниченные пограничные пункты пропуска, уплату многочисленных налогов, сборов и пошлин (в казну, на канцелярские расходы, гербовый сбор и др.), а также штрафы за нарушения и любые проступки административного порядка [Воробьёва О.Д., там же].

Отсутствие федерального законодательства обусловили появление губернских «региональных» законопроектов. Из-за притока из Китая и Кореи мигрантов Приамурское и Иркутское генерал-губернаторства, а также Забайкальская

область приняли законопроекты, касающиеся китайцев и корейцев. В них предусматривались меры не только административной ответственности, но и уголовного наказания за нарушение установленных норм и правил. Необходимо отметить, что в силу прозрачности границ на Дальнем Востоке точные данные о фактическом проживании китайцев и корейцев отсутствовали. Конъюнктурные и ведомственные интересы определяли политику в отношении иностранной миграции.

С другой стороны, многолетние исследования русскими исследователями этнического характера соседних государств – Китая, Японии и Кореи – к концу XIX в. принесли свои плоды, о чём убедительно свидетельствуют документы дипломатического корпуса МИД Российской империи. Русские дипломаты в проведении внешней политики с этими государствами проявляли осторожность. Международная политика на русском Дальнем Востоке велась с целью не вызвать какого-либо военного конфликта на своих дальних рубежах и имела намерения налаживать торговые отношения со всеми государствами.

27 апреля 1861 г. императором Александром II был утверждён закон «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» [АВПРИ, д. 49, л. 3, 128–130 об.]. Закон был необходим в целях освоения пустынных земель русского Дальнего Востока, отошедших к России после подписания Айгунского и Пекинского договоров с Китаем. Русским и иностранцам, желающим поселиться в Амурской и Приморской областях, при условии переселения за свой счёт, предоставлялось право выбора свободных участков казённой земли во временное владение или в полную собственность в размере до 100 десятин на семью. Они освобождались от подушных податей навсегда, от воинской повинности – на 10 лет и от платы за пользование землёй – на 20 лет.

Русские власти в Приморье усматривали в миграции корейцев только положительные стороны. Во-первых, в край прибывают трудолюбивые землепашцы, не имеющие ни малейшего желания вернуться на родину. Во-вторых, как ещё прежде пишет в своём донесении российский посланник в Китае А.Г. Влангали директору Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухову: «...пока мы не стоим твёрдой ногою во вновь приобретённых нами областях, пограничных Китаю, т.е. пока области эти не достигнут развития, то частные неофициальные отношения между пограничными жителями и властями могут лучше всего оказать наибольшую пользу для края и подготовить отношения, которые со временем должны будут установиться сами собою между Правительствами» [Миграция корейцев, 2017, 97-98].

Администрация русского Дальнего Востока не видела никаких причин к запрету корейской иммиграции как в связи с малочисленностью переселяющихся из Кореи, так и ввиду наличия в Приморской области больших незаселённых пространств и большого спроса в Южно-Уссурийском крае на рабочие руки. На все устные просьбы корейских крестьян разрешить им поселиться, например, недалеко от Новгородского поста, обычно давались положительные ответы. Это обстоятельство имело своим последствием корейскую иммиграцию в форме беженства в Россию без предварительного «испрашивания» разрешения на переселение. Успешное обустройство на русской земле корейских крестьян, получивших возможность спокойно возделывать столько земли, сколько они были в силах обработать, отсутствие налогов позволяло корейцам всю прибыль оставлять в своём личном хозяйстве. Это стало привлекательным фактором для усиления притока корейцев из Кореи.

На действительную военную службу в русской армии корейцы призвались в 1909 г. Корейцы как подданные Российской империи защищали своё новое отечество с оружием

в руках и боролись на государственной границе с бандами хунхузов. Русские власти оказывали корейцам содействие в экономике, культуре российских корейцев, финансировали школьное и специальное образование, поддерживали религиозные верования, а также корейское национально-освободительное движение против японских колонизаторов.

Царское правительство, заинтересованное в то время в заселении пустовавших территорий Дальнего Востока, поощряло иммиграцию корейцев небольшими группами. Однако в целом её строго регулировали, ограничивая ареалы заселения корейцев. Наиболее заселённая корейцами приграничная зона России с Кореей и Китаем создавала определённую угрозу для безопасности со стороны сопредельных государств. Корейский или «жёлтый» вопрос периодически рассматривался в 1885, 1908, 1911 гг. [Миграция корейцев, 2017, 151, 395-397, 487-490].

Генерал-губернатор Приморского края М.С. Корсаков извещает директора Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухова о массовом самовольном переселении корейцев в Россию (из-за голода в конце 1860 г. переселились 1850 человек без средств к существованию). Российские власти, несмотря на нехватку запасов продовольствия, обеспечили корейцев казённым хлебом и выдали деньги «для самых крайних нужд», разместив переселенцев в Южно-Уссурийском крае [Миграция корейцев, 2017, 115-116].

Зимой 1869–1870 гг. в Южно-Уссурийский край переселились 6543 корейца, из них 5134 чел., или более 80%, не имели никаких средств к существованию. Таким образом, в 1871 г. на русскую территорию переселилось 25 корейских семей, в 1872 г. – 22, в 1873 г. – 18, в 1874 г. – 28, в 1875 г. – 73, в 1876 г. – 32, в 1877 г. – 25, в 1878 г. – 37, в 1879 г. – 46, в 1880 г. – 46, в 1880 г. – 30, в 1881 г. – 3, в 1882 г. – 52, в 1883 г. – 85 и в 1884 г. – 132 семьи. Всего за 1871–1886 гг. в Россию пересе-

дилось 847 семей корейцев. [Пан Бён Нюль, 2004, с. 75, 85].

В 1892 г. из «Обзора Приморской области за 1892 г.» численность корейцев составляла: в г. Владивостоке – 457, г. Хабаровске – 72, г. Николаевске – 3, г. Петропавловске – 1, Южно-Уссурийском округе – 15761, Софийском округе – 168, итого: 16457 человек [Миграция корейцев, 2017, 185].

В связи с большим наплывом корейских иммигрантов на русский Дальний Восток между директором Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоуховым и генерал-губернатором Приморского края шла активная переписка [Миграция корейцев, 2017, 115-116; 119-120]. Российское руководство было вынуждено ввести для корейских переселенцев правила, касающиеся эмиграции и возмещения корейцами ссуд [Там же, 121-122].

Директор Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухов в письме генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову выражает одобрение его действиям в отношении корейских переселенцев и их некомпактному расселению вдали от границы. Он отмечает: «Мы можем только радоваться увеличению населения в наших пустынных областях, и притом такого населения, которое своим трудолюбием и склонностью к хлебопашеству и другим отдельным занятиям подаёт лучшие надежды к скорейшему водворению прочного гражданского благоустройства в том краю». П.Н. Стремоухов пишет, что необходимо определить правила водворения корейцев вдале от пограничной черты и по возможности расселять между русскими деревнями с целью «скорейшего обрусения их и слияния с прочим населением края» [Миграция корейцев, 2017, 119-120].

На рубеже XIX и XX веков происходит ослабление внимания России к Корее за счёт усиления борьбы за укрепление экономических, военных и стратегических позиций в Маньчжурии. Наступление такого поворота в дальневосточной политике России было юридически оформлено Токийским

протоколом Ниси–Розена 25 апреля 1898 г., согласно которому царское правительство признало преобладающие экономические интересы Японии в Корее и обязалось не препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей [Пак Б.Б., 2004, 226].

Более жёсткие меры в отношении корейцев-переселенцев были приняты 21 июня 1910 г. Совет министров обнародовал закон об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве. В частности, в указанных местностях был в виде общего правила запрещён наём упомянутых лиц на работы, необходимые для надобностей казённых управлений, с разрешением, однако, Совету министров допускать в особых случаях, при невозможности точного соблюдения этого правила, отдельные из него изъятия. Законом не устанавливались какие-либо различия между рабочими жёлтой и белой рас, ограничения касались исключительно иностранных подданных [Миграция корейцев, 2017, 454-455]. Согласно этому закону, корейцы с русским подданством имели право работать на постройке Амурской железной дороги, во Владивостокском торговом порту, на золотых приисках [Там же, 503-504]. 4 февраля 1911 г. 1981 корейцев обратились в Приамурское губернаторство с прошением, в виде исключения, разрешения на принятие в подданство России. Этот список корейцев был утверждён императором Николаем II 25 апреля 1911 г. [Там же, 499-501].

В 1911 г. 8209 семей (свыше 65 000 чел.) заявили о желании перейти в русское подданство. Российские власти дают корейским переселенцам в Российскую империю высокую оценку: «С политической точки зрения, корейские выходцы также не вызывают против себя каких-либо подозрений в смысле приверженности чуждым России государ-

ственным и национально-политическим идеалам» [Миграция корейцев, 2017, 556-561]. 8 июня 1913 г. в Департаменте общих дел Министерства внутренних дел рассматривался список корейских граждан численностью 2587 человек, ходатайствовавших о принятии их в подданство России [Там же, 518-520).

Корейцы, переселившиеся на русскую землю, активно принимали православную веру. По сведениям протоиерея П. Соколова, во Владивостокской епархии к 1913 г. функционировали 23 церковно-приходские школы: три – двухклассных и 20 – одноклассных, в которых обучались корейцы или исключительно, или в преобладающем количестве. В этих школах состояло учащихся: корейцев – 1260, русских – 24 чел. [Миграция корейцев, 2017, 562-565].

В 1914 г. Приамурский генерал-губернатор принимает решение о праздновании пятидесятилетия переселения корейцев в Приамурский край. [Там же, 601-605]. В докладе министра внутренних дел России в Государственную Думу «Об условиях вселения в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства иностранных подданных и проживания их в пределах означенных местностей» отмечается роль корейцев в создании на русской земле новой культуры земледелия.

История миграции корейцев на русский Дальний Восток, как и история бегства и пребывания корейского короля Коджона в русской миссии в Сеуле не имеют аналогов во всемирной истории. Ни в одной стране мира и ни с одним народом не поступали так толерантно, как русские, принимавшие и предоставлявшие корейцам наравне с коренным населением одинаковые права. Ни в одной стране мира не было подобного инцидента, как с корейским королём Коджоном, который год пребывал в русской миссии и от которого не требовали каких-либо политических и экономи-

ческих преференций. Миграция корейцев в Россию играла важную роль в становлении и развитии русско-корейских отношений и представляет собой единую цепь в выстраивании межгосударственных отношений и диалога двух культур, двух народов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

АВПРИ. Фонд Библиотека Азиатского департамента МИД, д. 49, л. 3, 128-130 об., подлинник, рус. яз. (AVPRI. Fond Biblioteka Aziatskogo Departamenta MID, delo. 49, list 3, 128-130 ob., podlinnik, rus. yaz.).

Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Иммиграционная политика России: история и современность [Vorob'yeva O.D., Rybakovskiy L.L., Rybakovskiy O.L. Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost']. М.: Экон-Информ, 2016. – 192 с.

Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821-1918. Документальная история (Сост. Ж.Г. Сон). (Migratsiya Koreytssev na Russkiy Dal'niy Vostok: rossiysko-koreyskiye otnosheniya. 1821– 1918. Dokumental'naya istoriya (Sost. Zh.G. Son). М., 2017. – 726 с.

Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. М.: Ин-т востоковедения РАН (Pak B.B. Rossiyskaya diplomatiya i Koreya. М.: In-t vostokovedeniya RAN), 2004. – 272 с.

Пан Пёнг Юль. Слободка Синханчхон и корейская община в России / 1937 год. Российские корейцы: Приморье-Центральная Азия-Сталинград (Депортация). – М.: Гриф и К (Pan Byung Yool. Slobodka Sinkhanchkhon i koreyskaya obshchchina v Rossii / 1937 god. Rossiyskiye koreytsy: Primor'ye-Tsentr'al'naya Aziya-Stalingrad (Deportatsiya). – М.: Grif i K), 2004. – 287 с.

DR. JON K. CHANG

PhD History (Russian)

Research Associate, NWOSU, USA

(Northwest Oklahoma State University)

**EASI¹ AND THE ISSUE OF WHAT
CONSTITUTES HISTORICAL DISCOVERY
AND TRUE PRIMARY SOURCES?**

Abstract. This article covers some of the pre-1937 history of Soviet Koreans serving (along with some Chinese from the RFE) in Soviet intelligence missions to the Japanese empire, primarily Manchuria, Beijing, Shanghai and Korea. These missions were named Operation Maki Mirage and discovered by this author through his fieldwork among *Koryo saram* and the Soviet Chinese in Uzbekistan, Kyrgyzstan and Russia (Khabarovsk). This article also interrogates the issue of what are the optimal methodologies to produce “discovery” rather than theory (otherwise known as “theory churn”) in the social sciences and especially in the field of history.

Key Words: Soviet Koreans, *Koryo saram*, Soviet intelligence, methodology, Maki Mirage, theory, primary sources.

Introduction

This is my submission for the Tashkent, Uzbekistan Online Conference of January 20th, 2022 led by Dr. Valeriy Khan on *Koryo saram*. In this paper, we cover the pre-and post-1937 history of Soviet Koreans by discussing EASI (East Asians in Soviet intelligence) from 1920 to 1945 and the methodology behind this historical discovery.

This is a story which has the potential to change current thinking about the Soviet Koreans, their loyalties, the necessity of their

1937 deportation as well as interrogating the issue, "How does a professional historian conduct research to produce discovery rather than theory?" and "Are state archives true 'primary sources'?" In this case, since I was conducting research about Korean life in the Russian Far East and Central Asia from the 1910s to the 1940s, it was imperative to go to Central Asia and Russia to interview Soviet Koreans (and a few Soviet Chinese). Writing notes from my interviews was not enough. I had to have actual proof. Recording my interviews was the only choice since the oral history accounts of Soviet minorities (such as the Koreans and Chinese of the RFE²) are often radically different than their historical record as "state subjects" in the Russian archives. Oral history gave the Soviet Koreans and Chinese ample agency and initiative, qualities that the state archives rarely attributed to Soviet *natsmen* (national minorities). These interviews *in situ* were recorded, photos were obtained from the subjects and a good deal of state archival work was examined. These three sources (recorded oral history interviews *in situ*, photos scanned from the subjects to support their histories and "working" the state archives) are part of a methodology which I have called "3-D history" and produce the fullest re-creation and representation of the past and its histories [Chang 2019b, 146-147, 160].

By utilizing different methods and conceptual frameworks (especially towards state archives), this author uncovered Soviet intelligence operations which sent somewhere around twelve hundred East Asian NKVD and GRU³ agents into Manchuria (after 1931 Manchukuo) and China proper between 1920 and 1945. Not only did Soviet intelligence use their own East Asians, in fact, the USSR employed all of their diaspora peoples, that is, Soviet Greeks, Poles, Germans, Finns, Turks and others in the foreign (operations) division of the OGPU/NKVD and GRU during this period [Trepper 1977, 37-39; Sudoplatov 1994, 106-109].

History on the Ground

In 2008, I first travelled to the former Soviet Central Asia to pursue this line of research (and methodology). There, I met Illarion Em in Tashkent, Uzbekistan who helped him set up a dinner and full day of interviewing seven or eight elderly Koreans who could reminisce about Korean life in the Russian Far East in the 1920s and 1930s prior to the Korean deportation of 1937. Illarion himself had quite an interesting life and had even spent various parts of 3-4 years in Jalalabad, Afghanistan from 1967 to 1970 as part of a Soviet irrigation and infrastructure project for the aforementioned city.

Figure 1: Illiarion Em was a lead engineer in a Soviet irrigation project for the city of Jalalabad, Afghanistan from 1967-1970. Photos courtesy of Jon K. Chang and Illarion Em.

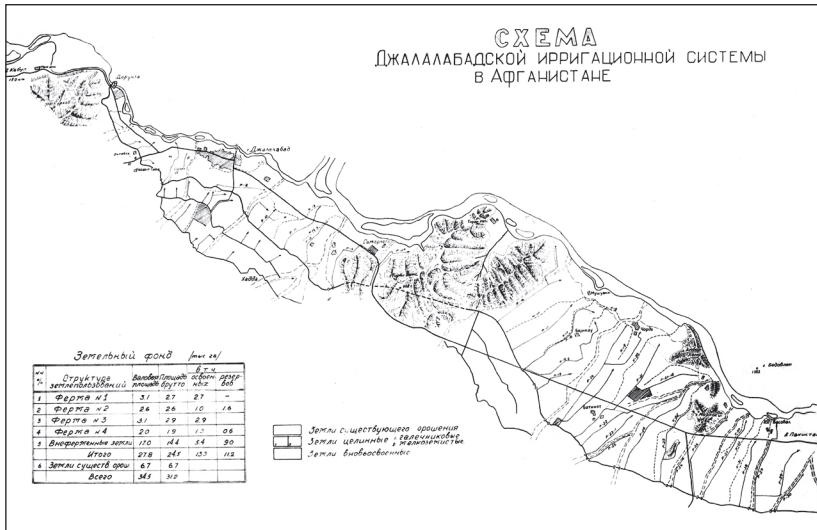

Figure 2: Illarion Em being interviewed on June 4, 2009, Tashkent, Uzbekistan. Photo by author.

During the middle of an interview on June 4, 2009, Gleb Li came up to Mr. Chang and said, "Have I got a story for you! My story is rare and it's one that I don't think the others have. My grandfather Shen Li was a famous Chekist (GPU/OGPU). He was sent to Korea on an espionage mission, captured by the Japanese around 1928 and tortured. He survived 1928 and somehow made it back to the RFE." Gleb was the first of seven Soviet Koreans and Chinese who would tell me about the role of their relatives (typically grandfathers) who participated in Soviet intelligence operations during the 1930s to the 1940s.

Figure 3: The Li Family, 1920. Shen Li, center, was a Chekist/GPU officer in 1920. Photo courtesy of Jon K. Chang and Gleb Li.

Much of my information on the EASI contradicted the histories that Russian and Western journalists, historians and academics have been telling and disseminating in the various disciplines under Russian, Korean and Asian history. The Russian/Soviet archives continually disseminated and repeated the view that the Soviet diaspora peoples were disloyal and at the very

least, vectors for foreign espionage, that is, potential fifth columnists in the USSR. Despite the volumes of articles and books published on NKVD and GRU operations in the USSR from 1920 to 1945, there is little or no mention of Soviet East Asians serving in Soviet *agentura*. The books by Chumakov and Nikolaev serve as examples of the “blank spot.” [Chumakov 2013; Nikolaev 2000]. Interestingly, on some of the missions of Maki Mirage, the Soviet East Asians were assigned to perform the primary “special tasks,” while the “Russians” were the decoys [Chang 2019a, 27]⁴.

Most importantly, this history of a long running Soviet intelligence operation emanating from the Russian Far East was supported by Dmitrii A. Ancha and Nelli G. Miz’s *Kitaiskaia diaspora vo Vladivostoke: stranitsy istorii* [*Chinese Diaspora in Vladivostoke: Pages of History*]. Li Khuei (in English, Li Hui), the Chinese Ambassador to Russia in 2012 commissioned this work by negotiating with Russian officials and by requesting to have access to off-limits NKVD files which chronicled the recruitment and use of East Asians as Soviet intelligence agents from 1924 to 1937. Ancha and Miz’s *Chinese Diaspora* mentioned four hundred Soviet Koreans and Chinese being withdrawn from active duty in the Soviet intelligence services in the 1930s [Ancha and Miz 2015, iv, 285]. Furthermore, Tepliakov’s *The Guardsman of Stalin* [*Oprichniki Stalina*] mentions Soviet intelligence recruiting Soviet Chinese and Chinese foreign students from primarily two universities in Moscow, KUTV (The Communist University of the Toilers of the East) and KUTK (the Sun Yat-sen Communist University) (Tepliakov 2009, 193). To recapitulate, the discovery of EASI by this author was made possible through oral history interviews with Soviet Koreans and Chinese. Information on Soviet intelligence operations (especially abroad in foreign countries) was never opened in their entirety nor even their majority. The best and most secretive information was always kept off-limits especially files about foreign espionage operations (INO,

NKVD and GRU) (Chang 2019c, 265fn7; Pohl 2022, 15). The next subsection details why the “state archives” are not and cannot be a true primary source. (It is simply based on the definition of “primary” signifying a witness or a firsthand account).

Figure 4- A Soviet Korean NKVD agent in uniform. Nikolai V. Nigai, May 29, 1934 outside of Vladivostok, Russia. Nikolai was one of several Korean NKVD officers to take part in the Korean deportation of 1937. Photo courtesy Raisa Nigai.

Discovery and True Primary Sources: Oral History Versus State Archives

Let us begin by asking, "Why was it that none of the Western nor Soviet scholars predicted the fall of the USSR despite millions and even billions of dollars of research budget (conferences, salaries, research books, think tanks, time, etc.) to study the USSR (per annum) in the late 1980s to early 1990s?" The same goes for any prediction about Russia invading Ukraine on February 24, 2022. Why has there consistently been no predictive power nor any real historical "discoveries" made by the majority of academics doing research in the social sciences? At best, most offer theories based upon layers and layers of similarly cited theories (by other academic books and academicians). Where is the "science" in the social sciences without discoveries?

The primary reason is because of sources; most historians, political scientists and other academics (ie. think-tanks) are not using true primary sources. Most academics prefer to cite published papers in reputable journals, magazines or media sources. Second, they conduct little or no "oral history" interviews with common citizens and especially those who present themselves as being confrontational, volatile, and revolutionary in their politics. However, it is exactly this type of firebrand who is likely to lead and incite political crises and social change. These people are only interviewed by academics *after* they come into power. Many of those in higher education are dying to be interviewed and yet, are hesitant to interview the common man or woman (those without academic or political title). This type of willfulness or neglect by academics is the major reason why academic research has little or no predictive power and rarely produces "uncommon knowledge" and new historical discovery. It takes a writer and a voice representative of the people to produce history, rather than the writer/intellectual fulfilling both roles.

Second, the state archives especially those from an authoritarian regime such as the USSR are not a true primary source.

Most of the reports in the archives have state actors (officials, state employees who are selected to represent an event that occurred) who are not contemporary witnesses. They are connected to the state in some way as an official (of a state institution) or a selected "state hero" who writes a report compiled from other reports. Then there are archival reports from witness testimonies but compiled by state officials or state representatives/actors. Again, these are secondary sources and not primary. Another quality that makes archival reports and testimonies "secondary" or a 1.5 source is that they attribute too great a state role (and state policy and state officials) in the creation of the said event or history. In the archives, the role of the common Soviet citizen has been reduced and his/her agency and initiative are typically negligible. Finally, the content which the state official writes for the archives has typically been agreed upon and checked by several levels of official channels and gatekeepers.

Summary

A social science endeavors to produce histories representative of the lives, voices, struggles, and achievements of its people(s). An intellectual using reports or documents compiled by the state produces solely what the sum of the parts allow, a theoretical, state-sanctioned history whereby only the state is pleased. This, in fact, is state history defeating the people because in the archives, it is the officials and the state who play the most important roles and take the credit for turning the masses into an organized, coherent "nation." The end result of the academic using solely state archives is the chronicle of an "imagined people and their projected, cardboard, carbon copy lives." Therefore, if one wishes to write an uncommon truth or history, the researcher must strongly consider adding fieldwork *in situ*, structured interviews and the collection of photographs to the standard practice of [state] archival work.

REFERENCES

- Ancha, Dmitrii A. and Miz, Nelli G. 2015. *Kitaiskaia diaspora vo Vladivostoke: stranitsy istorii*, 2-e izdanie (*Chinese Diaspora in Vladivostok: The Pages of History*, Second ed.). Vladivostok: Dalnauka.
- Chang, Jon K. 2019a. "East Asians in Soviet Intelligence and the Continuities between Soviet and Russian Intelligence Practices," in *The Intellicencer* 25, no. 1: 23-29.
- . 2019b. "East Asians in Soviet Intelligence: New Paradigms and Methods," in *East and West as Centers in the Centerless World*. Edited by Young Woo Kwon et al. Tokyo: Okura Info Service.
- . 2019c. "Ethnic Cleansing and Revisionist Russian and Soviet History," in *Academic Questions* 32, no. 2: 263-270.
- Chumakov, Nikolai S. 2013. *Delo "Maki Mirazh" (The Matter of "Maki Mirage")*. Khabarovsk: Khabarovskaia kraevaia tipografiia.
- Nikolaev, S. 2000. *Maki Mirazh: iz istorii otechestvennykh spetssluzhb (Maki Mirage: From the History of the Fatherland's Special Service)*. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe delo.
- Pohl, J. Otto. 2022. *The Years of Great Silence: The Deportation, Special Settlement and Mobilization into the Labor Army of Ethnic Germans in the USSR, 1941-1955*. Stuttgart: Ibidem.
- Sudoplatov, Pavel and Sudoplatov, Anatoli. 1994. *Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness—A Soviet Spymaster*. Edited by Jerrold L. Schecter and Leona P. Schecter. London: Little, Brown & Co.
- Tepliakov, Aleksei G. 2009. *Oprichniki Stalina (The Guardsmen of Stalin)*. Iauza/Moskva: EKSMO.
- Trepper, Leopold. 1977. *The Great Game: The Story of the Red Orchestra*. London: Michael Joseph, Ltd.

ENDNOTES

- ¹ "East Asians in Soviet Intelligence" is to be abbreviated throughout this article as EASI.
- ² RFE signifies throughout this text the Russian Far East.
- ³ GRU refers to Soviet military intelligence while OGPU and NKVD were the Soviet political police and the predecessors to the KGB.
- ⁴ This euphemism "special tasks" refers to the hard, punitive or murderous actions carried out by Soviet intelligence.

OTTO POHL

PhD, Independent Scholar,
USA

THE DEPORTATION OF THE ETHNIC KOREANS FROM THE RUSSIAN FAR EAST TO KAZAKHSTAN AND UZBEKISTAN

Abstract. The Soviet forced resettlement of ethnic Koreans (*Koryo Saram*) from the Russian Far East to Kazakhstan and Uzbekistan represented a milestone in repressive internal deportations. It was the first time that the vast majority of a particular ethnic group in the USSR had been targeted for removal from its traditional areas of settlement to restricted areas of internal exile. Earlier the Soviet government had forcibly resettled millions of farmers branded as kulaks. This campaign of internal deportations was nominally class based and effected families from many different ethno-national groups in the USSR. From 1930 to 1931, the Soviet political police which was then called the OGPU then (Unified State Political Administration) violently transported a recorded 1,803,392 “kulaks” to special settlements in remote areas of the USSR (Polian, *Ne po svoei vole: Istoriia i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR*, 73-74). These mass deportations uprooted people from a wide variety of ethnic groups including those later deported in their majority due to *natsional'nost'* such as the Koreans in the Russian Far East, Germans in the western parts of the USSR, Kalmyks, Chechens, and Crimean Tatars. But, most of the deported kulaks were Russians and Ukrainians. There had also been ethnic deportations that only targeted specific national groups in certain geographical territories such as the 1936 deportation of Germans and Poles from western Ukraine to Kazakhstan (Polian, 88-90). These geographically targeted ethnic deportations during the 1930s only resettled a minority of these national groups. The internal deportation of the Koreans in 1937, however, involved the resettlement of the vast majority of the national minority living in the Soviet Union from

their traditional areas of habitation in the Russian Far East to Central Asia.

Keywords: Koreans, NKVD, Kazakhstan, Uzbekistan, Russian Far East.

The Koreans in the USSR were immigrants and their descendants to the Russian Far East that came either directly from the Korean peninsula or Manchuria during the late 19th and early 20th centuries. Migration started in the 1860s mostly from north-eastern Korea initially to flee the oppressive conditions Korean peasants suffered at the hands of their own monarchy and landlords (German N. Kim, "The Deportation of 1937 as a Logical Continuation of Tsarist and Soviet Nationality Policy in the Far East," *Korean and Korean American Studies Bulletin*, vol. 12, nos. 2/3, 2001, R20-R21). Later after the Japanese made Korea first a protectorate in 1905 and then a colony in 1910 the migration of Koreans to the Russian Empire and later USSR increased massively. This stemmed from Japanese colonial repression and land confiscations leading to a decreased standard of living (Kim 2001, R22). The Koreans were the largest East Asian diaspora in the USSR numbering over 170,000 people by the time of the deportations.

The deportations started on 9 September 1937 in accordance with SNK (Council of People's Commissariats) and Central Committee of the VKP (B) (All Russian Communist Party [Bolshevik] Resolution 1428-325ss, "On Exiling the Korean Population from the Border Raions of the Far Eastern Krai." This decree was signed by Molotov and Stalin on 21 August 1937 and ordered the NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs) the successor organization to the OGPU to remove all ethnic Koreans from the districts of the USSR bordering Korea, China, and Mongolia (Li U He and Kim En Un (eds.), *Belaia kniga: O deportatsii koreiskogo naseleniia Rossii v 30-40 godakh*, 64-65.). These border districts contained 135,343 ethnic Koreans, a significant majority of the national minority's population in

the USSR (Li U He and Kim En Un, 67-68.). The NKVD rounded up the Koreans and loaded them into freight train wagons destined for Kazakhstan and Uzbekistan (Li U He and Kim En Un, 89.). On 28 September 1937, the SNK issued a second resolution followed by one by the Central Committee of the Communist Party to internally deport the 21,000 ethnic Korean households located in the interior of the Russian Far East Krai away from the border to Kazakhstan and Uzbekistan (Li U He and Kim En Un, 80.). These two resolutions ordered the successful removal of the vast majority of the ethnic Korean population in the USSR east of Lake Baikal to the interiors of the Kazakh and Uzbek SSRs. A final mop up of the remaining Koreans in the Soviet Far East occurred at the end of October and beginning of November 1937. The NKVD deported the last 816 Koreans from the Kamchatka Peninsula, Nizhni-Amur Oblast, and Khabarovsk Oblast to Kazakhstan starting on 30 October 1937. The last westward bound deportation trains loaded with Koreans left for Central Asia on 3 November 1937. In total the NKVD counted removing 172,597 ethnic Koreans from the Russian Far East (V.D. Kim, (ed.), *Pravda - polveka sputsia*, 76-77.) This was the first almost complete removal of an ethnic group in the USSR from its traditional areas of settlement and would be repeated by the NKVD multiple times during World War II.

The forced relocation of the vast majority of the *Koryo Saram* greatly altered their lives and collective existence for the worse. The deported Koreans were resettled throughout Kazakhstan and Uzbekistan mostly on collective farms (kolkhozes) (B.D. Pak and N.F. Bugai, *140 let v Rossii: Istorii Ocherk rossiiskikh koreitsev*, 269.). The material conditions that met the deportees in Central Asia were extremely substandard. Many of them initially were housed in yurts or converted tea houses, and housing shortages would persist up until 1940. Lack of medicine and epidemic diseases due to unsanitary living conditions led

to a significant increase in premature deaths (Marco Buttino, "Minorities in Samarkand: A Case Study of the City's Koreans," *Nationalities Papers*, vol. 37, no. 5, (2009), 720-721.). There was also a lack of sufficient food, a problem that afflicted the deportees in Kazakhstan to a greater extent than those in Uzbekistan (Li U He and Kim En Un, 168-169.). This was due to receiving less compensation in Kazakhstan than Uzbekistan for property forcibly abandoned. Many Koreans deported to Kazakhstan received nothing or near nothing in the way of compensation such as those from Kanton Kommune (Li U He and Kim En Un, 168-169.). This spurred a significant movement of deported Koreans from Kazakhstan to Uzbekistan to take advantage of the better material conditions. Letters by Korean deportees to the NKVD asking for families to be reunified in Uzbekistan were common. For instance Nadezhda Kim wrote to the NKVD on 10 February 1938 asking that she be allowed to travel from Uzbekistan to Karaganda, Kazakhstan and return with her husband, sister in law, and three other relatives (Kim 1999, 127.) Legally, the deported Koreans were classified as administrative exiles and did not have the same freedom of movement and choice of their residency as other Soviet citizens (Pak and Bugai, 250-53). For the most part they were confined to the particular raion they had been assigned to by the NKVD. This restriction on their movement was codified by the SNK (Council of People's Commissars) on 3 November 1938 (Kim 1999, 123.). They would only recover the rights of freedom of movement and choosing their place of residence in the 1950s after Stalin's death.

The Soviet forced resettlement of almost all the ethnic Koreans in the Russian Far East to Kazakhstan and Uzbekistan marked a successful milestone in the development of the regime's repressive apparatus. The ethnic cleansing of entire nationalities had been proven to be possible and from Moscow's point of view desirable in many cases. During World War II, the

republics of Kazakhstan and Uzbekistan along with Kyrgyzstan and parts of Siberia became dumping grounds for many other entire nationalities that the Soviet government deemed to be problems.

LIST OF LITERATURE CITED

- Buttino, Marc, "Minorities in Samarkand: A Case Study of the City's Koreans," *Nationalities Papers*, vol. 37, no. 5, (2009).
- Kim, German, "The Deportation of 1937 as a Logical Continuation of Tsarist and Soviet Nationality Policy in the Far East," *Korean and Korean American Studies Bulletin*, vol. 12, nos. 2/3, 2001.
- Kim, V.D., (ed.), *Pravda – polveka sputsia* (Tashkent:1999).
- Li U He and Kim En Un (eds.), *Belaia kniga: O deportatsii koreiskogo naseleniia Rossii v 30-40 godakh*. (Moscow:1992).
- Pak, B.D. and N.F. Bugai, *140 let v Rossii: Istorii Ocherk rossiiskikh koreitsev* (Moscow:2004).
- Polian, Pavel, *Ne po svoei vole: Istorii i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR* (Moscow: 2001).

А.Х. РАХМАНКУЛОВА

кандидат исторических наук, доцент

Ташкентский университет прикладных наук

**СТАНОВЛЕНИЕ КОРЕЙСКИХ КОЛХОЗОВ
УЗБЕКИСТАНА (1937–1940 гг.)**

Abstract. This article is devoted to the formation and development of Korean resettlement collective farms in Uzbekistan on the basis of previously unpublished archival documents. After forced resettlement in 1937, most of the Korean settlers were settled in specially created Korean collective farms. The Koreans making incredible efforts, tried to lay the foundation of the industrial, technical, housing and household base in their places of residence in 1937-1940. Large centers of agriculture were created, in which Koreans began to cultivate their traditional rice farming and other agricultural crops and soon achieved notable success.

Key words: forced relocation, Uzbekistan, Koreans, Korean collective farms (kolkhoz), agriculture.

При изучении принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока в Узбекистан одним из важных вопросов остаётся процесс обустройства их на новых местах. Советом Народных Комиссаров УзССР был принят ряд постановлений и распоряжений в развитие постановлений СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении корейцев, а также по вопросам, которые касались трудового, хозяйственного, бытового устройства выселенных на местах расселения. В частности, для реализации постановления СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. Совет Народных Комиссаров УзССР принял 16 сентября 1937 г. постановление «О расселении корейских хозяйств». Согласно данным

архивных документов, к 10 ноября 1937 г. по районам и городам Узбекской ССР было расселено 16 307 корейских хозяйств [1: 91]. Для корейских поселений постановлением Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР от 11 октября 1937 г. (№ 1546) «О корейцах» были отведены массивы поливных земель «в основном за счёт ликвидации ряда совхозов и подсобных хозяйств». В конечном итоге, на обособленных земельных участках общей площадью в 17 369 га поливной земли в республике были размещены 6 929 хозяйств или 74,5% всех хозяйств корейских переселенцев–колхозников.

К весне 1938 г. большая часть корейских переселенцев была устроена в специально созданных корейских колхозах, другая доприселялась к ранее существовавшим узбекским колхозам. В 44 вновь организованных колхозах (корейских колхозах – Р.А.), значит на землях государственного фонда и ликвидированных совхозов, ОРСов и подсобных хозяйств были землеустроены – 5 637 хозяйств, в 140 местных старых колхозах в порядке добровольного их доприселения – 4 573 хозяйств. Всего по Узбекистану было устроено 10 210 хозяйств [2: 45-46]. К январю 1939 г. всего из переселенческих корейских хозяйств в Узбекистане было организовано четыре рыболовецких колхоза: в Кунградском районе – колхоз «Рыболовецкие промыслы» (40 семей); в Ходжейлийском – колхоз «Ленин-Яб» (37 семей); в Муйнакском – колхоз «им. Коминтерна» (170 семей) и в Бекабадском районе – колхоз «Дальневосточник» (68 семей) [3: 180].

Одновременно с организационным устройством колхозов корейских переселенцев в чрезвычайно трудных условиях проходили землеустроительные работы. Всего для хозяйственного освоения корейским колхозам было отведено, включая приусадебные участки, 30 448 гектаров земли, из них 29 879 га – под вновь организованные самостоятельные корейские колхозы [4: 16].

За 1938–1940 гг. корейские колхозы окрепли в

организационно-хозяйственном отношении. Их основные средства производства выросли в 2-3 раза, денежные доходы увеличились в 4-5 раз, валовой сбор риса – в 2,5 раза. Колхозы стали сильными многоотраслевыми хозяйствами. В частности, корейцам-рисоводам была отведена роль в распространении культуры поливного рисосеяния. Начиная с конца 30-х гг. до начала 90-х гг. XX века во многих крупных рисоводческих хозяйствах Средней Азии и Казахстана корейцы руководили рисоводческими бригадами или звеньями в многоотраслевых колхозах. Многие корейские рисоводы принимали участие в улучшении имеющихся и выведении новых сортов риса.

В 1930-е годы Узбекистан являлся одной из основных рисосеющих республик страны. Он имел 45% рисовых площадей СССР, но план рисозаготовок в 1935–1936 годы не был выполнен. Постановлением СНК и ЦК КП(б) УзССР от 19 августа 1936 г. намечалось поднять урожайность риса в республике к 1942 г. в среднем до 40 центнеров с гектара и увеличить посевные площади под рис с 62 тыс. в 1937 г. до 85,4 тыс. гектаров в 1942 г. [5: 12]. Так, в 1940 г. в Узбекистане было заготовлено 510 634 центнера риса или почти на 177 000 центнеров больше, чем в 1939 г. [6: 24]. Для решения этих задач были подключены корейские переселенцы, так как в рисоводстве они имели навык и опыт.

Высокий уровень производительности труда продемонстрировал колхоз «Полярная звезда» Средне-Чирчикского района Ташкентской области. Уже к 1941 г. колхоз освоил все закреплённые за ним земли [7: 8]. По сведениям Ким Сын Хва, колхоз «Полярная звезда» за четыре года войны поднял 1080 гектаров целины, посевные площади колхоза были расширены в пять половиной раз, посевы хлопка и риса – в десять раз [8: 233]. В послевоенные годы за счёт умелой организации работы, высокого сознания долга перед обществом колхозники «Полярной звезды» в период

с 1946 по 1950 гг. в среднем с одного гектара получали по 27-34 центнера риса, а отдельные бригады, руководимые Ли Ен Сон, Ли Гван Он, Бон Мен Сан, Ким Пен Гир, даже по 80 центнеров. И это всё при отсутствии надлежащей механизации, удобрений, средств для борьбы с сорняками. Показатели, достигнутые отдельными бригадами и звеньями колхоза в возделывании риса, были весьма высокими даже в масштабе всей страны. Поэтому в 1948–1949 гг. советское правительство наградило большую группу колхозников орденами и медалями, а председателю колхоза Ким Пен Хва было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В послевоенный период колхоз «Полярная звезда» стал ярко выраженным хлопково-рисовым хозяйством. В 1950 г. колхоз добился сбора хлопка-сырца в среднем по 48,2 центнера с одного гектара, тогда как средняя урожайность по республике составляла лишь 20,4 ц с 1 га, т.е. в два с лишним раза выше. В целом колхоз «Полярная звезда» выполнил план по сдаче хлопка-сырца 1953 г. на 132 процента [9: 91].

Корейские колхозы осуществили прорыв не только в рисоводстве и хлопководстве, но и в лубоводстве. К началу 1950-х гг. корейские колхозы, которые по существу монополизировали производство кенафа, добивались 70–80-центнеровой урожайности. В частности, с именем Хван Ман Гыма связано развитие лубоводства в Ташкентской области, а именно в колхозе «Политотдел». Ташкентская область стала основной базой лубоводства в республике. С 1956 г. колхоз стал специализироваться по выращиванию семенного кенафа. Передовики сельского хозяйства были награждены орденами и медалями, о чём свидетельствуют архивные документы. Например, члены колхоза им. Красный Восток Будённовского сельсовета Нижне-Чирчикского района Ким Хен Сик, Ким Се Мун, Хан Мария в 1949 г. получили урожай с одного гектара по 82 центнеров и были представлены к правительственным наградам [10, 5,13-15]. Решением

заседания исполнительного комитета Нижне-Чирчикского райсовета депутатов трудящихся от 1 марта 1950 г. передовики из колхоза «Авангард» Ан Ги Бон, Ким Чан Гир, Ким Бон У, Цой Дон Чун за «обеспечение своей работой высокого урожая стебля зеленцового кенафа» были представлены к награждению медалями «За доблестный труд». За достигнутые успехи в труде – в производстве хлопка, кенафа, риса и других культур – за период с 1947–1990 гг. из корейской диаспоры 139 человек были удостоены звания Героя Социалистического Труда [11: 49]. Были прославлены имена таких организаторов колхозного производства, как Ким Пен Хва, Хван Ман Гым, Любовь Ли, Лим Мен Гык, Алексей Кан, Николай Васильевич Ким, Кан О Нам и другие. Учитывая большие заслуги дважды Героя Социалистического Труда, бывшего председателя колхоза «Полярная звезда» Средне-Чирчикского района Ташкентской области Ким Пен Хва в развитии и укреплении колхозного производства, в целях увековечения его памяти, ЦК КП Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР 27 июня 1974 г. приняли постановление «Об увековечении памяти Ким Пен Хва» [12, 39]. Колхоз «Полярная звезда» был переименован в колхоз имени Ким Пен Хва.

Таким образом, вышеизложенные факты характеризуют лишь малую часть жизни корейцев в Узбекистане после их принудительного переселения из Дальнего Востока. Корейские переселенцы, прилагая невероятные усилия, старались заложить в 1937–1940 гг. фундамент производственно-технической и жилищно-бытовой базы на местах проживания. Были созданы крупные очаги сельского хозяйства, которые превратились в многоотраслевые колхозы. Корейцы культивировали традиционное для них рисоводство, развивали хлопководство, лубоводство, животноводство и другие отрасли и вскоре достигли огромных успехов. Благодаря своим достижениям, многие корейские колхозы не только

укрепили своё экономическое положение, но и смогли резко повысить материальное благосостояние людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. НА РУз (*Национальный архив Республики Узбекистан*). Ф. 837, оп. 32, д. 593, л. 91.
2. НА РУз. Ф. 837, оп. 32, д. 1228, лл. 45-46.
3. НА РУз. Ф. 314, оп. 1, д. 6, л. 180.
4. ГАРФ (*Государственный архив Российской Федерации*). Ф. 5446 сч., оп. 29, д. 51, л. 16.
5. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, 1937, № 6. – С. 12.
6. *Ким П.Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937-1941 гг.). Автореферат на соискание учёной степени канд. ист. наук. – Т., 1970. – С. 24.
7. *Ким Пен Хва.* На пути к изобилию. – Т.: Государственное издательство Узбекской ССР, 1954. – С. 8.
8. *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата: Наука, 1965. – С. 233.
9. *Ким П.Г.* Корейцы Республики Узбекистан (история и современность). – Т., 1993. – С. 91.
10. Государственный архив Ташкентской области Республики Узбекистан. Ф. 680, оп. 1, д. 343, лл. 5, 13, 15.
11. *Ким П.Г.* О корейской диаспоре Узбекистана //Изнестия корееведе-ния Казахстана. (Специальный выпуск). Вып. 6, 1999. – С. 49.
12. НА РУз. Ф. 837, оп. 41, д. 3298, л. 39.

REFERENCES

1. NA RUz (Natsionalnyj arkhiv Respubliki Uzbekistan), F.837. Op.32. D.593.
2. NA RUz, F.837. Op. 32. D. 1228.
3. NA RUz, F. 314. Op. 1, D. 6.
4. GARF (Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii), F. 5446sch. Op. 29. D. 51.

5. Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya selskogo khozyajstva, 1937, No. 6. – S. 12.
6. *Kim P. N.* Deyatelnost' kommunisticheskoy partii Uzbekistana po organizatsionno-khozyajstvennomu ukrepleniyu korejskikh kolkhozov (1937-1941 gg.). Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kand. ist. nauk. – T., 1970. – S. 24.
7. *Kim Pen Khva.* Na puti k izobiliyu. – Tashkent, Gosudarstvennoe izdatelstvo Uzbekskoj SSR, 1954. – S. 8.
8. *Kim Syn Khva.* Ocherki po istorii sovetskikh korejcev.- Alma-ata: Nauka, 1965. – S. 233.
9. *Kim P. G.* Korejtsy Respubliki Uzbekistan (Istoriya i sovremennost'). – T., 1993.
10. Gosudarstvennyj arhiv Tashkentskoj oblasti Respubliki Uzbekistan, F. 680, Op. 1, D. 343.
11. *Kim P. G.* O korejskoj diaspore Uzbekistana //Izvestiya Koreevedeniya Kazakhstana. (Spetsialnyj vypusk). Vyp. 6, 1999.
12. NA RUz, F.837. Op. 41. D. 3291.

СЕССИЯ 2:

**КОРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

В.В. НАМ

доктор педагогических наук,
Ректор Университета Пучон в Ташкенте

**К ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ***

Abstract. The article consists of two parts. The first one deals with the history of Korean education in Uzbekistan based on historical sources' study. This history has a wave and sometimes dramatic character. Korean educational institutions and teaching of the Korean language experienced both the pages of oblivion and revival.

The second part is based on the results of field research in the places of Korean language studies (universities, schools, courses, circles, etc.) in 2013. In the research, survey and interviews have been used. The subject of the research were such issues as motivation to learn the Korean language, teaching staff, level and effectiveness of teaching, mastering of the Korean language by representatives of different ethnic groups, quality of the textbooks, and existing problems.

Keywords: *deportation, Uzbekistan, the teaching of the Korean language.*

I. Исторический ракурс

История корейского просвещения в Узбекистане начинается после депортации корейского населения Дальнего Востока в Узбекистан и Казахстан в 1937 г., хотя первые корейцы появляются в Центральной Азии намного ранее¹. На Дальнем Востоке корейцы обучались как в корейских (частных), так и в русских (церковных и правительственных)

* Статья подготовлена на основе результатов грантового проекта «History of Korean Education in Uzbekistan» (Academy of Korean Studies, Grant Number AKS-2012-84), проведённого совместно с В.С. Ханом.

школах. В 1923 г. в Никольск-Уссурийском педагогическом техникуме было открыто корейское отделение, а в 1925 г. на его основе – Корейский педагогический техникум. В 1930 г. в Посъетском районе был создан ещё один корейский педагогический техникум, а в 1931 г. во Владивостоке – Корейский педагогический институт.

На Дальнем Востоке также издавались 6 журналов и 7 газет на корейском языке. В 1930 г. в Москве было создано Объединение книжно-журнальных издательств (ОГИЗ). В его Дальневосточном отделении был создан корейский сектор, который издавал на корейском языке учебники (как по корейскому языку, так и переводы других учебников) и другую литературу (произведения русских и советских писателей).

После депортации в Узбекистан и Казахстан корейские школы на некоторое время возобновили свою деятельность. Это стало возможным благодаря тому, что депортация осуществлялась компактными селениями, то есть учителя и ученики определённых селений прибывали вместе. Была также вывезена определённая учебная литература. Согласно архивным данным, на 1 марта 1938 г. было организовано корейских школ: начальных – 90, неполных средних – 30, средних – 9, которыми были охвачены 11 709 детей корейцев. Кроме того, 1576 детей обучались в русских школах. В начале 1938-1939 учебного года функционировало 96 школ, из них 44 – корейские и 52 – смешанные корейские школы [Рахманкулова А., 2010, с. 72]. В корейских школах учебные занятия были организованы по учебному плану для нерусской сельской школы России, но с более углублённым изучением русского языка. Первоначально в качестве учебника по корейскому языку использовался учебник О Чон Хвана, который вскоре был исключён из списка стабильных учебников. В качестве стабильного учебника по родному языку для исследуемых школ Народный комиссариат просвещения

республики рекомендовал учебник корейского языка, составленный преподавателем А.Н. Ханом. Этот учебник был издан стеклографическим способом и разослан по корейским школам. Однако этого было недостаточно, и в корейских школах остро ощущался недостаток учебников [Рахманкулова А., 2010, с. 74].

Корейские школы просуществовали недолго. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ» от 24 января 1938 г. и совместному Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. все национальные школы, включая корейские, должны были быть реорганизованы в советские школы обычного типа с русским языком обучения. Этот перевод корейских школ на русский язык изучения был осуществлён в 1939-1940 учебном году.

Однако во второй половине 40-х годов (после окончания Второй мировой войны) в Узбекистане ставится вопрос о возрождении преподавания корейского языка. Было издано постановление Бюро ЦК КП(б) Узбекистана от 16 января 1947 г. «О переводе начальных классов школ с корейским контингентом учащихся на родной язык обучения». Однако постановление осталось нереализованным в силу отсутствия учебников и поддержки со стороны родителей. Корейский язык был введён как учебный предмет вместо узбекского языка с 3 по 10 классы, в среднем по 2 часа в неделю². Для оказания методической помощи учителям корейского языка была учреждена должность при Министерстве просвещения Узбекистана. Поначалу корейский язык преподавали как предмет почти во всех школах, где значительную часть контингента составляли корейские дети. Его изучали не только в Ташкентской, но и в Самаркандской, Хорезмской областях. В 1954 г. в Узбекистане впервые проводится республиканский семинар учителей корейского языка [Хегай М., 1991, с. 258-259]. С помощью

редакции корейской газеты «Ленин кичи» в 1955 г. был выпущен сборник методических материалов по корейскому языку [Хегай М., 1991, с. 259]. В местах компактного расселения корейцев, прежде всего в знаменитых корейских колхозах, открываются корейские школы. Даже в 70–80-х годах большинство учащихся в корейских колхозах составляли корейские дети.

Одновременно создаётся ряд учебников и учебных пособий для изучения корейского языка. В первой половине 1960 г. в Узбекской ССР были изданы букварь и учебник корейского языка для 3-4 классов, рассчитанный на 130 уроков. В 1965 г. были изданы новая программа по корейскому языку для 3-11 классов и учебник корейского языка для 3-4 классов [Хегай М., 1991, с. 260].

Важным событием в деле подготовки кадров по корейскому языку стало открытие в 1956 г. отделения корейского языка и литературы в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами, созданного усилиями кандидатов филологических наук Хван Юн Дюна и Хегая Алексея Михайловича, а также выпускника Ленинградского института востоковедения Кана Владимира Филипповича. Заведующим отделением стал Ким Бен Су. На отделении также работал Хо Ум Бэ, гражданин КНДР. Первый выпуск (1961 г.) составил 15 человек. Всего было осуществлено четыре выпуска – 70 человек (отделение просуществовало до 1964 г.). Благодаря усилиям и настойчивости В.Ф. Кана, обивавшего пороги различных учреждений, в том числе и в Москве, в 1985 г. отделение снова открылось, а в 1990 г. открылась кафедра корейского языка и литературы, которую возглавил кандидат исторических наук Югай Илья Григорьевич [История корлита, 2006, с. 14-15, 20, 26, 38; Ли Б., Пак Чан Мин, 2000, с. 25-27]. На кафедре преподавали преподаватели из Северной Кореи³, а позже – и из Южной Кореи⁴.

Несмотря на существование кафедры корейского языка, большинство её выпускников в 60-е и 80-е годы не работали по специальности. В школах в корейских колхозах преподавание в 80-е годы не соответствовало методическим стандартам.

После И.Г. Югая кафедрой возглавляли доктор экономических наук Ли Бронислав Сергеевич, Цой Светлана Сергеевна⁵ и Нам Виктор, защитивший магистерскую и докторскую диссертации в Корее. В 2005 г. в Ташкентском государственном педагогическом университете им. Низами впервые состоялся конкурс ораторского искусства на корейском языке, причём из 20 участников 12 были некорейцы.

В мае 1992 г. в Ташкенте был открыт Центр образования Республики Корея (ЦОРК) при Посольстве Республики Корея в Республике Узбекистан. Он сразу обрёл популярность как среди корейцев, так и некорейцев. Так, в 2008 г. в первом семестре на различные курсы корейского языка ЦОРК записались 1198 человек.

В 1993 г. создаётся отделение корееведения в Ташкентском государственном институте востоковедения (ТашГИВ). Первым его руководителем стал кандидат химических наук, бывший гражданин КНДР Ким Мун Ук, затем Ким Виктория Никифоровна. С 2012 г. в ТашГИВ действует интеллектуальный конкурс-викторина на знание корейского языка, в котором принимают участие претенденты из различных вузов и колледжей Узбекистана.

Сегодня корейский язык – один из самых популярных иностранных языков в Узбекистане. Корейский язык преподаётся в 14 вузах Узбекистана: в Ташкентском государственном педагогическом университете им. Низами, Ташкентском государственном институте востоковедения, Узбекском государственном университете мировых языков (в этих вузах есть кафедры корейского языка), Самаркандском государственном институте иностранных языков (здесь открыт

факультет с контингентом в 200 человек), Университете мировой экономики и дипломатии, Нукусском, Ургенчском и Наманганском университетах, Ангренском областном педагогическом институте, Университете Пучон в Ташкенте, Действуют также открытые южными корейцами школа «Седжонг» и курсы «New Норе». Всего в Узбекистане действуют более 100 различных курсов и центров преподавания корейского языка (школы, колледжи и вузы, курсы при корейских культурных центрах и т.д.), где в общей сложности обучается около 10 тысяч человек.

Наряду с языковыми курсами информация о корейском языке, истории и культуре даётся на страницах газеты «Корё синмун» (выходит с 1997 г.) и в передаче «Чинсэ» на государственном телевидении.

Популярность корейского языка привела к тому, что появилось достаточно много репетиторов, которые дают объявления в газеты. Среди репетиторов не только преподаватели корейского языка, но и студенты, а также люди, по тем или иным причинам оказавшиеся в Корее и имеющие элементарные навыки языкового общения.

Некоторые люди, после занятий в Центре корейского образования, решили поменять профессию, как это сделала С.А. Нам из г. Чирчика, которая раньше работала программистом, а теперь преподаёт на волонтерских началах корейский язык.

В настоящее время мы наблюдаем активное развитие отношений между Узбекистаном и Кореей во всех областях. Особенно нужно отметить торгово-экономические отношения, в связи с чем мы наблюдаем изменения в области преподавания и изучения корейского языка. Ранее изучение корейского языка было в основном для коммуникативных целей. Ещё недавно было востребовано и престижно быть переводчиком корейского языка на разных уровнях. На современном этапе мы можем наблюдать дргуую тенденцию:

сегодня корейский язык является одним из условий овладения современными профессиями. То есть недостаточно говорить на корейском языке, необходим высокий уровень знания для профессионального совершенствования. В последние 10 лет в Узбекистане начали свою деятельность филиалы корейских вузов. В других странах постсоветского пространства мы не наблюдаем такой практики. Это университеты Инха, Аджу, Пучон, Ферганский международный университет. Филиалы корейских университетов были открыты постольку, поскольку есть потребность и спрос в корейском образовании.

К примеру, Университет Пучон в городе Ташкенте. Он был основан в 2018 г. по Постановлению Президента Республики Узбекистан. На данный момент в университете обучаются около 1200 студентов на факультетах дошкольного образования, корейского языка и менеджмента, архитектуры, нутрициологии, информационных технологий, мультимедийных и игровых контентов, электронного бизнеса. Существуют разные формы обучения: дневная, вечерняя и заочная. У нас действуют программы 2+2, или 3+1, в зависимости от факультета. Студенты имеют право учиться 4 года в Ташкенте или, по выбору, старшие курсы закончить в Корее. Для того, чтобы продолжить обучение в Корее, конечно же, студентам необходимо владеть корейским языком. Многие студенты выбирают наш вуз, именно чтобы продолжить обучение в Корее. До поступления в университет они изучают корейский язык, который необходим для приобретения желаемой профессии.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том 15: Узбекская ССР. – М., 1928.

- Гуенков В. (2008). На экзамен по корейскому языку в Ташкенте пришли более тысячи человек // Сеульский вестник. – <http://vestnik.kr/edu/2996.html>
- История корлита (1956-2006 гг.). Под ред. Б.С. Ли. – Т., 2006.
- Ким В. (1999) Правда – полвека спустя. – Т., 2006.
- Ли Б. С., Пак Чан Мин. Слово об учителе. – Т., 2000.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (1904-1905). СПб. Том 81.
- Рахманкулова А.Р. (2010) К вопросу об образовании корейцев в Узбекистане // Известия корееведения в Центральной Азии. Вып. 9(17).
- Хегай М.А. (1991) О состоянии и перспективах изучения корейского языка в Узбекистане // 이 중언어사학지, 8호.

REFERENCES

- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Moskva, Tom 15. Uzbekskaya SSR. 1928
- Guenkov V. Na ekzamen po korejskomu yazyku v Tashkente prishli bolee tysyachi chelovek // Seul'skij vestnik.<http://vestnik.kr/edu/2996.html> 2008.
- Istoriya korlita (1956-2006 gg.). Pod red. B. S. Li. – Tashkent.
- Kim V. Pravda – polveka spustya. – Tashkent, 2006.
- Li B. S., Pak Chan Min. Slovo ob uchitele. – Tashkent, 2000.
- Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. (1904-1905). SPb. Tom 81.
- Rahmankulova A. R. K voprosu ob ob razovanii korejcev v Uzbekistane // Izvestiya koreevedeniya v Central'noj Azii. Vyp. 9 (17), 2010.
- Hegay M. A. O sostoyanii i perspektivah izucheniya korejskogo yazyka v Uzbekistane // 이 중언어사학지., 8호. 1991.

ENDNOTES

- ¹ Первые корейцы появляются в Центральной Азии (Узбекистане, Казахстане и Кыргызстане) ещё в XIX веке, что зафиксировано Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. На территории современного Узбекистана они были зафиксированы в Кокандском и Наманганском уездах, а также в г. Намангане – по 1-му мужчине (Первая всеобщая перепись ..., 1904-1905).

² Первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в Узбекской ССР 36 корейцев (Всесоюзная перепись ..., 1928). В 1921 г. в Наркомате по делам национальностей Туркестанской республики была создана корейская секция. А 26 августа 1924 г. в НКВД Туркестанской республики был зарегистрирован Союз корейцев Туркестанской республики, в который вошли 28 человек. В феврале 1926 г. в списках Союза уже значилось 33 человека. Однако 29 сентября 1926 г. Союз корейцев был ликвидирован НКВД УзССР. [Ким В., 1999, с. 12-24].

³ Наш респондент, 1948 г. рождения, вспоминает, что корейский у них (колхоз «Полярная звезда», позже им. Ким Пен Хва) преподавался 1 час в неделю.

⁴ Северокорейские преподаватели преподавали и на подготовительных курсах для абитуриентов. Они также преподавали в начале 90-х на бесплатных курсах в школах в корейских колхозах.

⁵ Был период, когда на протяжении почти всего периода обучения преподавали преподаватели из Северной Кореи, а на 5-м курсе – преподаватели из Южной Кореи. И по учебникам, начинали с 조선어, а заканчивали с 한국어.

Г.В. КАН

доктор исторических наук, профессор,
Университет Нархоз, Казахстан

КОРЕЙСКОМУ ТЕАТРУ 90 ЛЕТ

Аннотация. Корейский театр, которому 90 лет, 85 из них находится в Казахстане. Это первый корейский театр и единственный государственный корейский театр за пределами Корейского полуострова. С самого начала своего существования и на протяжении всей своей истории он выполнял и выполняет историческую миссию оплота корейской культуры. Его историческая роль для корейцев обусловлена тем, что Корея разделена на Северную и Южную, и театральное искусство как общенациональная ценность играет роль моста между ними. Также его роль неопределима в том, что советские корейцы, а теперь корейцы стран СНГ, более полувека жили в изоляции от своей исторической Родины, и единственным очагом сохранения национальной культуры был корейский театр. И ныне – это фактор их консолидации и сохранения их своеобразия.

Ключевые слова: корейский театр, корейцы Центральной Азии, корейцы СНГ, Северная Корея, Южная Корея, консолидация, культура, искусство, общие ценности.

В истории корейских диаспор стран Центральной Азии и всего СНГ, а это почти полмиллиона человек (четвёртая в мире по своей численности диаспора после Китая, США и Японии), значительную роль играет Корейский театр, который располагается в Казахстане в г. Алматы и функционирует вот уже 90 лет. Прежде всего, неопределимо его значение в сохранении корейской культуры в их среде. Не менее важную роль он играет в сближении через культуру позиций

Северной и Южной Кореи и консолидации всех корейцев независимо от места их проживания, поскольку предметом его деятельности являются их общие ценности. С этих позиций Корейский театр в Алматы имеет историческое значение в сохранении корейского языка, искусства, культуры, играет роль стержня консолидации корейцев.

Сам факт создания корейского театра в 1932 г. на Дальнем Востоке России во Владивостоке, когда в самой Корее ещё не было театров, позволяет оценить его историческую роль [1]. История Корейского театра – это живой пример стойкости национального духа.

Сегодня мы констатируем, что Корейский академический театр – это первый корейский театр и единственный государственный корейский театр за пределами Корейского полуострова. С самого начала своего создания и на протяжении всей своей истории он выполнял и выполняет историческую миссию оплота корейского языка и корейской культуры.

Корейская интеллигенция в эмиграции на Дальнем Востоке понимала, что именно театральное искусство как ничто другое наиболее полно, интегрированно, аккумулирует и выражает суть и все стороны этнического своеобразия – язык, обычаи, традиции и т.д. Поэтому её представители создали негаснущий очаг корейской культуры – Корейский театр.

Ведь в одном небольшом спектакле можно наглядно представить историю, язык, национальный костюм, другие атрибуты материальной и нематериальной культуры народа. При этом важно подчеркнуть, что особенностью жизненной философии корейского народа является феномен чётких, ярких образов конкретных человеческих отношений. Эти образы оттачивались веками и нашли своё воплощение в эпических произведениях. Так, чтобы представить глубину любви мужчины и женщины, верности и предан-

ности и следовать им, не надо далеко ходить за примером, достаточно знать «Сказание о девушке Чун Хян». Образцом выполнения долга перед родителями является «Сказание о девушке Сим Чен». Сложность отношений между родными братьями показана в сказке «Хын Бу и Нор Бу». Воплощением патриотизма является «Хон Гиль Дон». И т.д. Так, в произведениях, которые знает с детства практически любой кореец, где бы он ни жил, представлены лучшие черты корейского народа, парадигмы национального духа корейцев.

Кроме того, театр – это очень гибкий организм, способный адаптироваться к окружающей среде, и при внешней индифферентности и консервативности он неуклонно выполняет возложенную на него историей функцию надёжной защиты и сохранения национальной самобытности. Поэтому сегодня мы вправе говорить об исторической роли Корейского театра как оплоте сохранения и развития корейской культуры. А основоположники Корейского театра в своё время создавали не просто учреждение культуры, а её надёжное хранилище, поэтому их можно считать не только драматургами, актёрами, работниками сцены, а патриотами Кореи, хранителями корейской культуры.

Обосновавшись на Дальнем Востоке России, эмигранты-корейцы, покинувшие Родину в силу исторических причин, стали обживать, и им казалось, что худшее позади. Ведь здесь климат, природа, хозяйственные условия были те же, что и в Корее, да и до родных мест было рукой подать – их разделяла лишь река Туманган. Тем более, что, как свидетельствуют документы, до 1930-го года государственная граница в этом регионе особо не охранялась, и корейцы при необходимости достаточно свободно её переходили [2]. К тому же они жили компактно, сохраняя свой язык, культуру, обычаи и традиции.

Но грянул 1937 год, и корейцев насильственно, в массовом порядке, всех поголовно по признаку этнической при-

надлежасти в одночасье погрузили в товарные, скотные вагоны и выселили в Казахстан и Среднюю Азию. В результате депортации корейцы были перевезены с одного конца самого большого на Земле континента на другой. Расстояние от Владивостока до Ташкента по железной дороге составляло почти 10 тыс. км. Здесь корейцы оказались в совершенно иной природно-климатической, хозяйственной, культурной, языковой среде. Они были практически оторваны от своей исторической Родины. Всё это усугублялось в дальнейшем разделением Кореи на Северную и Южную и непримиримым идеологическим противостоянием двух корейских государств, как и двух мировых систем, породивших их.

В 2022 году исполнилось 85 лет жизни корейцев в Казахстане и 30 лет установления дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Республикой Корея. Исходя из сопоставления этих дат, мы видим, что из 85-летней жизни в Казахстане казахстанские корейцы 55 лет, т.е. более полувека, жили практически в полной изоляции от своей исторической Родины, от страны своего происхождения и центра этнической самобытности.

Результатом такого разделения и изоляции стало то, что изменились самоназвание и язык корейцев, в зависимости от места их проживания. Жители Южной Кореи стали себя именовать *хангук сарам*, использовать сеульский стандарт корейского языка «хангук мар». Жители Северной Кореи стали называть себя *чосон сарам* и использовать пхеньянский стандарт корейского языка «чосон мар». Корейцы бывшего Советского Союза стали себя называть *корё сарам* и использовали привезённый с Дальнего Востока диалект корейского языка, который получил именование «корё мар».

Насколько это было возможно, корейцы Казахстана старались всеми силами сохранить корейский язык, обычаи, традиции, культуру. Это своеобразие было буквально за-

консервировано в семьях, быту, небольших корейских сообществах в местах их компактного проживания.

И, конечно же, неоценимую роль в этом играл Корейский театр в г. Алматы как очаг культуры теперь уже казахстанских и всех советских корейцев. Он вместе со своим народом с достоинством пережил муки депортации и устройства в Казахстане, неся невосполнимые потери, но сохраняя главное – своё историческое предназначение. В его деятельности, в его репертуаре, как в капле воды, отразилась история корейцев Казахстана и Центральной Азии.

К тому же, следом за событиями массовых политических репрессий последовала трагедия XX века – Вторая мировая война. Её результаты непосредственно касались казахстанских корейцев, поскольку привели к разделению Корейского полуострова и созданию Северной и Южной Кореи.

Созвучно требованиям времени и обстановке менялся репертуар Корейского театра. Находясь под постоянным, пристальным контролем советских идеологических органов, театр ставил спектакли советской тематики – «на злобу дня»; также активно включал в свой репертуар произведения казахских классиков, драматургов. При этом неуклонно ставились спектакли, посвящённые Корее и корейцам.

Трагическая судьба Кореи и корейцев предопределила историческую роль Корейского театра как центра консолидации и единства корейской культуры и корейцев. И эта роль, как сказано, чрезвычайно актуальна.

Её значение возросло с разделением Кореи и разъединением корейцев. Исторически сложилось так, что с 1948 года, т.е. вот уже более 74 лет, корейская нация разделена. И не просто разделена – это две враждебные страны. И здесь на первый план выходит роль Корейского театра как культурного, гуманитарного хранилища общекорейских традиционных ценностей.

Неоценимую, только ему присущую роль центра консолидации и единства корейской культуры и корейцев театр выполняет в нескольких направлениях.

Во-первых, это касается, прежде всего, корейцев Казахстана. Корейцы Казахстана считают театр своим достоянием и наследием, доставшимся им от старшего поколения и, рассматривают его как непреходящую ценность, которую надо сохранить, преумножить и передать потомкам. Сам этот факт сам по себе является стержнем консолидации корейской диаспоры Казахстана. Корейский театр – это сегодня реально единственное культурное учреждение и организация, способная консолидировать и объединить всех корейцев Казахстана, независимо от их политических предпочтений.

Во-вторых, после депортации корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию их продолжали называть, как и до депортации, – *советские корейцы*. Поскольку они продолжали жить в единой стране – Советском Союзе, хотя и в разных её республиках – России, Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Туркменистане, Таджикистане и т.д. И Корейский театр, находясь в Казахстане, неустанно, круглый год гастролировал по необъятным просторам СССР – страны, занимавшей по площади первое место в мире, неся корейцам, жившим в разных её уголках, заряд сохранения национального самосознания.

В-третьих, роль Корейского театра как центра консолидации и единства корейской культуры и корейцев значительно увеличилась и приобрела новое значение после распада Советского Союза и образования на постсоветском пространстве самостоятельных государств. В новых независимых республиках изменились численность корейцев, их социальное положение. Где-то их число увеличилось, где-то уменьшилось, а где-то вообще сошло на нет. Постсоветские страны медленно, но уверенно возводили свои границы, та-

можни и пропускные пункты, всё более и более разделяя бывшую единую территорию и население.

Так возникли новые сообщества корейцев: корейцы Казахстана, корейцы Узбекистана, российские корейцы, корейцы Кыргызстана и т.д.

Но одно осталось неизменным. Как и прежде, центром консолидации и единства корейской культуры и корейцев теперь уже в постсоветских, независимых республиках, в СНГ и ближнем зарубежье является Корейский театр, расположенный в Казахстане, в городе Алматы по адресу ул. Богенбай-батыра, 158. Ярким свидетельством роли Корейского театра в сохранении исторической памяти является увековечение подвига великого национального героя Хон Бом До на его сцене. Для наглядности приведу хронологию постановок спектаклей о нём.

1942 год. 77 лет тому назад, в год 10-летия театра и 5-й годовщины пребывания его в Казахстане, на его сцене был впервые поставлен спектакль «Хон Бом До» (автор Тхай Дян Чун, режиссер Цой Гир Чун).

1947 год. Спустя 5 лет, спектакль «Хон Бом До» того же автора поставил режиссёр Ли Гер Су.

1957 год, через 10 лет, спектакль «Хон Бом До», автор Тхай Дян Чун, режиссер Цай Ен.

2013 год. Через 56 лет к 145-летию героя, был представлен спектакль «Хон, летящий через столетия» (автор и режиссёр Ли О).

2018 год. К 150-летию героя был поставлен спектакль «Командир Хон Бом До» (авторы Ли О. Ни Е., режиссёры Ли О., Ким Е.). Здесь можно добавить, что к этому событию в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан мною был обнаружен документ, свидетельствующий, что Хон Бом До работал сторожем в Корейском театре [3].

Таким образом, в исторической роли Корейского театра само время, его императивы и вызовы обусловили миссию

театра как оплота корейской культуры, когда его организаторы, первое поколение корейских драматургов и актёров, как патриоты корейской нации, тогда ещё единой и неразделённой, в эмиграции, во Владивостоке, создали не просто корейский театр, а очаг сохранения корейской культуры.

Эта роль оплота сохранения корейской культуры не ослабевала и в годы репрессий против корейской культуры со стороны советской власти в 1930-е годы. Так, согласно Постановлению ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. в Казахстане были закрыты Корейский педагогический институт, перевезённый из Владивостока в Кызылорду, корейское педучилище, размещённое в г. Казалинске. Также были закрыты 118 корейских школ, в том числе 71 – начальная, 34 – неполных средних, 13 – средних. 326 учителей корейского языка были переучены для преподавания русского языка. Специальным Постановлением ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1939 г. «О корейской литературе» и «Об изъятии литературы на корейском языке из книготорговой сети и библиотек» были списаны и уничтожены десятки тысяч книг самой разнообразной тематики, привезённых с собой корейцами во время депортации. И самое ужасное и непоправимое – были уничтожены все учебники по корейскому языку. В итоге было изъято и превращено в макулатуру более 120 тыс. экземпляров 134 наименований учебников на корейском языке по всем предметам. В том числе почти 17,5 тыс. учебников корейского языка [4].

Новым рубежом в развитии Корейского театра стал 1991 год – год провозглашения независимости Казахстана. Это было сложное и ответственное время становления самостоятельного молодого суверенного государства. Оно сопровождалось глубоким политическим, экономическим, социальным и духовным кризисом, вызванным распадом Союза, радикальной сменой всего общественного строя, идеалов и образа жизни.

Решение этих новых, масштабных задач осложнялось глубиной проблем корейцев Казахстана, их невосполнимыми утратами в области национальной культуры. Теперь же, благодаря независимости Казахстана, после долгих лет молчания и потерь в сфере этнической самобытности и прежде всего языка, истории обычаев и традиций, возможность и необходимость их возрождения встали во весь рост.

Кроме того, театр стал исполнять миссию живого связующего моста с Корейским полуостровом и корейскими диаспорами в различных странах мира. Это направление народной дипломатии в мировом сообществе было важно для молодого государства, ставшего новым субъектом международных отношений. Для того, чтобы убедительно продемонстрировать его консолидирующую роль среди корейцев, достаточно просто назвать его многочисленные гастроли по странам Центральной Азии и всего СНГ, многочисленные гастроли по Южной Корее, совместные проекты с театрами Северной Кореи, его гастроли в Европе и т.д.

Итак, реалии независимого Казахстана на первый план выдвинули новые ценности, которые обусловили необходимость коренных преобразований в жизни Корейского театра. Поэтому главной темой деятельности Корейского театра стала независимость Казахстана. Национальная независимость – это длительный и ответственный процесс, она не сводится к простому декларативному провозглашению независимости, т.е. к её политической части. И хотя эта часть очень важная, долгожданная и торжественная, но более сложная – это независимость экономическая, социальная, а её сердцевиной является независимость культурная, духовная. Она-то и составляет объект и предмет театрального искусства.

Следующим основополагающим моментом в творчестве Корейского театра в условиях суверенного Казахстана стало

то, что национальная независимость непосредственно связана с национальным возрождением, которое следует за её провозглашением.

И Корейский театр стал центром национального возрождения корейцев Казахстана. Очень важным в национальном возрождении является его реальное наполнение, ибо в противном случае оно может остаться декларацией благих намерений.

В Казахстане национальное возрождение, т.е. возрождение национальной истории, языка, обычаев, традиций, вылилось в системный качественный скачок. Это не было простым механическим повторением пройденного в новых условиях в виде реконструкции прежних форм бытия и сознания. В национальное возрождение, в восстановление национальной свободы и независимости, переосмысление истории, изучение героического прошлого, восстановление памяти и памятников, языков, духовное освобождение – было вложено цивилизованное, гуманистическое содержание через осознание и реализацию потенциальных возможностей нации, ранее не осуществлённых из-за того, что в предшествующее время для этого не было условий. Национальное возрождение – это время самоутверждения нации, обретение ею нового состояния.

Ценностью казахстанского общества также является совместная история всех этносов, проживающих в нём. Она включает в себя исторические явления и события, пережитые всеми этносами вместе. Эти явления и события были связаны с самим существованием этносов, с их выживанием и сохранением. Они вызывают общую память, благодарность за помощь, взаимовыручку и взаимоподдержку. В том числе это такие явления и события, как насильственная депортация народов в Казахстан в годы массовых политических репрессий, Великая Отечественная война, распад Советского Союза и последовавшие за ним потрясения

социально-экономического порядка, созидание независимого Казахстана.

Совместная история этносов Казахстана в сознании всех казахстанцев, в их социальной памяти хранит их сопричастность к судьбе своей Родины – Казахстана.

Корейский театр, на примере депортации корейцев, старается показать глубину и прочность исторических корней казахстанской модели межэтнического согласия, суть которой заключается в том, что гостеприимная казахская земля и казахский народ в тяжелейших условиях тоталитарного строя встретил тысячи вынужденных переселенцев. Делился с ними последним – хлебом, кровом, оказывал помощь и поддержку. Гостеприимство, сострадание казахов и память об этом этносов Казахстана составили основу казахстанской модели межэтнического согласия, основу единого будущего.

Итак, Корейский театр за 90 лет своей истории не раз менял место своей прописки: 2 страны – Россия и Казахстан, 5 городов – Владивосток, Кызылорда, Уштобе, опять Кызылорда, Алматы. В Алматы трижды менял здание: сначала находился на ул. Дзержинского в одном помещении с Уйгурским театром, затем ему было отведено отдельное здание бывшего кинотеатра «Жалын» на ул. Папанина, и, наконец, здание в центре города на ул. Богенбай-батыра, которое является памятником архитектуры. Театр 7 раз менял свой статус и название: Дальневосточный краевой корейский театр; Кызылординский областной корейский музыкально-драматический театр; Талды-Курганский областной корейский музыкально-драматический театр; опять Кызылординский областной корейский музыкально-драматический театр; Корейский музыкально-драматический театр; Государственный Республиканский корейский театр музыкальной комедии; и, наконец, Государственный Республиканский корейский академический театр музыкальной комедии.

За эти годы коллектив театра был отмечен наградами: орденом «Знак Почёта» (1982 г.), Благодарностями Президента Республики Казахстан (2002, 2007, 2012 гг.), Почётной грамотой Президента Республики Корея (2005 г.), удостоен почётного звания «Академический» (2017 г.). В разные годы его посетили Первый президент Казахстана, президент Республики Корея, премьер-министр Республики Корея, экс-президент Южной Кореи, спикер парламента Республики Корея, государственный секретарь Республики Казахстан.

На сцене Корейского театра были поставлены пьесы по произведениям казахских классиков – М. Ауэзова, Г. Мусрепова, Д. Исабекова и др. В репертуаре корейского театра представлена европейская классика: В. Шекспир, Ж.-Б. Мольер, К. Гальдони, Г. Лорка и др.; русская: А. Островский, Н. Гоголь, А. Чехов и др., а также советская: М. Горький, К. Симонов, Ч. Айтматов и др. За эти годы были поставлены сотни спектаклей, их посетили сотни тысяч зрителей.

Но самое показательное в его роли очага корейской культуры: за 90 лет на его сцене было поставлено в общей сложности более 190 пьес, при этом около 150 из них – по произведениям корейских авторов разных поколений. Это были Ен Сен Ен, Тхай Дян Чун, Цой Ен, Ким Дин и др., затем Хан Дин, Генриэта Кан, Иосиф Ким, Анатолий Ким, далее Цой Ен Гын, Лаврентий Сон, Станислав Ли, Михаил Пак и др.

В условиях динамичного развития современного, быстроменяющегося мира, в век Интернета, нарастающего вала информации – важно не раствориться в нём, сохранить своеобразие, сохранить свой национальный код. В этом плане Корейский академический театр является ярким показателем проявления национального кода, этнического своеобразия корейцев. В силу исторических условий, Корейский театр в Алматы стал не только культурным за-

ведением, но стал играть консолидирующую роль в среде корейской диаспоры Казахстана и корейцев всей Центральной Азии, СНГ, стал связующим гуманитарным мостом между Севером и Югом исторической Кореи, способствуя их объединению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Корея. Сеул. 1993. С. 109,15,123.
2. Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1490 с., оп. 1, д. 8, л. 237.
3. История корейского театра. – Алматы. 2007. – С. 36; *Кан Г.В.* История корейцев Республики Казахстан. – Алматы. 2017. – С. 109.; ЦГА РК. Ф. 2046, оп. 1, д. 3, л. 11, 75.
4. ЦГА РК. Ф. 1692, оп. 1, д. 137, л. 5-7; д. 128, л. 28-33; Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708, оп. 1, д. 45, л. 10, оп. 3, д. 147, л. 236, 255, 256, 262-287.

Б.И. КИМ

член Союза журналистов Узбекистана с 1980 г.,
главный редактор «Корё синмун»

О КОРЕЙСКИХ СМИ СНГ**1. Немного истории**

Во второй половине XIX века на востоке Евразийского континента происходили изменения исторического масштаба. В 1861 г. в России отменили крепостное право, что положило начало развитию в империи капиталистических отношений. В 1868-69 гг. в другой восточной стране – Японии – произошла революция Мэйдзи, после которой эта феодальная империя совершила беспрецедентный прыжок в капитализм.

Причём это была революция не «низов», а «верхов». Правящие круги осуществляли преобразования жёсткими административными методами, в том числе военно-полицейскими. Не случайно один из главных реформаторов Ивакура Томоми считал первого российского императора Петра Первого своим кумиром (Дейноров Э. История Японии. – М.: АСТ, 2011).

Эти события не могли не повлиять и на Корею, которая, хотя и по-прежнему проводила политику изоляционизма, не могла полностью защититься от внешнего мира. Тем более, что великие державы давно уже проявляли повышенное внимание к её ресурсам, людским и минеральным, к её удобному географическому положению в регионе и всячески навязывали Корее различные договоры – разумеется, неравноправные. В 1866-68 гг. США и Франция предпри-

няли даже вооружённые вторжения на полуостров, правда, неудачные (История Кореи. Т. 1. – М.: Наука, 1972).

Именно к этому периоду относятся первые волны корейской иммиграции в Россию. В последующие полвека в российском Приморье и Приамурье сформировались достаточно крупные корейские общины. По сведениям Ким Сын Хва, в 1914 г. в Приморской и Амурской областях насчитывалось свыше 64 тыс. корейцев, в том числе более 20 тыс. уже получили российское подданство.

Если вначале «исход» этот носил экономический характер, то, начиная с конца XIX века, в особенности с началом японской экспансии, в России стали появляться политические беженцы, которые способствовали приобщению корейцев российского Приморья к общественно-политической жизни. Появились различные национальные организации, главным образом антияпонской направленности. Они издавали свои газеты. Так, во Владивостоке издавались газеты «Хэ Чжо ильбо», «Тэдон синбо», «Куон оп синмун».

Крупнейшей организацией являлось общество «Кукминхве», штаб-квартира которого находилось в американском Сан-Франциско. Там же оно выпускало газету «Синхан минбо», которая морским путем доставлялась в Корею, Китай, Россию. Согласно сведениям Владивостокского цензора, в Приморскую область в 1914 г. поступило 138 экземпляров этой газеты (Б.Д. Пак. Корейцы в Российской империи. – М., МГУ, 1993).

2. От «Сёнбона» до «Корё ильбо»

Значительно активизировалась культурно-просветительская деятельность среди корейцев после Великой Октябрьской революции 1917 г., чему способствовала государственная политика СССР. В Дальневосточном крае (ДВК) к началу 30-х годов издавалось семь журналов и шесть газет. Наи-

более крупной была газета «Сенбон» («Авангард»), которая сегодня выходит под названием «Корё ильбо» и которая в этом году отмечает своё столетие. У моём архиве имеется уникальный документ – удостоверение, выданное члену РКП(б) Ким Дон Хуну для проведения подписки на газету «Авангард» в Камчатско-Охотском районе. Оно датировано 18 сентября 1923 г., а подписано секретарём корейской секции Приморского губкома партии Ли Еншеном и редактором газеты Ли Шенгом.

Редакция «Сёнбон» после массовой депортации корейского населения из Приморья продолжила выпуск газеты в казахском городе Кзыл-Орда в мае 1938 г. уже под названием «Ленин кичи». Следует отметить, что руководство СССР предполагало превратить Приаралье в рисовую житницу страны. По мнению известного корееведа и тюрколога Ко Сонг Му (1945–1994), одним из мотивов депортации явилось освоение обширных малозаселённых земель Средней Азии и Казахстана и расширения зоны рисосеяния (Ко Сон Му. Корейцы советской Центральной Азии. – Хельсинки, 1987).

Не случайно значительная часть переселенцев была направлена в Приаралье и прилегающие регионы – в Кзыл-Ординскую область Казахстана, Хорезмскую область и Каракалпакскую АССР Узбекистана. На 15 ноября 1939 г. в Каракалпакскую автономию (Кунградский район) было переселено 2300 семей (10 620 человек). При этом из-за нехватки жилищ и грянувших морозов (до минус 15-20 градусов) 613 семей (2211 человек) были перенаправлены из Кунграда в Ташкентскую область. В Гурленский район Хорезмской области заселили 1197 корейских семей (5799 чел.). (Архив МВД Узбекистана. Ф. 432, оп. 5, л. 5030504).

В Кзыл-Ординской области к началу 1939 г. была сосредоточена одна из наиболее крупных в СССР корейских общин – 34,3 тыс. корейцев (Баян Ахмет. Как корейцы оказались в Казахстане. Статья на сайте «Монитор». <https://qmonitor.kz/society/4459>). И вполне логично, что в Кзыл-Орду пере-

селили почти все корейские национальные учреждения – редакцию газеты «Сёнбон», драмтеатр, студентов и преподавателей пединститута. Часть артистов театра оказалась в узбекском Гурлене и посёлке Бектемир Ташкентской области. Они создали соответственно Гурленский межрайонный и Ташкентский областной корейские театры. Через пять лет Гурленский театр влился в Ташкентский областной, который просуществовал до 1950 г.

Газета «Сёнбон», начиная с 1938 г., издавалась под названием «Ленин кичи» вплоть до 1978 г., когда было принято решение правительства Казахстана о передислокации редакции газеты в Алма-Ату.

В том же, 1978-м, году в Ташкенте был создан корпункт «Ленин кичи», который возглавил Ки Сек Пок (1913–1979) – человек чрезвычайно интересной судьбы. В 1945 г. он был призван в Советскую Армию в качестве военного переводчика советской военной администрации в Корее, затем был направлен на работу по формированию КНА, занимал также посты начальника военного училища, редактора газеты «Нодон синмун». В 1951 г. назначен замминистра культуры и пропаганды, в 1953 г. в качестве замминистра иностранных дел принимал участие в Женевской конференции по перемирию в Корее. (Б. Ким. Корейцы Узбекистана: кто есть кто. – Сеул, Фонд зарубежных корейцев, 1999).

«В конце семидесятых руководство Узбекистана возбудило ходатайство перед Москвой о передислокации редакции газеты в Ташкент. Такая передислокация в общем-то была бы вполне логичной: в Узбекистане проживала почти половина корейцев СССР, а уж Ташкент ещё со времен «великого переселения» стал неформальной столицей советских корейцев.

Это ходатайство, как мне думается, появилось с подачи Ки Сек Пока, человека хорошо известного не только в кругу корейской элиты Узбекистана. Филолог по профессии, директор средней школы по должности, он после освобождения

дения Кореи наряду со многими советскими корейцами был направлен туда для оказания помощи в строительстве нового государства, естественно, советской ориентации. Занимал там весьма высокие посты начальника военной академии (у него был чин генерал-лейтенанта Корейской народной армии), главного редактора газеты «Нодон син-мун» – органа Трудовой партии Кореи. Однако вскоре впал в немилость к Ким Ир Сену, подвергся критике в одной из его статей за «раболепие перед иностранцами и иностранной культурой». (Из сборника «Под крылом праматери корейской прессы СНГ».– Алма-Ата, 1998). Под «иностранной» имелась в виду советская – в тот период наметилось похолодание в отношениях между СССР и Китаем, а Китай был самым близким партнёром КНДР. К тому же некоторые из советских корейцев, занимавших высокие посты в партийных и государственных органах, представляли реальную угрозу для Ким Ир Сена в борьбе за власть.

Ко всему этому Ки Сек Пок был лично знаком с бывшим тогда 1-м секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидовым – они учились на одном курсе в Самаркандском университете. Возможно, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в благосклонности узбекистанского руководителя к корейской газете.

Москва отреагировала положительно. Но тут всполошились в столице Казахстана. Мол, как это понимать? Нашу газету – и вдруг в Ташкент?! Словом, «Ленин кичи» осталась в Казахстане, но дела её пошли в гору. Во-первых, осенью 1978 г. редакция в полном составе была переселена в Алма-Ату, где её сотрудникам тут же выделили необходимое количество квартир. Это был воистину царский подарок, если учесть жилищную проблему в те годы. Во-вторых, для газеты была закуплена за рубежом фотонаборная техника – для этой цели было выделено 350 тыс. инвалютных рублей. Так «Ленин кичи» первой среди газет советской Центральной Азии перешла на фотонабор.

Ташкент тоже умаслили: было принято решение создать здесь корпункт в составе пяти человек. Столь многочисленный состав во всём бывшем Союзе имело лишь ленинградское отделение газеты «Правда». Для корпункта «Ленин кичи» выделили помещения в редакционно-издательском корпусе издательства ЦК КП Узбекистана (ныне концерн «Шарк»), служебную «Волгу».

Так что в любом случае инициатива узбекистанского лидера имела для корейской газеты исключительно положительные последствия.

Во время формирования в начале 1978 г. корпункта в Ташкент приехал редактор «Ленин кичи» Ким Кван Хен. Для собеседования были приглашены несколько журналистов-корейцев, работавших в русскоязычных газетах столицы Узбекистана. Тогда и состоялось моё знакомство с Ким Кван Хеном.

В те годы среди корейцев Узбекистана было немало журналистов. И все они работали в русскоязычной прессе. Хотел бы привести их имена, во всяком случае тех, с кем я был знаком:

Лев Николаевич Пак – редактор областной «Сырдарьинской правды», затем – замредактора республиканской «Сельская правда»;

Геннадий Иванович Лю – редактор «Советской Каракалпакии», замредактора «Правды Востока»;

Игорь Нигаи – собкор «Правды Востока» по Каракалпакской АССР, главный редактор программы УзТВ»;

Виталий Магаи – собкор «Правды Востока» по Ташобласти;

Леонид Сон – завотделом «Народного слова»;

Платон Дюгаи – обозреватель «Народного слова»;

Лилия Пак – замредактора «Вечернего Ташкента», обозреватель Узбекского информационного агентства;

Владимир Наумович Ким – ответсекретарь «Комсомольца Узбекистана»;

Вячеслав Ли и Владимир Тен – корреспонденты «Пионера Востока»;

Григорий Иванович Пун – фотокор ТАСС по Узбекистану;

Константин Ким – заведомом «Наманганской правды»;
Леонид Ким – фотокор «Ферганской правды».

В результате собеседования Вячеслав Ли и я стали собкорами газеты. Возглавил корпункт вышеупомянутый Ки Сек Пок. К сожалению, через полтора года он скончался, его заменил ныне покойный Хе Хак Чер, который также работал собкором. Чуточку позже в корпункт пришёл фотокорреспондент Виктор Ан».

В последующем в разное время корпункт возглавляли Владимир Ким, Владимир Ли, Валерий Хан. В разное время в корпункте работали также собкорами Леонтий Ким, Аполлон Хан, Владимир Тен, Юрий Цай, переводчиками – Мен Воль Бон и Сон Дин Фа.

О своей работе в «Ленин кичи»–«Коре ильбо» я уже неоднократно писал. Более подробные воспоминания об этом периоде (1978–1997) опубликованы в упомянутом выше сборнике «Время газетной строкой». Единственное, что могу добавить, что пик тиража «Ленин кичи» приходился на 60-е годы, когда он достигал 17 тыс. экземпляров. Если учесть, что по переписи 1970 г. в СССР насчитывалось более 350 тыс. корейцев и один экземпляр «Ленин кичи» приходился примерно на 20 корейцев, то тираж был весьма высоким, особенно по нынешним меркам.

В Узбекистане в начале 80-х гг. насчитывалось порядка 5-6 тыс. подписчиков «Ленин кичи» – один экземпляр на 25-30 человек.

Распространялась газета главным образом в Казахстане и Узбекистане, меньше – в России, Таджикистане и Киргизии.

На Сахалине с 1949 г. издавалась вторая корейская газета – «Ленины килло», орган областного комитета партии. С рас-

падом Союза она выходит под названием «Сэ корё синмун» («Новая корейская газета»). История сахалинских корейцев – тема отдельного разговора. Лишь отмечу, что на Сахалине вплоть до 1964 г. действовали корейскоязычные школы, два педучилища (в Поронайске и Южно-Сахалинске). (Пак Сын Ы. Обучение корейскому языку на Сахалине. Статья в научном журнале «Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность», 2009, № 5).

Именно сахалинские корейцы после разрешения свободного выезда из острова с их знанием родного языка составляли костяк переводческой и творческой группы редакции газеты «Ленин кичи». Среди них были Юн Су Чан (ответсекретарь), Ри Ден Хи (завотделом культуры), Тен Чжанг Гир, Нам Генг Чжа и другие.

3. Создание корейской прессы Узбекистана

Когда распался СССР, неизбежно встал вопрос о создании в Узбекистане своей диаспорной газеты. Я предлагал тогдашнему председателю республиканской корейской ассоциации Петру Героновичу Киму (1933–2001) создать такую газету. Он отнёсся к предложению без особого энтузиазма. Ассоциация сама ютилась в двух комнатах, выделенных в Ташкентском профессиональном колледже информационных технологий. Так что со средствами у неё было не ахти.

В 1994 г. я обратился к Павлу Харитоновичу Кану (1931–1997) – главе другой корейской ассоциации – содействия объединению Кореи. На тот период АСОК была гораздо более дееспособна, чем АККЦ. Это объяснялось тем, что Павел Кан обладал, без преувеличения, выдающимися организаторскими способностями, возглавлял в бывшем СССР крупные хозяйственные объединения, в том числе союзного подчинения («Средазирсовхозстрой»), многократно изби-

рался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. АСОК уже имела свой офис, включавший служебные комнаты, актовый зал, помещение для репетиций фольклорных ансамблей.

Павел Кан без колебаний ухватился за мою идею. Более того, он сказал, что недавно в АСОК привезли типографию из КНДР. Правда, типография была древняя, произведена ещё в 1954 г. в Японии, но вполне рабочая. Павел Харитонович также добавил, что корейскую часть газеты будет вести профессор из КНДР.

Я привлёк к выпуску газеты Геннадия Лю, видного журналиста, работавшего в различных периодических изданиях – «Комсомолец Узбекистана», «Правда Востока», «Сельская правда», а в начале нулевых годов являвшегося главным редактором газеты «Вести Каракалпакстана» (в прошлом – «Советская Каракалпакия»).

Первый номер мы выпустили сходу, на энтузиазме. Но очень скоро выяснилось, что корейские страницы мало отличались от материалов журнала «Корея»: «Великий вождь», «Стальной и непобедимый» и т.д. Я сказал Павлу Харитоновичу, что наша газета должна стать газетой корейцев Узбекистана, а не другой страны, будь она даже нашей исторической родиной; что я не против материалов из КНДР, но возражаю против подачи их в таком ключе. Но Павел Харитонович ответил: ищите общий язык с профессором. Но профессор был неколебим в своей позиции, и мне оставалось только извиниться и искать другие пути реализации своей идеи.

АСОК всё-таки наладила выпуск газеты под названием «Тхониль» («Объединение»). На 10-летие газеты меня даже пригласили в качестве почётного гостя. Многие годы, вплоть до прекращения выпуска главным редактором «Тхониль» была Наталья Шек, которая ныне возглавляет газету «Корейцы Узбекистана», созданную в 2020 г. в АККЦ.

Весной 1997 г. я встретил своего давнего товарища Эдуар-

да Фёдоровича Ли. С ним я был знаком ещё со времён работы в газете «Крылья Востока» – органе Узбекского управления гражданской авиации. Я жил в общежитии авиагородка, где проживало немало корейцев – пилотов авиатехников, диспетчеров. Эдуард Ли работал диспетчером службы движения Ташкентского аэропорта. В новые времена он стал генеральным представителем авиакомпании «Байкал».

Эдуард Ли поддержал мою идею и финансами, и офисной оргтехникой. 25 июня 1997 г. мы зарегистрировали в госорганах газету под названием «Корё синмун» и ко дню празднования 60-летия проживания корейцев в Узбекистане (20 сентября 1997 года) осуществили выпуск пробного номера газеты. Тираж в 5 тыс. экземпляров был отпечатан в типографии оперативной печати, её директором был ныне покойный Виталий Борисович Ким. Распространяли первый выпуск бесплатно – среди участников праздника, которое проходило в парке им. Навои (ранее – им. Ленинского комсомола, а ныне развлекательный комплекс Magic city).

Учредителем газеты согласился выступить Ташкентский госпединститут (ныне университет) им. Низами. Его ректор Бахром Кадыров охотно согласился на учреждение газеты, тем более что в этом вузе с 1956 г. функционировало отделение корейского языка, правда, со значительным перерывом в 1964-85 гг. При этом ректор сказал, чтобы мы не просили денег на издание газеты, поскольку у вуза нет свободных средств. И это соответствовало действительности. В те годы происходил переход вузов на новую систему образования, вводилась платная форма обучения, однако на первых порах оплата за учёбу были небольшая – в верхних этажах власти понимали, что у населения, во всяком случае у большей его части, нет возможности оплачивать учёбу своих детей в вузах.

В период становления «Корё синмун» неоценимую поддержку оказывал известный ташкентский предприниматель Валерий Алексеевич Лян – он спонсировал выпуск газе-

ты в течение года. Позже он спонсировал также проведение двух литературных конкурсов молодых корейских писателей Узбекистана, которые проводила наша редакция, а также издание двух литературно-художественных альманахов «Ариран 1937».

Когда республиканскую корейскую ассоциацию возглавил Владимир Шин, она стала соучредителем «Корё синмун». Через год Владимир Николаевич сказал, что ассоциация не в состоянии регулярно содержать редакцию, после чего редакция отправилась в свободное плавание.

Была попытка издавать газету на русском и корейском языках – с помощью южнокорейских бизнесменов. Был изменён формат газеты – на А4. Но это сотрудничество тоже не заладилось. Редактор корейской части, южнокореец, все материалы предназначал для южнокорейцев, живущих и работающих в Узбекистане, причём в большинстве они представляли собой не журналистские работы, а пёструю смесь рекламы корейского общепита и сканвордов, разбавленную новостями из Кореи и Узбекистана, почерпнутыми из газет.

Это в корне противоречило моим взглядам на газету корейцев Узбекистана и на газету вообще. У меня никогда не было желания сделать из «Корё синмун» коммерческую газету типа «БВВ» или «Даракчи».

Так что и этот эксперимент был не самым удачным.

Потом была поддержка из Южной Кореи – Фонда прессы и Фонда зарубежных корейцев, которая позволила стабилизировать выпуск газеты.

4. О перспективах корейских СМИ

А теперь несколько слов о перспективах и будущем корейских СМИ в Узбекистане и в СНГ.

Я не раз задумывался, а нужна ли национальная газета на национальном языке в условиях полной русификации

корейского населения СССР да и не только корейского? Сейчас мы понимаем, что это была политика государства, которое, хотя и стремилось к унификации сознания и образа жизни многочисленных народов огромной страны, тем не менее, создавало условия для сохранения и развития их национальных культур, родного языка национальных меньшинств, не имевших своих территориальных образований. В Алма-Ате издавались немецкая и уйгурская газеты, в Бишкеке – дунганская, в Узбекистане – крымскотатарская. Кстати, название последней – «Ленин байрагы» – было аналогично корейской – «Ленин кичи» – «Ленинское знамя».

Благодаря этой политике на протяжении многих десятилетий мы, корейцы, имели очаги своей национальной культуры, – газету, радио, театр, эстрадные ансамбли, которые субсидировались государством. В ряде школ Ташкента и Ташкентской области в программу входило преподавание корейского языка. В 1955 г. в Ташкентском театральном художественном институте был осуществлён набор корейской группы, а через год в другом вузе – ТГПИ им. Низами – открылось отделение корейского языка.

Благодаря этим учреждениям мы смогли сохранить свою национальную идентичность, свою культуру, к тому же ощущали некий психологический комфорт и даже гордость: мол, с нами, корейцами, считаются в верхах.

В необходимости своего национального СМИ можно не сомневаться. Но какой будет газета в новую эпоху – эпоху массовой компьютеризации и телефонизации?

Несколько лет назад на конференции в Москве мне уже доводилось высказать точку зрения по этому поводу. За прошедший период я утвердился в этом своём мнении. Уже сейчас очевидно, что бумажные СМИ постепенно уступают место электронным. Конечно, ещё немало читателей, особенно среди старших поколений, которые предпочитают листать бумажную газету, чем вглядываться в монитор ком-

пьютера или смартфона. Но Интернет продвигается семимильными шагами и занимает наш быт и наше сознание.

Минусы бумажной газеты для нас журналистов, работающих в СМИ национальных меньшинств, – это прежде всего бумага, печать в типографии, доставка газеты потребителю, что требует значительных денежных и трудовых затрат. У нас ограниченное пространство для коммерциализации газеты – небольшие тиражи, малая периодичность – раз в месяц. Исключение составляет алмаатинская «Корё ильбо», которая по-прежнему издаётся при государственной поддержке.

Новые поколения корейцев быстро овладевают новыми технологиями, и сегодня только ленивый не пользуется благами, которые предоставляет Интернет с его колоссальными информационными ресурсами. Статистики насчитали в мире 4,5 миллиарда веб-сайтов (<https://podarilove.ru/skolkonado-drevesiny-dlya-odnogo-lista-bu>). В прежние времена при написании газетной статьи мне нередко приходилось пользоваться услугами библиотеки им. Навои, чтобы уточнить или добыть дополнительные сведения по теме статьи, хотя и дома располагал приличным набором различных справочников, даже Малой Энциклопедией. А сегодня достаточно нажать на клавишу – и через минутуходишь в информационные просторы.

Большинство газет уже создали свои сайты, публикуют в них свои электронные версии. Возможно, это и есть будущее СМИ нацменьшинств. Электронные СМИ, конечно же, должны выпускаться, как и прежде, полноценными редакциями, иметь обширную корреспондентскую сеть, чтобы получать новости с мест, а корреспонденты – иметь достаточную квалификацию для сбора и написания материалов. Только в этом случае газета может выполнять свои задачи.

СЕССИЯ 3:

**ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОСОЗНАНИЕ
КОРЕЙЦЕВ СНГ**

Z. ADAMS

PhD in Asian Studies, UT Austin Croft Visiting Assistant Professor of Anthropology and Korean Studies at the University of Mississippi

**BACK TO THE FUTURE, PART II:
SOUTH KOREAN OVERSEAS HERITAGE
DEVELOPMENT AMONG THE DIASPORA**

Tourism is the primary process by which the South Korean government expands its cultural realm of influence and incorporates the diaspora into the claimed “global Korean community.” Selected portions of Korea’s history and culture is on display in exhibits and collections within the Smithsonian Museum of Natural History in Washington D.C., the Guimet Museum in Paris, the Royal Ontario Museum, the National Museum of Ethnology in Leiden, Osaka’s Museum of Oriental Ceramics, and the British Museum’s Korea Foundation Gallery, and art museums around the world. In the case of the Russian Korean History Museum (RKHM) in Ussuriysk, Russia, memorial representations and museum exhibits re-produce *Koryo saram* (Soviet Korean) identity and history in accordance with the form of nationalism promoted by the South Korean government. This chapter explores tourism as the primary process by which the South Korean government incorporates *Koryo saram* history into their historical narrative. It moreover considers displays of collective identity in exhibits at the RKHM and by South Korean tourists to elucidate the integration of *Koryo saram* history into the South Korean national narrative.

Museum curators noted the museum is well received by tourists, however locals and visiting *Koryo saram* have expressed

that the exhibits do not portray an accurate history of the *Koryo saram* as there has been an emphasis on presenting a South Korean centered perspective. This chapter examines how each exhibit works within the national senses of *han* (trauma) and *Arirang* (separation/return) to highlight perspectives of tourists and locals in viewing *Koryo saram* history. The aim is to look beyond the tangible objects within the museum and examine the interactions of visitors with the museum space and narrative. This research juxtaposes South Korean incorporation of *Koryo saram* history with the South Korean narrative and citizenship policies that simultaneously “other” this diaspora group during a period of enhanced outreach to diaspora communities. The aim is to evaluate representations of normative South Korean history, culture, and society at the museum to examine (re)production, representation, and consumption of Korean-ness.

Considering the increasing rate at which diaspora exhibits and diaspora museums are being constructed across the globe (e.g., Museum of Chinese in America, Korean American National Museum, Museum of Sakhalin Koreans, and various exhibits at national museums), this chapter works to question hegemonic claims of nation-states as “ethnic homelands” and considers how museums maintain their historic roles as social technologies. Opening up this discussion can initiate and encourage a broader range of studies and analysis to examine the *Koryo saram* specifically, as well as bringing to light considerations to re-evaluating homeland–diaspora relationships. As research on transnational identity, citizenship, and diasporas continues to be at the forefront of Korean studies,¹ this chapter examines a case at the nexus of South Korean cultural expansion, diaspora community outreach, and tourist economies.

Methods

The following analyses rely primarily on field research and ethnographic interviews conducted in Russia and South Korea

from 2016 to 2019. Highlighting over 250 interviews with South Korean tourists and local *Koryo saram*, this research considers perspectives on the Russian Korean History Museum, as well as general perceptions of South Koreans on the Korean diaspora in the Russian Far East. Additionally, opinions on how *Koryo saram* view the South Korean government regarding their outreach programs and initiatives were candidly shared. Free-form interviews encouraged interlocutors to discuss topics they find valuable, which is a vital analytical tool. Rather than specific questions guiding the conversation, tourists and locals brought to light what issues they find important and that impact their lives; rather than what was said specifically, the thematic elements of what is consistently discussed by different interlocutors was valuable in understanding the broad perspectives. Of particular interest was the consistent discussion of whether or not the *Koryo saram* belong within the “global Korean community.” By juxtaposing the lived experiences of *Koryo saram* in the Russian Far East with the historical narrative portrayed and consumed at the Russian Korean History Museum, the counter story of local *Koryo saram* – to be discussed hereafter – reveal expressed discontent with claims of nation-building that assumes the role of diasporic homeland for South Korea.²

The *Koryo saram*

While populations of *Koryo saram* live throughout Russia and former Soviet republics, this study focuses on the large population of Russian Koreans that have migrated from Soviet Central Asia to the Russian Far East since the late 1990s.³ Koreans of the former Soviet Union first arrived in Tsarist Russia in the mid-nineteenth century. Due to the series of famines and social marginalization, emigrants left the northern provinces of the peninsula and relocated to the Russian Far East. The *Koryo saram* settled in Vladivostok and established Korean villages throughout the region and became prominent in agriculture, industry, and

politics. After defeat in the 1905 Russo-Japanese War and the ensuing Japanese claim of the Korean peninsula as its protectorate, Tsarist Russia enacted policies forcing partial relocation of Koreans away from the borderlands. However, Russification was generally considered as the modernization many government exiles sought on the peninsula. Coupled with Japanese occupation of the Korean peninsula, the *Koryo saram* became enemies of the Bolsheviks' enemies and considered the 1917 Revolution as a means of liberating the peninsula and bringing the changes they sought during the late Joseon Period. Yet, the Soviet Koreans saw this opportunity fade with the Japanese annexation of Manchuria in 1931. Further Japanese expansion raised alarm in Soviet Russia and brought about the relocation and forced naturalization of Koreans within the Soviet Union, although neither action halted illegal immigration.

Despite their support for the Bolsheviks and Communist party activism, the heightened threat of espionage increased suspicions among Soviet leaders. In 1937, a two-phased removal project of all ethnic Koreans in the Soviet Far East resulted in one of the first forced ethnic deportations of the Stalin regime. In October of that year, the entire population of the *Koryo saram*, numbering nearly 200,000, was loaded onto trains for a month-long exodus across Siberia, and disembarked on the steppe of Central Asia.⁴

Currently, the *Koryo saram* form a significant contingent of the "global Korean community" with a population around 500,000. This diaspora resides primarily in Russia, Kazakhstan, and Uzbekistan. Due to socio-cultural marginalization on the Korean peninsula during the late Joseon period and subsequent life in the Russian Far East, the *Koryo saram* established cultural forms distinct from peninsular Koreans. Russification and Sovietization policies drove a socio-cultural wedge between *Koryo saram* and peninsular Koreans. The *Koryo saram* underwent intense socio-cultural and ideological assimilation during the Soviet pe-

riod, challenging the persistence of their Korean identity. Since Central Asian states gained independence in 1991, South Korean global economic influence has bridged the gap between *Koryo saram* and the self-designated historic homeland; aside from economic interactions throughout Central Asia and the Russian Federation, the South Korean government and private agencies have established both institutions, such as cultural centers, in major cities with large *Koryo saram* populations. However, the *Koryo saram* experience cannot simply be deposited or inserted into the diaspora/homeland relationship regarding the South Korean state – despite South Korea’s efforts.

The fractured collapse of the Soviet Union and ensuing political relations with Central Asian republics provided South Korea with access to formerly inaccessible economic markets. While Russia and Central Asian states are geo-politically strategic partners and hold vast quantities of natural resources, their economies are complementary to South Korea’s business and manufacturing conglomerates (*chaebols*). The South Korean *chaebol* system has the unique ability to supply and finance infrastructure and intellectual services, as well as markets. Central Asian authoritarian regimes look to South Korea’s state-led growth as a model, and *chaebol* provide comprehensive service to global markets without requiring political reform as compensation.⁵

The South Korea government claims that continued social and cultural interactions with the *Koryo saram* are the main drivers behind involvement in the region, but such “revival” efforts are superficial.⁶ Thus, the *Koryo saram* are a catalyst for deep ties between the former Soviet states and South Korea. South Korean non-governmental organizations have established centers to teach Korean language, art, and history to local *Koryo saram* populations throughout the region to utilize this thin ethnic tie to establish and maintain strong economic relations for future energy stability.⁷ Interactions between the *Koryo saram*

and South Korea cannot be seen as a cultural revival. Despite Chongjin Oh's argument that South Korea holds the power to revitalize the Korean-ness of the *Koryo saram*, South Korea's ethno-cultural interactions are a guise for economic pursuits.⁸ The main problem contributing to the lack of success of this "revival" is attributed by German N. Kim and Valeriy S. Khan to the *Koryo saram* "possessing their own culture" and being "in no way obliged to imitate the culture of the Korean peninsula."⁹ However, since 2017 various South Korean tourism agencies have promoted heritage tourism to *Koryo saram* historical sites in the Russian Far East – advertising it as an opportunity to tour Europe – to further establish its cultural realm of influence.

Locating the *Koryo Saram* Homeland

Identity becomes intricately woven with place via connections between territorializing space and group formation. Spaces of religious, familial, and social value create an identity of the territory, intertwining the homeland and its inhabitants. Place, especially 'homelands', is a vital component in the formation of group identity, although the community bestows the meaning.¹⁰

In its simplest definition, "diaspora" is forced dispersal of a people from their homeland. Despite its original context, the terminology surrounding 'diaspora' has extended its semantic domain to include immigrants, expatriates, refugees, and guest-workers. While diasporas have distinguishing characteristics from other migrant communities, "diaspora" is not simply a label, but a symbol of historic – and present – struggles to establish and solidify identity. Like nations, diasporas perceive and construct their identity based on common history, language, and even past achievements of their society and culture. In order to examine the case of the *Koryo saram*, an analysis of the definition, however brief, is necessary.¹¹

The trouble with defining diaspora is that it is a "travelling

term," impacted by a dispersion of its semantic value and conceptual meaning. This phenomenon is referred to by Rogers Brubaker as "the 'diaspora' diaspora," and Robin Cohen addresses the issues as the "inevitable dilution of 'diaspora' as a terminology," albeit with the caveat that 'diaspora' is used in "a variety of new, but interesting and suggestive contexts."¹² The rhetoric surrounding diaspora has been expanded to encompass a plethora of communities designated by religious, ethnic, or national designations living beyond boundaries of a homeland or borders of a state.

Regardless of the ambiguous expansion of "who" or "what" may be categorized as diasporic, a fairly standardized set of features is used to define 'diaspora'.¹³ While scholars may amend, delete, or emphasize various portions pertaining to their specific study group, the three basic features of a diaspora include (1) a dispersal – traditionally forced – from an historic homeland to multiple destinations, (2) a constructed and maintained concept of a homeland, and (3) a conscious group identity. Another major feature is lived experience in a host-land over multiple generations.¹⁴

The fundamental principle in defining whether a detached group is diasporic lies within the integrated dynamics of dispersal from, persistent attachment with, and myth of eventual return to a "homeland." According to Cohen (1996, p.516), "transnational bonds no longer have to be cemented by migration or by exclusive territorial claims... in the age of cyberspace a diaspora can, to some degree, be held together or re-created through the mind, through cultural artefacts, and through a shared imagination." It is common practice for detached group identity to focus on historic homelands as a means of cultivating or maintaining group cohesiveness. While a majority of diaspora communities can be associated with a titular nation-state, the existence of a geopolitical entity is not a qualifying factor in identifying a diaspora. Modern conceptions of homelands

have become the nation-state, diasporic conceptualizations “the modern nation-state...simply seems to not exist” due to its support of a broader, inclusive idea of ethnic belonging.¹⁵

The essence of the homeland is centered on the concept of return. Remembered homelands are idealized spaces, serving both nationalistic and diasporic purposes. The idealized homeland is vital to the collective return myth and essential to the formation of diasporic identity and the diaspora experience. Clifford (1994) argues that immigrants seek to make their destination a new homeland, while the diaspora seeks to return to their previous homeland, or at least maintains the myth of return. Whether or not the homeland only exists metaphysically or conceptually, the homeland return myth is essential to diaspora identity because it solidifies collective consciousness. Despite technological advancements and the creation of non-concrete bonds among diasporas and homelands, the importance of place – especially “homeland” – is still a valuable feature in defining diaspora. Kim Butler (2001, p.205) notes that “to some extent, diasporan representations of the homeland are part of the project of constructing diasporan identity, rather than homeland actuality.”

Sean Carter claims that there is a “double re-territorialization” among diasporas. This phenomenon comprises an effort to maintain the homeland while being “rooted (or routed) through the territory of the nation of residence.”¹⁶ The ethnic homeland of the *Koryo saram* was a dynastic Korean peninsula. Currently the peninsula is divided politically and culturally between North and South, and the *Koryo saram* reside predominantly in Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan. The *Koryo saram* (re)established group identity based on altering homeland perception and adaptation in ever-changing host-lands. Chong Jin Oh (2007) articulates an adaptive identity within the *Koryo saram* diaspora. Originally the *Koryo saram* transitioned to life under Tsarist Russia, then Soviet rule, and

now independent Central Asian states. Following their removal from the Far East in 1937, Soviet Koreans underwent intense assimilation, challenging the persistence of their identity. According to Carter's theory of "double re-territorialization," the *Koryo saram* remain in a liminal state, simultaneously belonging and not belonging to both the homeland and host-land.

Overlapping territorializations form the structure of the South Korean and *Koryo saram* narrative landscape in the Russian Far East. Each collective identity – either diasporic or national – has ascribed distinct place-meaning to the same space. Primorsky krai serves a vital role in the Korean narrative of the anti-Japanese nationalist movement, while simultaneously serving as diasporic homeland for the *Koryo saram*. Place-making among diasporas and nations is performed via the same mechanisms, and the case of Koreans in the Russia Far East offer valuable insight into the analysis of overlapping places of meaning, which I will refer to as mnemoscapes.

The mnemoscape

Mnemonic spaces are a form and consequence of place-making. The core theorization of mnemonic spaces is how place and time impacts and interacts with individual and collective memory, as well as how places remember or are used to remember.¹⁷ Such are places of meaning that aid and incite memory of an experience, operating both spatially and temporally. Mnemonic spaces are endowed with the ability to effect memory and remembering, yet exercise it indiscriminately. From this perspective, a historical event 'taking place' assumes new meaning; 'to take place' becomes an imperative rather than a descriptor of the past (and present 'taking place'). An event 'took place' or 'took a place' designating and imbuing it with meaning and likewise defining the place. In this sense, the layers of mnemonic spaces are evident as possessors of bounded spaces, as well as similar spaces of that category being taken by such meaning. Rather

than the ascription of 'place' being lived experience, mnemonic spaces are primarily created by absence, thus for an event to 'take place' indicates a possession of the place and place-type. This process is how previously unexperienced spaces can serve as mnemonics.

Interacting with cultural heritage reifies historical and national narrative. These links to the past incorporate the viewer into the narrative as a participant and perpetuator of national heritage. At a memorial, one can stand with Dr. King; a tourist can travel Seoul and be a *yangban* for a day (an historical class of Korean elite), or be strapped in the stocks for a photo-op; on a monument you can feel the unetched stone of An Jung-geun's missing finger¹⁸ or at the Holocaust Memorial Museum be assigned to wear the flaxen star of David. While all of this is possible, the question of 'why' resounds; and a question posed by a Korean tourism advertisement seen on Russian television lingers, "have you ever experienced the comfort of sleeping on the floor?" Tourists perform and participate within a community by consuming or placing themselves within the cultural heritage narrative. Cultural heritage is arguably perpetuated and performed to fulfill a real or imagined sense of belonging within a group. Like the ouroboros, heritage is consumed because that is required for its production.

Heritage tourism hinges on place-making. Removal from a place, as previously discussed, can be a vital experience in the formation of place identity. Yet, when considering nostalgia's temporal and spatial conceptions, temporal distanciation marks places as 'different from before' as much as spatial separation is a different place/space. Heritage management regimes (nations, governments, NGOs, etc.) utilize the assumption of inherent meaning, as well as intrinsic and unchanging significance, to establish its necessity in opposition to potential loss. The combination of nostalgia and conflict of loss drives tourist interaction with heritage and heritage sites. Since place-meaning is primar-

ily transmitted across social and cultural modes, institutions have increasingly promoted ideas of shared “cultural heritage” as means of generating national cohesion and revenue via the tourist industry.

Museums are vital components to the theorization and study of mnemonic spaces. Objects in museums are out of place yet incite memory across space and time. In this way, museumified objects operate as both mnemonic and participant within the museum space. The objects maintain ability to remember their ‘place’ spatio-temporally. Likewise, visitors, in most cases, did not experience what is portrayed in museums, yet are able to remember their own experiences and make connections with the meaning of objects and memories of other times and places. This use of ‘space’ is intentional; it is an unassigned value – a variable ‘x’. While mnemonic capacity exists within the museum, the space holds multiple ‘place’ meanings for tourists and local *Koryo saram*. Yet, it seems impossible that a *Koryo saram* museum could hold mnemonic value for South Korean tourists; this is where the narrative intent becomes manifest. Via the Independence Movement narrative, the museum operates as a mnemonic that incorporates the experiences and history of the *Koryo saram* memory to the South Korean collective identity. By connecting through collective memory of trauma, the experience at the museum will engrain itself in individual memories that otherwise would be unachievable. Thus, it can be considered that the intent of the museum is not to *learn* about the *Koryo saram*, but to *remember* the *Koryo saram*.

The RKHM, arguably, is an overlapping space of memory. It is not only the exhibits, but the visitors that act as collaborators in the merging of *Koryo saram* history into the South Korean historical narrative. The museum is a physical and symbolic narrative/cultural and territorial claim, respectively. In accordance with other monuments and memorials constructed in the region, the museum is another stele or node in the cultural bound-

ing process undertaken by South Korea amongst their diaspora community. This can be seen as evidence of the expanding and diversifying tide of *hallyu*. Hence, the museum is the tangible manifestation of the South Korean government's efforts to incorporate *Koryo saram* history as a legitimate and official part of Korean history. The displays of the museum highly emphasize Korean culture, custom, and events; this relegates the *Koryo saram* to a supporting role, not only within the museum, but within the historical narrative. The museum acts as the nexus and access point along the narratives.

The museum

As noted, the Russian Korean History Museum (RKHM) is located in Ussuriysk Russia, just north of Vladivostok. The museum first opened its doors in 2009, organized and curated by members of the local *Koryo saram* community, but after receiving financial support from the National Folk Museum of Korea in 2016, it became refurbished and reorganized primarily by professionals from South Korea. This transition from local to South Korean government support through the national museum transitioned the predominating narrative of the museum to one in line with the South Korean national perspective. Ussuriysk was chosen as the location for the RKHM specifically due to the prominent *Koryo saram* population and their historical record. The museum stands adjacent to the "Koryo Saram Culture Center," and is the highlight of the complex. Visitors enter the museum down a monument-flanked walk; upon entry, dual grand staircases embrace the museum entrance. The generic exterior of the building belies the kitschy indulgences of crystal and gold traditional Korean-style fan-shaped wall sconces, wall hangings, and a chandelier fit for a Soviet-era theater. Guests are ushered by guides past the check-in desk and through the threshold marked "Russian Korean History Museum."

Figure 1: Exterior of front entrance to the Russian Korean History Museum and Korean Cultural Center in Ussuriysk, Russia. Photo by author.

Upon entering the exhibit hall, visitors are greeted by a donation box filled with Korean money (won), and the occasional Russian ruble. The walls are shrouded by historic photographs – full-wall expanses of monochrome offset and distinguishable against the pinewood finish of the bare walls. One can make out dirt roads, old ships and carts, and distinguish Asiatic faces among the labelled representations of Vladivostok. Maps abound in similar fashion; from the detailed map of the museum collections to the regional map of Northeast Asia, the Russian Far East (Primorskiy krai), and migration routes, to the map of historic markers, monuments, and buildings adorn the corridors. Former displays exhibit traditional Korean education, agriculture and weaving, and wedding ceremonies. Before entering a winding corridor, all visitors watch a brief video about the origins of the *Koryo saram* and their role in the Korean independence movement. The conclusion of triumphant music is always followed by applause, excepting the travel-weary pensioner searching for a seat or rambunctiously bored youngsters atop a father's shoulders. At the entrance to the corridor is an enlarged map of the former Soviet Union and greater Eurasia. If

Figures 2 and 3: Interior of museum entry with Korean-style hand fan wall sconces(left) and Korean-style window dressing wall hangings (right). The museum entrance can be seen below in figure 3 (right) on the first level.

tour guides live up to their title in any respect, this is where explanation occurs, as they discuss the diasporization of the *Koryo saram*. Then the visitors funnel through the corridor flanked by a timeline of events and relevant artefacts, guided forward by the line on the floor and the march of time. Finally, the corridor opens, depositing the time travelers into a room of nostalgia and longing – a room fully dedicated to *Arirang*.

Heritage is “signifying practice” and perspective of the past from a contemporary perspective (see Graham, Ashworth, and

Figure 4: The line on the museum floor indicating the proper path of flow and artefact observation. This line serves as the narrative timeline of the museum.

Turnbridge). Discussions around heritage primarily focus on its commodification and consumption as a cultural and economic product (*ibid*).

Heritage museums have three essential goals and purposes. To begin with, heritage museums are created to educate non-members and (generational) heritage members of diasporic experience. Another goal is to instruct diasporans of their cultural heritage promoted by a homeland, and encourage the incorporation or merging of diasporic and homeland historical narratives. Finally, heritage museums seek incorporating diasporic narrative into homeland narratives for consumption by co-ethnic non-diasporans. In varied forms, heritage museums strive to negotiate belonging in homeland and host country simultaneously, as well as designate a distinguished cultural identity that validates particular experiences.¹⁹ The 'diaspora museum', specifically, does not function in a distinguishable manner from other history museums. However, history museums display exhibits with the same message to all viewers – selective information transmission about the portrayed group (or history or past). Heritage museums negotiate balancing the portrayal and reception by myriad viewing groups; most poignantly those of the group seeking to place themselves into a larger whole. If heritage museums are overtly biased, it will alienate a vital piece of the narrative, either diasporic or homeland, and result in a seemingly unfinished narrative. At the RKHM, the museum displays the South Korean historical narrative but is primarily visited by co-ethnic non-diasporans. South Korean tourists are visiting a museum in Russia about South Korean history; this paradoxical combination serves as a valuable insight into South Korean and museological 'social technologies'.

Museums are vital social technologies to nation-building. The nuances of heritage museums highlight the obvious aspects of museumified nation-building processes because of the transnationalism that is so much a part of many diasporas. Heritage museums are multifaceted social technologies that must nego-

tiate the multi-dimensional and scalar diasporic relationships. Utilizing nostalgia on individual and national scales, museums have a unique affective capacity in simultaneously producing and consuming national identity. Museum-goers introduce and inculcate objects with meaning. Yet these mediating objects have been pre-selected for display as representative of the nation. Selective exhibition is a process of value assessment; museum objects are selected to hide the complexity of identity. The simplification of the past, of experience and memory through objects, constructs history. Construction of history is the key to nation-building, state-building, and all of the corresponding identities theretofore formed. Not that history-making is solely done by or within the museum, but the museum stands – an object itself – as a manifestation to simplify these social processes.

The idea of the ‘nation’ transcends state borders, and both northern and southern Korean regimes claim to represent all Koreans. Since the origins of Korean nationalism, nationalists such as Shin Jae-ho, Kim Gu, and Syngman Rhee – to name a few notables – have maintained language and territory as nationally necessary.²⁰ By some qualifications the *Koryo saram* may be identified as ethnically Korean, but extended isolation from the initial and re-emerging nationalist movements proves too stark for South Korean efforts to substantiate the claim as the homeland for all Koreans, particularly the *Koryo saram*. Yet, according to Korean nationalist discourse, culture is rooted in the land, and the dichotomy of peninsular–diasporic Korean ethnicity has continued since its conception in the early twentieth century.²¹ While detachment from the state allows for the “rethinking of nationness,” there exists a notion of inherent disconnect with culture and identity;²² according to hard-boiled Korean nationalists, the outlook of the *Koryo saram* could not, historically, be considered “thoroughly Korean,” and modern South Korean nationalism emerged after a reconstruction of history, an identity the *Koryo saram* did not help to create.²³

The *Koryo saram* narrative landscape in the Russian Far East

is comprised of and affixed to places which serve as nodes of a specific past. These nodes serve as anchors to the spatial boundaries on the landscape, acting as a network frame of socio-cultural spheres of influence. Historically, stelae were often utilized as such nodal boundary markers to designate areas of influence. Monuments, memorials, and the museum are erected with the intent that they act as nodes at the center of socio-cultural bounded spaces. In the case of South Korea, the cultural claim and territorial expansion of *hallyu* (the so-termed ‘Korean Wave’ of culture) is delineated and demarcated by such nodes across the globe. Among local populations and tourist hubs restaurants with target-language menus and bus parking zones, as well as community centers and grocers serve as ethno-cultural stelae. The past decade of monument erection by South Korean government and private investment serves to designate cultural and ethnic boundary-making in the Russian Far East. Thus, processes of territorialization and place-making are enacted by tourists that broaden the socio-cultural stakes of the South Korean cultural sphere.

Figure 5: Within the museum is a vignette featuring other local Koryo saram heritage sites within the Russian Far East. These sites function as the nodal anchors in bounding the Soviet Korean narrative landscape.

The (RKHM) and museum complex is arguably the keystone of the Soviet Korean memorial narrative landscape in the Russian Far East. Often the first – if not only – stop on tours, the (claimed) entirety of the *Koryo saram* history and experience can be viewed within the museum. The museum is – for practical purposes – the focal point of official visitors, patrons, and funders to meet with professionals responsible for the maintenance of the monuments. The museum stands as the narrator of *Koryo saram* history, as it stands on no specific ‘place’ of meaning. At the museum, the tangent/divergent narratives converge. In the museum the differences are stark.

The Russian Korean History Museum emphasizes the trauma of Japanese occupation, Korean independence movement, and longing of eventual diasporic reunion in the homeland. This narrative fits squarely within the South Korean nationalist narrative. The museum timeline includes dates and events beginning in 1860 up to and including 1990. However, the formative years of *Koryo saram* identity are missing from the South Korean historical narrative of the *Koryo saram*. After the display on the 1937 deportation there are only two dates: 1940 and the

Figure 6 : The timeline corridor begins in 1860, when the first recorded ethnic Koreans entered the Russian Far East.

formation of Korean *kolkhozes*, and the establishment of formalized relations between South Korea and the Soviet Union in 1990. Thus, the museum plays a different role – and holds distinct place-meaning – within the South Korean and *Koryo saram* overlapping narrative landscapes. The museum, and other designated sites, are highlighted as key places of remembering the Korean independence movement; yet the *Koryo saram* do not highlight or even recognize participation in the movement. Instead, above the museum in the ballroom is a place of celebration and nostalgia (weddings, reunions, and birthday parties).

Figure 7: The glass partition at the entrance of the museum highlights to focus of the 1910 Korean Independence Movement and the Taegukki as the symbol of Korean nationalism.

Figure 8: This view of the second portion of the timeline corridor reveals the jump in the timeline from 1940 to 1990 (not visible, but located before the threshold on the viewers left). The room to which visitors exit is the largest portion of the museum highlighting Arirang memorabilia.

This distinction is clear in the noticeable disinterest among local *Koryo saram* to visit the museum; when inquired as to why there are very few local *Koryo saram* visitors, one local interlocutor responded, “the local people know their past, this is not it; they don’t need to visit the museum.”

While the South Korean trauma narrative is the dominant theme regarding the *Koryo saram*, especially within the museum, local *Koryo saram* I interviewed had an opposing perspective on their group’s history. Elderly and middle-aged *Koryo saram* narrate the history of the diaspora and recall family histories with emphasis on success, opportunity, and nostalgia. Much like ‘golden ages’ of times past, older generations revel in their history of overcoming challenges, rather than wallowing in victimhood. These formative years of *Koryo saram* identity (post-deportation) are almost completely missing in the South Korean narrative landscape in the Russian Far East. For this reason, the RKHM plays a different role for the *Koryo saram* than for South Korean visitors/tourists; it is a linchpin in the South Korean narrative landscape as a site of loss, *han*, and the struggle for independence. Simultaneously, for the *Koryo saram*, this same space is one of celebration, nostalgia, and homecoming. This is not only common among older generations; young people discussed with me the sense that they are no longer diasporic. After moving to the Russian Far East with their families they feel at home in **Primoriye/Primorsky krai** and some even express discontent at what they consider South Korean cultural interference.

The tourists and the locals

The atmosphere of the RKHM is one of overcoming tribulation. Music accompanying videos climax to triumphant notes; the final exhibits display themes of diasporic return and reunion. Upon departing the museum, the humming of *Arirang* hangs in the air; most tourists reflected on the museum experi-

ence with claims of sadness stating, “my heart aches.” Tourists come to experience this heartache, or *han*. They emerge after traveling along the trail of *Koryo saram* tribulation with long faces and panged hearts which validate and authenticate the *Koryo saram* as Korean kin. Then the tourists drink coffee, smoke cigarettes, and board the buses.²⁴

There is little interaction between South Korean tourists and local *Koryo saram*. Yet, both use the space in distinct ways that exhibit their ethnic identity within the history museum space. From ordering coffee and desserts at the café to humming *Arirang* as they file through the museum, South Korean tourists display Korean-ness while exploring exhibits within the museum complex. The prevalence of selfies and usage of ‘*woori*’ (‘we’/‘our’) when discussing the *Koryo saram* incorporates the displays and memorials into the embodied historical narrative. While the sheer mass of tourists exemplifies the draw of the place on the South Korean collective memory and heritage, this only tells part of the story. In 2017 the RKHM had around 3,000 visitors; in the fall of 2018 there had been over 30,000 that year alone, and with the 100th anniversary of Korea’s March 1st Independence movement, that number almost doubled. While the other exhibits focus on traditional Korean weaving, clothing, and wedding ceremonies – and the timeline of heroes of the independence movement – the focus of the tourists falls on ‘*Arirang*’ displays. The nostalgia of comics, lighters, and records promotes the collective Korean-ness across time and space, encouraging the tourists to consume the ‘*han*’ of longing and Korean collective identity on display. In this way, via the collective suffering displayed in the museum, the tourists connect the ‘*han*’ in their hearts to that of the diaspora. This tenuous, intangible connection solidifies/reifies the imagined *Koryo saram* diaspora into the over-arching community of Koreans.

Figure 9: This wall within the *Arirang* room of the museum shows some of the expanse of memorabilia dedicated to South Korean books, comics, records, and materials named or titled ‘Arirang’.

“I have never been. Where is it?” This was the most common response to inquiries to local *Koryo saram* regarding the museum. Despite the majority of *Koryo saram* not having visited the museum,²⁵ a few who had shared valuable insights; one com-

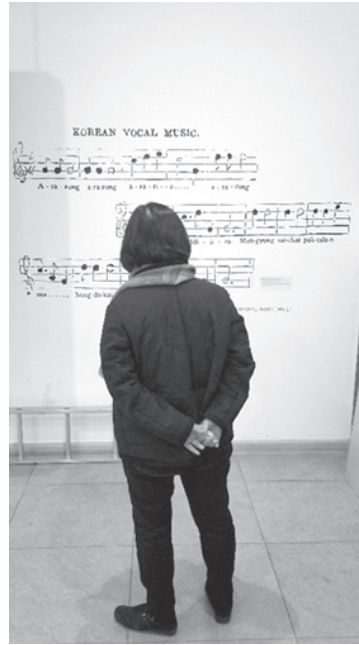
Figures 10(-13): Close-ups of ‘Arirang’ records, radios, pliers, cigarettes and matchboxes, films, records, and other memorabilia focused on the sensation of ‘Arirang’.

mented, upon reaching the 1941-1991 gap in the museum timeline, “where is our history? This all talks about Korea, but where are the experiences of my people?” Another, who claimed to have visited often prior to the 2016 renovation, commented that after sponsorship by the Korean National Korean Folk Museum the RKHM “lost face and personality” and “sponsors from South Korea reconstructed this museum in their own way...it can no longer be called the *Koryo saram* Museum.” Another interlocutor noted with exasperation that the “local *Koryo saram* know their history, and this [portrayed in the museum] is not it; they don’t need to visit the museum.”

The lack of interest in the museum among local *Koryo saram* could be indicative of a lack of community and collective memory. Many *Koryo saram* interviewees noted a decline in a strong local community in Ussuriysk. One local compared this lack of community with the strong sense of diasporic community among *Koryo saram* in Moscow. He lamented that a decade ago every *Koryo saram* in Ussuriysk knew one another and exchanged pleasantries in passing, but now “this sense of

decline in a strong local community in Ussuriysk. One local compared this lack of community with the strong sense of diasporic community among *Koryo saram* in Moscow. He lamented that a decade ago every *Koryo saram* in Ussuriysk knew one another and exchanged pleasantries in passing, but now “this sense of

Figures 14 and 15: Two tourists listen to (left) and view (right) the lyrics of ‘Arirang’ displayed in the ‘Arirang’ room of the Russian Korean History Museum.

community is no more.” The conclusion he came to was that it is “perhaps” not the population percentage or size of population, but instead it is that Moscow is still a “diasporic city” compared to the “extremely high sense of belonging among *Koryo saram* in Ussuriysk.” The sentiment among *Koryo saram* in the RFE is that they have returned to the homeland; “they are home,” he concludes. This anecdote supports the argument that diasporic identity is a primary force in community formation, and that a lack of diasporic identity minimizes a groups necessity to form an ethnic community, even beyond the assumed ethnic homeland.

The inactivity of locals indicates tourists do not interact with *Koryo saram* on any significant scale. In this regard, the conflict-

ing narratives deter interactions between the two intended audiences. Yet, in other ways it encourages interactions between funding agencies from South Korea and representative groups in Ussuriysk. Local groups tweak their narratives to fit that promoted by potential South Korean agencies to secure funds. In another generation the *Koryo saram* narrative could be secondary to that of South Korean nationalism, even among the local diaspora. These increased interactions would call into question the validity and authenticity of local *Koryo saram* perspectives and the influence of “homeland” interaction regarding diasporic collective identity and memory. This leads to discord among the *Koryo saram*, as they see South Korea as more of an opportunistic, quasi-colonial force among the diaspora. Some interviewees even referred to it as a parasitic relationship that damages the view of *Koryo saram* in the eyes of fellow citizens of Ussuriysk. The conflicting historical narratives are increasing distantiation and leading to potential divergent futures, despite the claimed intent of (re)unification and return. However, if the economic ramifications and benefits continue to favor their economic market, there is little interest in the impact on the local ethnic Korean community.

The disjuncture

Despite its original context, the terminology surrounding ‘diaspora’ has extended its semantic domain to include immigrants, expatriates, refugees, and guest-workers. ‘Diaspora’ is not simply a label, but a symbol of historic – and present – struggles to establish and solidify identity. Like nations, diasporas perceive and construct their identity based on common history, language, and past achievements of their society and culture. In order to examine the case of the *Koryo saram*, an analysis of the concept of diaspora, however brief, is necessary. The difficulty with defining diaspora is that it is a “travelling term.”²⁶ This phenomenon is termed by Rogers Brubaker as “the ‘diaspora’

diaspora.”²⁷ Regardless of the ambiguous expansion of “who” or “what” may be categorized as diasporic, a fairly standardized set of features is used to define diaspora. For example, James Clifford argues against establishing an idealized model of diaspora because comparative case studies can detract from specific histories and experiences.²⁸ While scholars may amend, delete, or emphasize various portions pertaining to their specific study group, the three basic features of a diaspora include (1) a dispersal – traditionally forced – from an historic homeland to multiple destinations, (2) a constructed and maintained concept of a homeland, and (3) a conscious group identity. Another major feature amended to the classical definition by Clifford, Robin Cohen, and William Safran is lived experience in a host-land over multiple generations.²⁹ And while Clifford does not argue specifically that a multi-generational aspect is necessary in defining a diaspora, he does note that a diaspora is not intended to be temporary. Considering the *Koryo saram*, there are three major instances of diasporization: (1) initial migration from the peninsula, (2) deportation to Central Asia, and (3) return migration to the Russian Far East. Vitaly, though, *Koryo saram* of the Russian Far East no longer maintain a myth of homeland return due to the prevailing sense that the Russian Far East is the homeland of generational longing. And as many pointed out, the conscious group identity is waning heavily as well.³⁰

The fundamental principle in defining whether a detached group is diasporic lies within the integrated dynamics of dispersal from, persistent attachment with, and myth of eventual return to a “homeland.” According to Robin Cohen, “transnational bonds no longer have to be cemented by migration or by exclusive territorial claims;” cyberspace allows a diaspora to be held together or re-created virtually via cultural artefacts, events, and imagination.³¹ It is common practice for detached group identity to focus on historic homelands as a means of cultivating or maintaining group cohesion. While diaspora communities

can often be associated with a titular nation-state, the existence of a geopolitical entity is not a qualifying factor in identifying a diaspora. In the case of the *Koryo saram*, the predominating sense among the community in the Russian Far East designates Russia – particularly Primorsky krai – as the homeland, rather than either of the peninsular Korean states.

The essence of the homeland is centered on the concept of return. Remembered homelands are “an idealization of space,” serving both nationalistic and diasporic purposes. The idealized homeland is vital to the collective return myth and essential to the formation of diasporic identity and experience. Clifford argues that immigrants seek to make their destination a new homeland, while the diaspora seeks to return to their previous homeland, or at least maintains the myth of return.³² Whether or not the homeland only exists metaphysically or conceptually, the homeland return myth “serves to solidify ethnic consciousness.”³³ Despite technological advancements and the creation of non-concrete bonds among diasporas and homelands, the importance of place – especially ‘homeland’ – is still a valuable feature in defining diaspora.

Sean Carter claims that there is a “double re-territorialization” among diasporas.³⁴ This phenomenon comprises an effort to maintain the homeland while being “rooted (or routed) through the territory of the nation of residence.” The ethnic homeland of the *Koryo saram* was a dynastic Korean peninsula. Currently the peninsula is divided politically and culturally between North and South, and the *Koryo saram* reside predominantly in Russia, Kazakhstan, and Uzbekistan. The *Koryo saram* (re)established group identity based on altering homeland perception and adaptation in ever-changing host-lands. Following their removal from the Far East in 1937, Soviet Koreans underwent intense assimilation, challenging the persistence of their identity. According to Carter’s “double re-territorialization,” the *Koryo saram* remain in a liminal state, simultaneously

belonging and not belonging to both the homeland and host-land.³⁵ A belief in kinship and affiliations with ethnic groups, particularly in a diaspora context, create ethnic boundary markers. The experiences that form the core of diaspora identity are highly subjective to the group defining itself within its designated parameters.³⁶

According to Alexander Diener the bond between diasporas and the homeland will serve as spatial context to imply a sense of place permanence and rootedness.³⁷ In South Korea, national identity is centered on the idea of a “one-blood nation,” highlighting questions of dual-citizenship and nationality amidst traditions of homogeneity and belonging on the peninsula. Yet, Natsuko Oka notes migrations among the *Koryo saram* have seen a return to the Russian Far East maritime region, rather than the Korean peninsula.³⁸ Despite diaspora conception and establishment of identity partially on common history of their ethnic society and culture, the multi-generational feature amended to identify diasporas is a two-edged sword as sense of belonging shifts from historic homeland to host-land; as time within the host-land increases, repatriation tendencies decrease and naturalization becomes more prevalent.

Concluding remarks

How objects and images represent history convolutes distinctions between cultural representation and reclamation, especially regarding presentation, situation, and context within the memorial complex. As Paul Ricoeur notes, monuments and archives are memory places – or as has been proposed herein, mnemoscapes – and negotiate “the transition from corporeal memory to the memory of places.”³⁹ This chapter has discussed the institutional processes and the everyday experience of tourists and Soviet Korean mediators to elucidate their interactions with(in) mnemoscapes. According to Pierre Nora, museums are included in *lieux de mémoire*, realms of memory; within his theo-

rization the museum and museum complex form a nexus of negotiation between history and memory.⁴⁰

Under the theorization of mnemoscapes, it is the place, and an event's "taking (of) place" that stretches the museum beyond its role as a "realm of memory." Rather, the individual is able to internalize the collective memory into the personal, and contribute the everyday to the collective; mnemonic spaces allow for the individual to specifically contribute to the collective via nostalgia. In the museum, tourists do not only contemplate nationalism and identity on display via objects, but they identify the artefacts to personal interaction and experience with similar objects or similar places. The entire museum is a mnemonic space because it is a place of remembering and a place that remembers, with variable meaning for tourists and locals. The museum, on the whole, is a place of commemoration more so than celebration. The museum invites and incites nostalgia (present) and encourages embodiment of the past to remain in the space between Nora's memory (present) and history (past). This rift between history and memory is filled by mnemonic space – no matter what is exhibited, individual and collective memories are always on display.

The Korean independence movement is the tangent point of diverging narratives. While South Korea over-emphatically highlights the *Koryo saram* as valiant resisters to Japanese colonialism, the intersection is exclusively geographic – there were Soviet Koreans in the Russian Far East while there were Korean resistance fighters and a provisional government in the same region. Other than this spatial connection, the *Koryo saram* were not major players or advocates of anti-Japanese independence. The monuments constructed and visited in Russia coincide with the narrative constructed by South Korea: anti-Japanese nationalism. These sites and this narrative are reified as "sites (realms) of memory" by the South Korean government and private sponsors, as well as the tourists,

guides, and agencies that promote the *Koryo saram* experience as a sub-narrative.

In the emphasis of the independence movement, the narrative of *Koryo saram* in the Russian Far East is relegated to a tangential aside of the national narrative. The selective tourist gaze is transforming *Koryo saram* places into South Korean spaces of memory. This transition foregrounds what is being 'not seen'; local *Koryo saram* do not visit the museum or other monuments or memorial sites as places of memory or nostalgia but know them as tourist attractions. Throughout the entire narrative landscape, what is not seen or remembered, most glaringly, is the *Koryo saram*. From the historical narrative to contemporary experience, South Korean cultural heritage in the Russian Far East is void of the *Koryo saram* diaspora claimed as kin.

REFERENCES

- Alonso, Ana Maria. "The Politics of Space, Time and Substance: State Formation, Nationalism and Ethnicity," *Annual Review of Anthropology* 23 (2006): 379-405.
- Anderson, Benedict. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1991.
- Blickle, Peter. *Heimat: A Critical Theory of the German Idea of Homeland*. Rochester: Camden House, 2002.
- Boym, Svetlana. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001.
- Brubaker, Rogers. "The 'Diaspora' Diaspora." *Ethnic and Racial Studies* 28, no. 1 (2005): 1-19.
- Butler, Kim D. "Defining Diaspora, Refining a Discourse," *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* 10, no. 2 (2001): 189-219.
- Calder, Kent and Viktoriya Kim. "Global Partnership Through Resource Diplomacy: Korea, the United States, and Central Asia." *Korea Economic Institute Academic Paper Series: On Korea 2* (2009): 49-75.
- Carter, Sean. "The geopolitics of diaspora." *Area* 37, no.1 (2005): 54-63.
- Chang, Jon K. *Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2016.

- Clifford, James. "Diasporas." *Cultural Anthropology* 9, no. 3 (August 1994): 302-338.
- Cohen, Robin. "Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers." *International Affairs* 72, no. 3 (1996): 507-520.
- Croucher, Sheila L. *Globalization and Belonging: The Politics of Identity in a Changing World*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2004.
- Diener, Alexander. "Diasporic Stances: Comparing the Historical Geographic Antecedents of Korean and German Migration Decisions in Kazakhstan." *Geopolitics* 14 (2009): 462-487.
- Fumagalli, Matteo. "South Korea's Engagement in Central Asia from the End of the Cold War to the 'New Asia Initiative.'" *The Journal of Northeast Asian History* 9, no. 2 (Winter 2012): 69-97.
- Gelb, Michael. "An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans." *The Russian Review* 54, no. 3 (July 1995): 389-412.
- Isaac, Gwyniera. *Mediating Knowledges: Origins of a Zuni Tribal Museum*. Tucson: The University of Arizona Press, 2018.
- Khan, Valeriy S. "The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problems of Identity." *International Journal of Central Asian Studies* 3 (1998): 1-12.
- Kim, German N. and Ross King. "Introduction." *Korean and Korean American Studies Bulletin* 12, nos. 2/3 (2001): R1-R18.
- Kim, German N. and V.S. Khan. "The Korean Movement in Kazakhstan: Ten Years Later." *Korean and Korean American Studies Bulletin* 12, nos. 2/3 (2001): R114-R140.
- Lauzon, Robb Conrad. "Memorial Space and its Mnemonic Function," *Memory Studies* (22 Nov 2019): 1-16.
- Lee, Chong-Sik. *The Politics of Korean Nationalism*. Berkeley: University of California Press, 1965.
- Levinson, Sanford. *Written in Stone: Public Monuments in Changing Societies*. Durham: Duke University Press, 1998.
- Lie, John. *Modern Peoplehood*. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Lowenthal, David. *The Past is a Foreign Country: Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Malkki, Liisa. *Purity and Exile: Violence, Memory, and National Cosmology Among Hutu Refugees in Tanzania*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Nora, Pierre. (ed.) *Realms of Memory: Rethinking the French Past*, vol. 1-2. New York City: Columbia University Press, 1996.

- Oh, Chong Jin. "Diaspora Nationalism: The Case of Ethnic Korean Minority in Kazakhstan and its Lessons from the Crimean Tatars in Turkey." *Nationalities papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity* 34, no. 2 (August 2006): 111-129.
- Oka, Natsuko. "The Korean Diaspora in Nationalizing Kazakhstan: Strategies for Survival as an Ethnic Minority." *Korean and Korean American Studies Bulletin* 12, nos. 2/3 (2001): R89-R113.
- Ricoeur, Paul. *History, Memory, Forgetting*. Chicago: The University of Chicago Press, 2004.
- Robinson, Michael E. "Nationalism and the Korean Tradition, 1896-1920: Iconoclasm, Reform, and National Identity." *Korean Studies* 10 (1986): 35-53.
- Sack, Robert. *Human Territoriality: Its Theory and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Safran, William. "Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return," *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* 1, no. 1 (Spring 1991): 83-99.
- Schmid, Andre. *Korea Between Empires: 1895-1919*. New York City: Columbia University Press, 2002.
- Shuval, Judith T. "Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm," *International Migration* 38, no. 5 (2000): 41-57.
- Stone, Peter G. and Brian L. Molyneaux. *The Presented Past: Heritage, Museums and Education*. London: Routledge, 1994.
- Terdiman, Richard. *Present Past: Modernity and the Memory Crisis*. Ithaca: Cornell University Press, 1993.
- Trouillot, Michel-Rolph. *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Boston: Beacon Press, 1995.
- Zerubavel, Eviatar. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.

Endnotes

¹ Academic monographs and edited volumes published in the past few years include, but are not limited to the following examples of scholarship: Kimberley McKee, *Disrupting Kinship: Transnational Politics of Korean Adoption in the United States* (Urbana: University of Illinois Press, 2019), Jane Yeonjae Lee and Minjin Kim (eds.), *The 1.5 Generation Korean Diaspora: A Comparative Understanding of Identity, Culture, and Transnationalism* (Lanham: Lexington Books, 2021), Ji-Yeon O. Jo, *Homings: An Affective To-*

pography of Ethnic Korean Return Migration (Honolulu: University of Hawai'i Press, 2018), Eun-jeong Han, Min Wha Han, and Jonghwa Lee (eds.), *Korea Diaspora Across the World: Homeland in History, Memory, Imagination, Media, and Reality* (Lanham: Lexington Books, 2020), Takeyuki Tsuda and Changzoo Song (eds.) *Diasporic Returns to the Ethnic Homeland: The Korean Diaspora in Comparative Perspective* (London: Palgrave Macmillan, 2018), Yonson Ahn (ed.), *Transnational Mobility and Identity in and out of Korea* (Lanham: Lexington Books, 2020), Hae Yeon Choo, *Decentering Citizenship: Gender, Labor, and Migrant Rights in South Korea* (Stanford: Stanford University Press, 2016), Jon Chang, *Burnt by the Sun: Koreans of the Russian Far East* (Honolulu: University of Hawai'i Press, 2016), Jaeun Kim, *Contested Embrace: Transborder Membership Politics in Twentieth-Century Korea* (Stanford: Stanford University Press, 2016), Hyun Gwi Park, *The Displacement of Borders Among Russian Koreans in Northeast Asia* (Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017).

² I conducted over 200 interviews with local Soviet Koreans and South Korean tourists over three different visits to the Russian Far East and the RKHM from 2016-2018. This study focused on local and tourists' perceptions of the museum and how it represents the history of Koreans in the former Soviet Union; analysis and quotations come from informal interviews with South Korean visitors to the museum and local *Koryo saram* interlocutors. This project was IRB approved. A portion of this research was supported by the Korea Foundation.

³ There are three sub-categories of ethnic Koreans within the former Soviet Union (Kim and King, 2001). First, all Soviet Koreans and their descendants as a collective group referencing ethnic Koreans in Russia that were deported to Central Asia in 1937. The second category consists of contemporary North Korean migrant workers in Russia. The final category is made up of ethnic Koreans on Sakhalin Island sent to the then-named island of Karafuto by the Japanese Empire during colonial control of Korea.

⁴ Michael Gelb, "An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans." *The Russian Review* 54, no. 3 (July 1995): 389-412 and German N. Kim and Ross King. "Introduction." *Korean and Korean American Studies Bulletin* 12, nos. 2/3 (2001): R1-R18.

⁵ Matteo Fumagalli, "South Korea's Engagement in Central Asia from the End of the Cold War to the 'New Asia Initiative,'" *The Journal of Northeast Asian History* 9, no. 2 (Winter 2012): 69-97.

⁶ Kent Calder and Viktoriya Kim. "Global Partnership Through Resource Diplomacy: Korea, the United States, and Central Asia," *Korea Economic Institute Academic Paper Series: On Korea* 2: 49-75; Valeriy S. Khan. "The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problems of Identity." *International Journal of Central Asian Studies* 3 (1998): 1-12. See also, Matteo Fumagalli, "South Korea's Engagement in Central Asia".

⁷ John Lie (2004, 9) defines 'thin identity' as "kinship and local identities," and 'thick identity' as larger community aggregates beyond blood relations, which "allows for a concrete and cogent narrative of people who trace their lineage or allegiance to a particular place or people," such as nations.

⁸ Chong Jin Oh, "Diaspora Nationalism: The Case of Ethnic Korean Minority in Kazakhstan and its Lessons from the Crimean Tatars in Turkey," *Nationalities papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity* 34, no. 2 (August 2006): 111-129.

⁹ German N. Kim and V.S. Khan, "The Korean Movement in Kazakhstan: Ten Years Later," *Korean and Korean American Studies Bulletin* 12, nos. 2/3 (2001): R132.

¹⁰ Ana Maria Alonso, "The Politics of Space, Time and Substance: State Formation, Nationalism and Ethnicity," *Annual Review of Anthropology* 23 (2006): 379-405; John Lie, *Modern Peoplehood* (Cambridge: Harvard University Press, 2004); Robert Sack *Human Territoriality: Its Theory and History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986)

¹¹ James Clifford, "Diasporas," *Cultural Anthropology* 9, no.3 (1994): 302-338; Sheila Croucher, *Globalization and Belonging: The Politics of Identity in a Changing World* (Lanham: Rowman and Littlefield Press, 2004); Judith Shuval, "Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm," *International Migration* 38, no.5 (2000): 40-57.

¹² Rogers Brubaker, "The 'Diaspora' Diaspora," *Ethnic and Racial Studies* 28, no.1 (2005): 1-19; Robin Cohen, "Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers," *International Affairs* 72, no.3 (1996): 507-520.

¹³ James Clifford (1994) argues against establishing an "ideal type" of diaspora because comparative case studies often detract from specific histories and experiences.

¹⁴ Though Clifford (1994) does not argue specifically that a multi-generational aspect is necessary in defining a diaspora, he does note that a diaspora is not intended to be temporary.

¹⁵ Kim Butler, "Defining Diaspora, Refining a Discourse," *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* 10, no.2 (2001): 189-219 and Robin Cohen (1996)

¹⁶ Peter Blickle, *Heimat: A Critical Theory of the German Idea of Homeland* (Rochester, Camden House Publishers, 2002).

¹⁷ Sean Carter, "The Geopolitics of Diaspora," *Area* 37, no.1 (2005): 54-63.

¹⁸ Robb Conrad Lauzon, "Memorial Space and its Mnemonic Function," *Memory Studies* (22 Nov 2019): 1-16.

¹⁹ An Jung-geun (1879-1910) was a Korean nationalist and independence activist who was tried, found guilty, and was killed for his assassination of Ito Hirobumi, the former Prime Minister of Japan and Resident-General of Korea, in Harbin, China. The image of An's partially amputated third finger – which was self-inflicted as a show of resolve for his dedication to Korean independence – is still one of the most recognizable symbols of Korean nationalism.

²⁰ Gwyniera Isaac, *Mediating Knowledges: Origins of a Zuni Tribal Museum* (Tucson, The University of Arizona Press, 2018) and B.L. Molyneaux and P.G. Stone, *The Presented Past: Heritage, Museums and Education* (London, Routledge, 1994)

²¹ Chong-Sik Lee. *The Politics of Korean Nationalism* (Berkeley: University of California Press, 1965)

²² Andre Schmid, *Korea Between Empires: 1895-1919* (New York City: Columbia University Press, 2002)

²³ Liisa Malkki, *Purity and Exile: Violence, Memory, and National Cosmology Among Hutu Refugees in Tanzania* (Chicago: University of Chicago Press, 1995)

²⁴ Chong-Sik Lee. *The Politics of Korean Nationalism* (Berkeley: University of California Press, 1965), 161. And

²⁴ An average tour stop at the culture center complex was around 20 minutes, with an average of 7 minutes spent inside the museum and the remainder spent in the café or in the courtyard.

²⁵ This data is derived from viewing the previous three years of the museum visitor log. Anecdotally, only eight of the almost 60 local *Koryo saram* I interviewed had ever been through the museum exhibits, not including those employed at the museum.

²⁶ James Clifford, "Diasporas," *Cultural Anthropology* 9, no. 3 (1994): 302.

²⁷ Rogers Brubaker, "The 'Diaspora' Diaspora," *Ethnic and Racial Studies* 28, no. 1 (2005):1-19. Brubaker (2005, 1) refers to the "'diaspora' diaspora" as "a dispersion of the meanings of the term in semantic, conceptual, and disciplinary space."

²⁸ Clifford, "Diasporas," (1994).

²⁹ Clifford, "Diasporas," (1994). Robin Cohen, "Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers," *International Affairs* 72, no. 3 (1996): 507-520. William Safran, "Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return," *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* 1, no. 1 (Spring 1991): 83-99.

³⁰ These are major issues in considering the diasporic character of the *Koryo saram* that need to be considered and addressed more fully, but are not the focus of this work. This topic is a common theme of discussion among *Koryo saram* and scholars in the field.

³¹ Robin Cohen, "Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers," *International Affairs* 72, no. 3 (1996): 516.

³² Clifford, "Diasporas," (1994).

³³ Safran, "Diasporas in Modern Societies," 91.

³⁴ Sean Carter, "The geopolitics of diaspora," *Area* 37, no.1 (2005): 62.

³⁵ Carter, "The geopolitics of diaspora," (2004).

³⁶ Clifford, "Diasporas," (1994).

³⁷ Alexander Diener, "Diasporic Stances: Comparing the Historical Geographic Antecedents of Korean and German Migration Decisions in Kazakhstan," *Geopolitics* 14 (2009): 462-487.

³⁸ Natsuko Oka, "The Korean Diaspora in Nationalizing Kazakhstan: Strategies for Survival as an Ethnic Minority," *Korean and Korean American Studies Bulletin* 12, nos. 2/3 (2001): R89-R113.

³⁹ Paul Ricoeur, *Memory, History, Forgetting* (Chicago: The University of Chicago Press, 2004), 41.

⁴⁰ Pierre Nora, (ed.) *Realms of Memory: Rethinking the French Past*, vols. 1-2. (New York City: Columbia University Press, 1996).

В.С. ХАН

кандидат философских наук,
Университет мировой экономики и дипломатии,
Университет Пучон в Ташкенте, *Узбекистан*

ОБ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СРЕДИ КОРЕЙЦЕВ УЗБЕКИСТАНА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Abstract. The paper is devoted to sociological surveys among Uzbekistani Koreans, conducted from 2000 to 2012. The results of the surveys show the high level of adaptation of Koreans to Uzbekistan. At the same time, there is a high emigrational potential among Koryo saram. The paper shows a multicultural identity of local Koreans, their orientation on multiethnic environment (they also follow not only Korean traditions but also to customs of other peoples – Uzbeks, Russians, etc.), positive or neutral relation to interethnic marriages.

Keywords: *Uzbekistani Koreans, ethnosociology, sociological survey, questionnaire, deep interview, quantitative and qualitative methods.*

В советский период социологические исследования среди корейцев не проводились. Исключением являлась диссертация зав. кафедрой корейского языка Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. И.Г. Югая, в которой было проведено социолингвистическое анкетирование по вопросу языковых компетенций корейцев Узбекистана [Югай И.Г., 1982].

Комплексное социологическое изучение корейцев Узбекистана (и корё сарам в целом) впервые начинается с 2000-го года. В 2000–2001 гг. в рамках проекта Академии корееведе-

ния Республики Корея по изучению этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана было проведено анкетирование среди корейцев г. Ташкента и Ташкентской области (400 респондентов). Анкета состояла из 10 разделов и включала в себя 70 вопросов [귀희영, Valery Han, 반병률, 2001].

В 2003–2005 гг. сотрудниками отдела этнологии Института истории Академии наук РУз (З. Арифханова – руководитель проекта, Г. Зунунова, Р. Назаров, М. Пайзиева, В. Хан) было проведено этносоциологическое исследование «Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе (на материалах г. Ташкента)»¹. Была составлена анкета, включившая в себя 8 разделов и 116 вопросов по миграции, языку, трудовой деятельности, этническому сознанию, общественной жизни, семейным отношениям, материальной и духовной культуре. Опрошено 300 человек, по 50 представителей следующих национальностей – узбеков, русских, татар, казахов, корейцев и таджиков. По результатам исследования были опубликованы статья в российском этнологическом журнале и монография Института истории АН РУз [Арифханова З.Х., Зунунова Г.Ш. и др., 2006; Алимова Д., Хан В., 2011].

В 2009–2011 гг. сотрудники отдела этнологии Института истории АН РУз (В. Хан – руководитель проекта) совместно с аспирантами М. Теном и Л. Пак в рамках проекта ГКНТ провели исследование на тему «Традиции и инновации в обрядовой культуре национальных диаспор современного Узбекистана (на материалах г. Ташкента)»².

А в 2008–2011 гг. М. Теном, сотрудником отдела этнологии Института истории АН РУз и аспирантом автора настоящего доклада, было проведено исследование, и защищена кандидатская диссертация (2011 г.) по этнокультурной идентичности корейцев Узбекистана, в которой автор про-

¹ Грант ГКНТ РУз № П. – 4.3. (2003-2005 гг.)

² Грант ГКНТ РУз ФА – АЗ – ГО41 (2009-2011 гг.)

вёл анкетный опрос среди 500 респондентов – жителей Ташкента и Ташкентской области. По материалам диссертации опубликована монография [Тен М., 2013].

В 2010–2011 гг. автором настоящего доклада совместно с его учениками, группой молодых учёных-корееведов (М. Тен, Л. Пак, М. Козьмина), газетой корейцев Узбекистана «Корё синмун», при поддержке активистов ряда корейских культурных центров и Центра корейского образования – было проведено обширное исследование (по гранту Фонда зарубежных корейцев), прежде всего среди корейцев г. Ташкента и Ташкентской области, охватившее более 1000 человек.

В 2012 г. по гранту Швейцарского бюро по сотрудничеству (Swiss Agency for Development and Cooperation) членами отдела этнологии Института истории АН РУз (В. Хан, Н. Азимова, А. Аширов, С. Давлатова, Г. Зунунова, М. Пайзиева, Б. Убайдуллаева, И. Ходжахонов) было проведено исследование – на предмет адаптации и интегрированности этнических меньшинств (русских, уйгуров и корейцев) в современное пространство Узбекистана. По материалам данного исследования была опубликована монография «Диаспорные среды» [Хан В.С., 2013]. В монографии результаты исследования даны в сравнении с данными коллективных и индивидуальных разработок членов отдела этнологии, проведённых в 2000–2011 гг.

В настоящее время Л.В. Пак, научный сотрудник Национального центра археологии АН РУз и аспирантка автора настоящего доклада, подготовила к защите диссертацию «Семантика и ритуал свадебной обрядности корейцев Узбекистана (традиции и трансформация)», где приводится опрос корейцев по вопросам свадебного церемониала.

Исследование 2010–2011 гг., в рамках которого было опрошено более 1000 корейцев, выявило в целом высокую степень адаптации (с точки зрения оценки самих опрошен-

ных) респондентов к жизни в Узбекистане. 82% опрошенных ответили положительно на вопрос об адаптированности к жизни в Узбекистане, 14% – «Частично» и только 4% – «Нет». Это, безусловно, очень высокий уровень адаптации, учитывая, что в результате процесса нациостроительства, начавшегося с обретением независимости, сфера реализации прав и возможностей этнических меньшинств сократилась, что породило «конфликт» идентичностей и значительную этническую миграцию.

Но если идти от самой старшей возрастной группы к самой младшей, то процент с ответом «Да» будет уменьшаться (93% и 73%, соответственно). Подобная тенденция наблюдается и в группах с различным образованием. Наиболее высокую степень адаптированности продемонстрировали представители с высшим образованием (87,4%), наиболее низкую – с незаконченным средним (67,8%).

Однако, будучи сами адаптированными к Узбекистану, корейцы, родившиеся в советский период, не уверены, что их дети смогут достичь такого же уровня в будущем. На вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в Узбекистане?» – 64,1% ответили «Нет» и 35,9% – «Да». Если же говорить о том, чтобы они полностью ассимилировались к узбекской среде (вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети полностью ассимилировались к Узбекистану?», т.е. включая обучение в узбекских школах, узбекский язык как родной), то количество респондентов, отрицательно к этому относящихся, увеличивается до 86,1%.

Тот факт, что 14% корейцев готовы к полной ассимиляции, говорит о размывании границ этнической идентичности. И надо отметить, что такие цифры невозможно было получить ни в советский период, ни в первые годы независимости, когда имела место масштабная миграция русскоязычного населения. Иначе говоря, в будущем какая-то часть корейцев может полностью интегрироваться в узбе-

коязычную среду. Ещё очень редко, но всё-таки можно уже встретить молодых корейцев, владеющих узбекским языком как родным и полностью адаптированных к узбекоязычной среде. Если говорить о возрастных группах, то наибольший процент – 32,3% – готовых видеть своих детей полностью ассимилированными даёт группа в 26-35 лет. Это возраст с высокой психологической ориентацией на оптимизм, определённый не только собственно возрастными параметрами, но и социальными достижениями и характеристиками (завершение образовательного процесса, уже собственные заработки, не проявившиеся ещё повышенные требования к уровню жизни и т.д.). Кроме того, это молодые люди, которые имеют маленьких детей, у которых ещё не сформирована этнокультурная идентичность. Вполне возможно, и это подтверждают проведённые интервью, у некоторых из них дети посещают узбекские группы в детских садах, что даёт родителям основание надеяться на более высокий уровень адаптации их детей в узбекоязычной среде.

Анкетирование также выявило заметные миграционные настроения среди корейцев.

В 2003–2005 гг. сотрудниками отдела этнологии Института истории в рамках проекта «Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе» (на материалах г. Ташкента) были опрошены представители различных этнических групп (узбеки, русские, татары, казахи, таджики и корейцы). На вопрос о намерении мигрировать были получены следующие данные по корейцам [Отчёт о научно-исследовательской работе..., 2005]:

Таблица 1 (в %).

Этнические группы	Обязательно	Возможно	Нет	Не задумывался
Корейцы	8	62	22	8

В рамках исследования 2010–2011 гг. – наиболее масштабного по выборке – намерение переехать в другую страну высказало 61,6% респондентов против 38,4%, не имеющих такого намерения.

В диссертации М.Д. Тена, проведшего анкетный опрос среди 500 корейцев г. Ташкента и Ташкентской области, на вопрос: «Связываете ли Вы своё будущее с Узбекистаном?» – 58% ответили положительно, 11,6% – отрицательно, 30,4% затруднились ответить.

Если взять распределение ответов в возрастном разрезе, то видно, что если идти от старшей возрастной группы к младшей, усиливаются миграционные настроения и неопределённость выбора, где жить.

Таблица 2.

Связываете ли Вы свое будущее с Узбекистаном? (в %)

Ответы	Лица молодого возраста	Лица среднего возраста	Лица старшего возраста
Да	30,6	61,8	87,1
Нет	19,4	9,8	4,1
Затрудняюсь ответить	50	28,4	8,8
Всего	100	100	100

Если говорить о направленности миграции, то средние и старшие возрастные группы корейцев ориентированы на Россию (от 68% до 77% в этих группах), а самая младшая возрастная группа ориентирована больше на Южную Корею (более 67%). Если смотреть на данные в разрезе образования, то представители с высшим образованием предпочли Россию (67,3%), в то время как с незаконченным средним – Южную Корею (73%). Это связано с тем, что без знания языка и зарубежных технологий тем, кто получил

высшее образование в СССР/СНГ трудно найти работу в западных странах по специальности (достаточно показательным является пример врачей), в то время как в странах СНГ это значительно легче. Что касается людей с невысоким уровнем образования, то они в основном ориентированы на малоквалифицированную работу, которая в Корее оплачивается значительно выше, нежели в России.

Думается, что если проводить опрос сегодня, то картина предпочтений относительно стран миграции изменится. За последние 10 лет число корё сарам, мигрировавших в Южную Корея (брачная миграция, образовательная, трудовая), приблизилась в 100-тысячной отметке.

Если говорить о *языковой идентичности*, то среди корейцев 94% назвали родным языком русский и только 6% – корейский. Современная корейская молодёжь – это уже 3-е и 4-е поколение корейцев, владеющих русским языком на уровне родного языка.

В диссертации М. Тена среди 500 опрошенных корейцев г. Ташкента и Ташкентской области 53,6% респондентов ответили, что владеют русским языком отлично, 46% – хорошо, 0,4% – плохо [Тен М., 201].

2% корейцев указали, что могут думать на узбекском, 12% – владеют им свободно (причём такие прослойки есть во всех возрастных группах – от 12% до 19,3%) и 36% – частично (как и в предыдущем случае, этот слой представлен во всех возрастных группах – от 34,6% до 48,7%). В отношении английского языка были получены следующие данные: 1,4%, 6,6% и 27,9%, соответственно, а в отношении других языков – 2,4%, 8% и 10,5%, соответственно. Значительное число корейцев планируют изучать языки – корейский (31,2%), узбекский (15,9%), английский (20,9%), другие (10,9%).

Цифры, полученные по корейцам относительно владе-

ния узбекским языком, не представляются завышенными, поскольку многие корейцы выросли в так называемых «корейских колхозах» Ташкентской области, где они находились в тесном узбекоязычном окружении. К тому же корейский и узбекский языки имеют близкую грамматику, в силу чего старшее поколение корейцев, владеющих корейским языком, хорошо владело и узбекским, на что указывают многочисленные свидетели.

В связи с введением в Узбекистане государственного языка возник вопрос, насколько это осложнило жизнь наших респондентов («Испытываете ли Вы трудности в обычной жизни от незнания узбекского языка?»)? В исследовании 2010–2011 гг. 46% корейских респондентов ответили «Нет», 22% – «Да» и 32% – «Отчасти». Однако картина меняется, когда речь идёт о работе и карьерном росте, поскольку в годы независимости незнание узбекского языка, особенно в государственных учреждениях, становится ощутимым (на собраниях, при работе с документами и т.д.). Поэтому на вопрос: «Испытываете ли Вы трудности при устройстве на работу или в карьерном росте от незнания узбекского языка» – 26% корейцев опрошенных ответили «Да», 25% – «Отчасти» и 49% – «Нет».

Вопрос об **этнокультурной идентичности** корё сарам является не простым, поскольку более 150 лет они находились в иноэтническом окружении, под влиянием русификации, советизации, а затем и культур Центральной Азии. Тем не менее, 74,6% опрошенных ощущают себя корейцами, 13,8% – нет и 11,6% – в некоторой степени (исследование 2010–2011 гг.).

Важным маркером этнической идентичности являются **национальные обычаи**. Согласно данным исследования 2012 г., следование обычаям у корейцев Узбекистана выглядит следующим образом:

Таблица 3.
Каким обычаям Вы следуете? (в %)

	Корейские	Русские	Узбекские	Другие (христианские, татарские, американские)
Всегда	57,4	10,7	5,4	0,5
Никогда	2,8	23,4	44,3	92,7
Иногда	39,8	65,8	50,3	6,8

Среди корейской молодёжи можно встретить индифферентное отношение к корейским обычаям, являющееся результатом русификации и потери традиционной этнокультурной идентичности.

Одним из индикаторов межэтнического взаимодействия и, одновременно, интегрированности в местную среду являются систематические контакты с соседями, включая участие в мероприятиях, организуемых локальной соседско-территориальной общиной (махаллэй).

На протяжении многих десятков лет диаспорные группы Узбекистана живут в условиях полиэтнического окружения, поэтому во всех исследованиях корейцы предпочли многообразное этническое окружение.

Длительное дисперсное проживание в условиях постоянных межэтнических и межкультурных контактов сформировало у корейцев не только установку на мирное сосуществование, но и спокойное отношение к межнациональным бракам.

В исследовании 2012 г. 47,6% опрошенных корейцев выразили нейтральное отношение к ним; больше положительное, чем отрицательное, – 31,1%, и больше отрицательное, чем положительное, – 21,2%.

В опросе М. Тена (2009–2011 гг.), охватившем 500 корейцев, на вопрос: «Как Вы относитесь к смешанным бракам?» – ответы распределились следующим образом:

Таблица 4 [Тен М., 224].

Ответы	Процент от общего количества респондентов
Положительно	43,8
Отрицательно	15,4
Терпимо	20,4
Мне все равно	18,6
Затрудняюсь ответить	1,8
Всего	100

Данные различных опросов показывают, что среди брачных партнёров корейцев – азербайджанцы, белорусы, буряты, гагаузы, греки, евреи, казахи, китайцы, кыргызы, лезгины, мордвины, немцы, поляки, осетины, русские, сербы, таджики, татары (включая крымских татар), узбеки, уйгуры, украинцы и другие национальности.

Какие ощущения у наших респондентов вызывает будущее и на что они надеются?

80,1% корейцев на 1-е место поставили ответ – «На себя». На это же место 74,5% поставили – «Другое», 40,2% – «На государство», 33% – «На родственников и друзей», 22,5 – «На помощь Южной Кореи». Хотелось бы также обратить внимание на роль исторической родины в представлениях респондентов. Это связано как с заработками в Южной Корее, облегчённым получением виз, так и активной деятельностью самого посольства этой страны.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

중앙아시아 한인들의 정체성 문제 // 귀희영, Valery Han, 반병률. «우즈베키스탄 한인의 정체성 연구», 한국정 신문회연 구원, 2001.

Алимова Д., Хан В. (Отв. ред.) Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе (на материалах Ташкента). – Т.: Институт истории АН РУз, 2011.

Арифханова З.Х., Зунунова Г.Ш., Назаров Р.Р., Хан В.С. Этнокультурные процессы в полиэтническом мегаполисе (на примере Ташкента) // *Этнопанорама*. № 1-2, 2006. – С. 60-69.

Отчёт о научно-исследовательской работе отдела этнологии Института истории АН РУз по проекту «Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе». 2005 г.

Тен М. Современная этнокультурная идентичность корейцев Узбекистана (по данным социологического исследования). Т.: Extremum-Press, 2013.

Хан В.С. Диаспорные среды. Т.: Таффакур, 2013.

Югай И.Г. Развитие современных языковых процессов в инонациональной среде: Автореф. дисс... канд. истор. наук. – М., 1982.

REFERENCES

중앙아시아 한인들의 정체성 문제 // 귀희영, Valery Han, 반병률. «우즈베키스탄 한인의 정체성 연구», 한국정 신문회연 구원, 2001.

Alimova D., Khan V. (Otv. red.) Etnokul'turnye protsessy v sovremennom polietnicheskom gorode (na materialah Tashkenta). – T.: Insitut istorii AN RUz, 2011.

Arifkhanova Z., Zununova G., Nazarov R., Khan V. Etnokul'turnye protsessy v polietnicheskom megapolise (na primere Tashkenta) // *Etnopanorama*. N 1-2, 2006. – P. 60-69.

Otchyot o nauchno-issledovatel'skoy rabote otdela etnologii Insituta istorii AN RUz po proektu “Etnokul'turnye protsessy v sovremennom polietnicheskom gorode”, 2005.

Ten M. Sovremennaya etnokul'turnaya identichnost' koreytsev Uzbekistana (po dannym sotciologicheskogo issledovaniya). Т.: Extremum-Press, 2013.

Khan V.S. Diaspornye sredy. Т.: Taffakur, 2013.

Yugai I.G. Razvitiye sovremennyh yazykovyh protsessov v innonatsional'noy srede: Afotoref. diss... kand. istor. nauk. – М., 1982.

С.Н. ПАК

кандидат педагогических наук, доцент психологии
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева,
Кыргызстан

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КОРЕЙЦЕВ КЫРГЫЗСТАНА И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об этническом самосознании корейцев в условиях социально-экономических и культурных процессов в Кыргызстане. На формирование этнического самосознания корейцев повлияли исторические события и особенности их аккультурации в условиях межэтнического взаимодействия, в результате которого корейцы подвергались языковой и культурной ассимиляции титульным этносом.

В этой связи исследование особенностей этнического самосознания корейцев важно в межэтническом взаимодействии, т.к. тенденции развития современных межэтнических отношений акцентируют этническую идентичность не только больших народов, но и переселенческих этнических меньшинств.

Ключевые слова: самосознание, этническое самосознание, идентичность, развитие, интеграция.

Abstract. The article deals with the issue of ethnic identity of Koreans in the conditions of socio-economic and cultural processes of Kyrgyzstan. The formation of ethnic identity of Koreans was influenced by historical events and the peculiarities of their acculturation in the conditions of interethnic interaction, as a result of which Koreans were subjected to linguistic and cultural assimilation by the titular ethnic group. In this regard, the study of the peculiarities of ethnic identity of Koreans is important in interethnic interaction, because the trends in the development of modern interethnic relations emphasize the ethnic identity not only of large peoples, but also of displaced ethnic minorities.

Keywords: *self-consciousness, ethnic self-consciousness, identity, development, integration.*

Сегодня во всём мире отмечается значительное возрастание роли этнических процессов в общественном сознании. Рост этнического самосознания в международной интеграции означает стремление народов сохранить в новых условиях свою самобытность, ценностное отношение к традиционной культуре, языку, образу жизни.

Осознание этнической принадлежности к определённо-му этническому обществу, поддержание этнического самосознания актуальны как для малых, так и больших народов. В этой ситуации изучение этнического самосознания приобретает исключительную ценность.

Изучение роли этнического самосознания создаёт новые теоретические возможности в изучении системы этносов и прогнозирования динамики межэтнических взаимоотношений. Только во взаимодействии различных культур возможно сознание и самосознание культуры, т.к. происходит выход за пределы своего этноса в межкультурное пространство, в иные спектры ценностных определений.

В психологии сегодня имеется ряд исследований в изучении проблем самосознания (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьева, И.С. Кон, В.С. Мухина и др.).

Интерес к проблемам этнического самосознания усилился к 80-м гг. XX века, который способствовал росту эмпирических исследований (Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, Н.Г. Панкова, Г.У. Солдатова и др.).

С 90-х гг. в психологии предметом исследований, кроме этнического самосознания, стали этническая идентичность, этничность, ментальность этноса.

Часто термины «этническое самосознание» и «этническая идентичность» используются как синонимы, но здесь

необходимо обозначить значение и смысл этих терминов. Этническое самосознание несёт более широкий смысл, чем этническая идентичность. Этническая идентичность входит в понятие этнического самосознания и является его частью [7].

Анализ становления ментальности российских корейцев неоднозначен, имеет противоречивый характер¹. Это сложный процесс, когда человек приходит к полной совместимости с новой культурной средой, принимая её традиции и действуя в соответствии с ними.

Р.Ш. Джарылгасынова в своей работе отмечает, что главными факторами, повлиявшими на становление ментальности корейцев на ранних этапах этногенеза, явились: понимание и утверждение единства исторической традиции, моноэтничность, предельная закрытость территории [1].

В этой связи особое значение для формирования ментальности российских корейцев имели история их иммиграции на Дальний Восток и особенности их аккультурации в условиях межэтнического взаимодействия с русскими, в результате которого корейцы подвергались языковой и культурной ассимиляции в условиях межэтнического взаимодействия с русскоязычным этносом [3].

Оказавшись в экстремальных условиях, после 1937 года, корейцы были вынуждены выбирать стратегии выживания и адаптации в новой иноязычной среде. Эти события нарушили развитие этноса и привили ему черты маргинальности.

Желание корейцев выжить, несмотря на трудности, подталкивали их к ассимиляции в новой среде – ориентировали на достижение общественного положения и экономических успехов.

В работах В.П. Левкович, Л.В. Мин указывается, что ко-

¹ Калинченко О.В. «Особенности этнического и морального самосознания корейцев в условиях межэтнического взаимодействия с русскими», 2004 г.

рейцам, проживающим в Казахстане, удалось сохранить этническое самосознание и этническую идентичность. Основными факторами оказались национальная кухня, соблюдение традиционных семейных обычаев [4].

В контексте рассмотрения вопроса об этническом самосознании мы провели небольшое исследование корейцев, проживающих в Кыргызстане.

Нашей задачей было рассмотреть формирование этнического самосознания корейцев, основываясь, помимо кухни и соблюдения традиций, на социальных условиях процесса межэтнического взаимодействия, т.к. наблюдается тенденция быть поглощёнными в эпоху интеграции.

По мнению швейцарского психолога Жана Пиаже, который изучал стадии психического развития человека, этническое самосознание формируется на определённых этапах психического развития ребёнка.

Таким образом, согласно Пиаже, формирование этнического сознания проходит несколько стадий. Вначале формируется когнитивный уровень этнической идентичности, затем – чувственный уровень.

Важное значение здесь имеет среда, в которой пребывает ребёнок, т.к. именно в детстве происходит формирование этнического самосознания. Если до 6 лет знания об этнической идентичности у ребёнка отсутствуют, то с 8 лет он уже способен идентифицировать себя со своей этнической группой, а с 10 лет этническая идентичность формируется в полном объёме [8].

Так, постепенно, с развитием познавательных способностей, повышается способность ребёнка воспринимать и интерпретировать этнические признаки. Он включает в их комплекс всё новые элементы: общность предков, исторической судьбы, традиции, религию и т.д.

Опираясь на его концепцию, мы провели анкетирование по методике Н.М. Лебедева «Шкала экспресс-оценки, свя-

занной с этнической принадлежностью», которая показывает оценивающую установку по отношению к собственной этнической идентичности, и проанализировали специфику формирования этнического самосознания корейцев, проживающих в Кыргызстане.

Для удобства определения уровней мы условно разделили респондентов на 4 возрастные группы (возрастные группы не имеют чётких границ; результаты являются обобщением показателей респондентов).

Результаты показали, что у корейцев в возрастной группе от 80 лет этническое самосознание сформировано в полном объёме, т.к. их переселённые родители имели этническую идентичность и самосознание. Детство их прошло в моноэтнической среде. Определяющим фактором здесь следует признать их этническую осведомлённость, включающую объективные знания о своей этнической группе, положительные чувства или установки, возникающие от сознания принадлежности своей этнической группе, желания принадлежать ей, гордости за достижения своего народа. Они вовлечены в социальную жизнь этнической группы (использование языка, активная поддержка и участие в Ассоциации корейцев Кыргызстана, Корейском доме, поддержание культурных традиций), что часто рассматривается в качестве индикатора этнической идентичности индивида. Частично сохранились корейские имена.

В возрастной группе от 60 лет этническое самосознание сформировалось в большей степени, т.к. детство проходило в местах компактного проживания корейцев. Язык сохранился частично, некоторые респонденты обнаруживают полное понимание национальной идентичности, т.к. рядом было старшее поколение (бабушки, дедушки). Однако наблюдается утрата корейского имянаречения.

Эти две группы определяются соблюдением обычаев, традиций, норм этноса.

В возрастной группе от 40 лет национальный менталитет сформирован частично. Представители этой группы также обнаруживают этническую осведомлённость и этническую самоидентификацию, но язык понимают частично, владеют слабо или не владеют совсем.

В возрастной группе от 20 лет национальный менталитет фрагментарен, не систематичен, т.к. детство и юность прошли в полиэтническом социуме, начиная с детского сада, где языком общения был русский. Здесь важным следует признать этническую осведомлённость, включающую объективные знания и субъективные социальные представления об этнических группах — своей и чужих, об их истории и традициях, а также о различиях между ними и собой. У представителей этой группы отсутствовали на достаточном уровне собственные знания и субъективные представления о своей группе.

Особый интерес вызывает этническое самосознание молодёжи. Анализ позволяет сделать вывод: чем моложе поколение российских корейцев, тем слабее в них выражено этническое самосознание, несмотря на позитивное отношение к своей этнической группе. Это говорит о повышенном интересе молодёжи к интеграции, стремлении найти место под солнцем не только в рамках своего этноса, но в условиях глобальной интеграции и аккультурации.

Отличаясь высокой сензитивностью к социальным изменениям и готовностью адаптироваться к тенденциям современных процессов аккультурации, они во многом определяют направление развития межэтнических отношений. Об этом говорит и тот факт, что большая часть молодёжи может общаться на английском языке.

В.Н. Маркова в своей работе отмечает: «Самый показательный [признак] – отношение к корейскому языку среди представителей диаспоры. Несмотря на то, что данный язык де юре является «родным» для представителей корей-

ской этнической группы, его функциональные возможности ограничены» [5].

Мы видим, что в настоящее время корейский язык выступает скорее в роли символа социокультурной традиции, которая сходит на нет. Утрата языка, имянаречения также приравняются к утрате национальности, так как определяют и другие компоненты национального самосознания – такие, как культура и психология. На данный момент корейская молодёжь не говорит на корейском, язык общения – русский.

Много респондентов (89%) позитивно оценили мероприятия, проводимые ООККР, в поддержку этнической идентичности. Большинство из таких респондентов – активные участники этих мероприятий и представляют разные возрастные группы. Это важная социально-психологическая составляющая в этническом самосознании, т.е. деятельное участие в социальных объединениях, в котором личность находит удовлетворение, обретает гордость, спокойную уверенность.

Наряду с позитивными установками встречались единичные негативные установки (2%) к собственной этнической группе, чувство униженности, ущемлённости, предпочтение других групп в качестве референтных (в группах от 20 до 40 лет). Нет понимания и владения языком. Создаётся психологическая граница между собой и группой, формируется амбивалентная идентичность – в разных ситуациях человек испытывает различную этническую идентичность, различные эмоции.

Отсюда можно сделать вывод, что в формировании этнического самосознания важную роль играет социальная включённость и активность.

Таким образом, для формирования этнического самосознания важен период психического развития ребёнка, его личный опыт, получение новой информации и развитие

познавательных способностей, новые социальные условия.

Рассмотренные вопросы, связанные с формированием этнического самосознания корейцев Кыргызстана, рождённых после 1937 г. и проживающих в тесном контакте с представителями титульной нации, связаны с расширением контактов между представителями этносов, их взаимодействием в культурной, экономической, политической сферах. В целом, этническое сознание корейцев к Кыргызстану сохраняется на должном уровне.

Именно новые условия играют большую роль в особенностях развития этнического самосознания, когда происходит постепенное изменение их этнической самоидентификации и самосознания в ходе формирования новой этнической общности или вхождения в состав другого этноса. Оно занимает довольно длительный период, и по мере смены поколений представление о принадлежности к своему этносу ослабевает, а к другому, возникающему или ассимилирующему, – усиливается.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. *Джарылгасинова Р.Ш.* Основные тенденции этнических процессов корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. – М., 1980. – С. 57.
2. *Джарылгасинова Р.Ш.* Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху. Автореф. дисс. док. ист. наук. – М., 1986. – 35 с.
3. *Калинченко О.В.* Особенности этнического и морального самосознания корейцев в условиях межэтнического взаимодействия с русскими, 2004.
4. *Левкович В.П., Мин Л.В.* Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психол. журнал, 1996. № 6.
5. *Маркова В.Н.* Этническое и диаспоральное самосознание корейской диаспоры современного Казахстана через призму социокультурных процессов // Человек и культура, 2020. – № 6.

6. *Носкова Н.Г.* Этническое самосознание корейцев: историко-мифологический аспект: конец 19 – начало 21 вв. – Дисс. канд.ист. наук, 2016.
7. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
8. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М., 1999.

REFERENCES

1. *Djarilgasinova R.Sh.* Osnovnie tendencii etnicheskikh processov koreicev Srednei Azii i Kazahstana // Etnicheskie processi u nacionalnih grupp Srednei Azii i Kazahstana. М_ 1980. _ S.57.
2. *Djarilgasinova R.Sh.* Etnicheskoe samosoznanie koreicev v rannefeodalnuyu epohu. Avtoref. dis. dok. ist. nauk. — М._ 1986. 35 s.
3. *Kalinchenko O.V.* «Osobennosti etnicheskogo i moralnogo samosoznaniya koreicev v usloviyah mejetnicheskogo vzaomodeistviya s russkimi»_ 2004 g.
4. *Levkovich V.P., Min L.V.* Osobennosti sohraneniya etnicheskogo samosoznaniya koreiskih pereselencev Kazahstana.// Psihol.jurnal — 1996. _ №6
5. *Markova V.N.* Etnicheskoe i diasporalnoe samosoznanie koreiskoi diaspori sovremennogo Kazahstana cherez prizmu sociokulturnih processov // Chelovek i kultura. – 2020. – № 6.
6. *Noskova N. G.* Etnicheskoe samosoznanie koreicev_ istoriko_mifologicheskiy aspekt_ konec 19 _ nachalo 21 vv._ dissert.kand.ist.nauk_ 2016.
7. *Soldatova G. U.* Psihologiya mejetnicheskoi napryajennosti. М._ Smisl_ 1998.
8. *Stefanenko T.G.* Etnopsihologiya.М. – 1999.

Dr MATTEO FUMAGALLI

School of International Relations
University of St Andrews, Scotland, UK
Mf29@st-andrews.ac.uk

LIMINALITY AND GENERATIONAL CHANGE AMONG THE KORYO SARAM IN BISHKEK, KYRGYZSTAN¹

Abstract. In this paper I seek to reflect on how notions of diasporas, community and identity have changed since the collapse of the Soviet Union, focusing on the case of the Koryo saram of Bishkek, Kyrgyzstan. The article contends that the (identities of the) Koryo saram are best understood through the lenses of diasporic conditions rather than as bounded communities ('diasporas') as such an approach allows for greater recognition of heterogeneity within such communities. While many Koryo saram continue to claim some form of Korean-ness, how they related to issues of homeland-orientation and boundary maintenance evidences internal variation and growing in-betweenness. The community's hybridity and liminality stand out when examining generational differences and are especially evident among the local Korean youth.

Keywords: liminality; generational change; Kyrgyzstan; Koryo saram; hybridity; diasporisation.

Introduction

This article examines the case of the Koryo saram, and specifically the ethnic Koreans living in Bishkek, capital city of

¹ The paper is the shortened reprint of the article 'Identity through difference: liminal diasporism and generational change among the Koryo saram in Bishkek, Kyrgyzstan', published in the *European Journal of Korean Studies*, 20(2), pp.37-72.

Kyrgyzstan, to reflect on how notions of diasporas and de-/re-territorialised identities have changed since the Soviet collapse. While the local Koreans' path to social integration and the process of assimilation have been well covered in the literature [Diener, A. 2006; Khan, V and Y. Song, 2014; Kim, G. 2003; Khan, V. 1998], including their distinctiveness vis-à-vis the Koreans of the peninsula, we still know very little about their condition of in-betweenness, or liminality and particularly the considerable heterogeneity of the community. In the following pages, I zoom in on one of the comparatively less known cases from the post-Soviet space, namely that of the Koreans of Kyrgyzstan, in order to broaden the empirical scope of the Koryo saram and Korean Diasporas scholarships. The article thus seeks to move the discussion beyond the important, but by now well-covered issues in the literature, such as the initial migration of the Koreans to Russian territory [Kim, V., 2014; Pak, B., 1994; Pak, B. and N., Bugai, 2004], and their deportation [Bugai, N. 1992; Viktor, A., Berinskikh, I. and Verem'ev V., 2015; Pohl, 2000 and 2018] in favour of a greater acknowledgement and appreciation of intra-group variation [Kim, G.N., 2016].

In this article, I draw on insights from constructivist and more critical approaches to the study of identities and diasporas. The work of Rogers Brubaker [Brubaker, R. 2002 and 2005; Brubaker, R. And F. Cooper, 2000] is especially useful in that it questions assumptions of groupism and groupness still dominating the study of ethnicity and diasporas. I draw on various rounds of field research conducted in Kyrgyzstan over two decades, most recently in the capital city of Bishkek in 2018 and 2019, where I conducted several semi-structured interviews with a diverse group of the local Korean population. In telling the story of multiple mobilities, contingency and adaptation, the article advances two main arguments. First, it contends that rather than thinking of diasporas as bounded communities, we should think in terms of diasporic conditions and claims, allowing for

greater fluidity, contingency, dynamism and heterogeneity in how we approach the study and understanding of identity and identity transformation among the Koryo saram. Such conditions of hybridity and liminality are evident among individual Koreans living in the city of Bishkek. While many Koryo saram continue to claim some form of Korean-ness, this is understood, perceived, negotiated – even contested – differently. Second, my findings highlight a growing erosion of two of the three dimensions Brubaker regards as crucial in diasporic conditions, namely homeland orientation and boundary maintenance. This is also evident when comparing how younger Koryo saram perceive their Korean-ness, also in comparison with older generations. Taken together, the findings shed light on the hitherto neglected issue of generational change. The article is divided into five sections. In the next section I review some key terminological and conceptual issues, and lay out the theoretical framework I apply in this paper. Next, I ground the experience of Kyrgyzstan's Koreans in the Soviet period and the post-independence era. In the remainder of the paper I discuss the empirics, drawing on fieldwork conducted in Kyrgyzstan, before concluding.

From diasporas to diasporic conditions: contesting groupism and questioning groupness

At the risk of simplification, conceptualizations of diasporas can be divided into two approaches [Fumagalli, M. 2010]. On the one hand are those that think of diasporas in a more classical sense, as communities or “bounded entities.” The classical definition of diaspora comes from the work of William Safran; a community can be referred to as diaspora if it presents the following six features: a history of dispersal, myths/memories of the homeland, alienation in the host country, desire for eventual return, ongoing support of the homeland, and a collective identity defined by this relationship [Safran, W., 1991; Sheffer, G., 2003]. This approach is relevant to the post-Soviet context.

Predominant approaches to identity and nation-building across the post-Soviet space have been informed by Stalin's infamous definition of the nation [Stalin, I. 1912], which was heavily materialist, essentialist and primordialist. The Soviet emphasis on ethnogenesis has until recently informed the way in which ethno-national groups, including ethnic minorities and diasporas, including the Koryo saram, were understood, namely as bounded groups. At a first glance there appear to be good reasons for this. The Koryo saram are a small non-indigenous population in Central Asia, whose presence in the region dates back to less than a century ago. They surely have a long history of dispersal that is tragic in origin, which is typical of the other two archetypical diasporas, the Jewish and the Armenian ones. Forcible resettlement and mobility restrictions fostered alienation in the host territories (Central Asia), at least until they were allowed to move, urbanize and ultimately Russify and assimilate into local societies. The memory of the deportation has strongly shaped the community's collective identity. There were of course problems with the fit between the definition and the Korean case, in that the relationship with the "homeland" has remained problematic. What is the Koryo saram's homeland? The Korean peninsula or rather the Russian Far East, where Koreans had settled in the late 19th century and from where they were deported? Furthermore, there is an evident problem arising from the application of such an essentialist approach to the Koryo saram: its homeland-centredness. As Clifford also argues, homeland-centrism, and the links – material or symbolic – between the homeland and the diaspora, are not relevant to many communities that experience a diasporic condition. This is because, he continues, a diasporic condition arises from the "... experience of being from one place and of another" is linked "[...]with the idea of particular sentiments towards the homeland, whilst being formed by those of the place of settlement." [Clifford, J., 1994] Such an approach allows for what are now called hyphen-

ated identities, highlighting a community's attachment to more than one place.

Anti-essentialist approaches to diasporas, informed by constructivist and more critical sensibilities seem preferable here because they shift the focus from what diasporas are, or are supposed to be, to what they actually do, or is done in their name; from being (a diaspora) to claiming (to be one). In this respect, a useful way of thinking about this phenomenon is less in terms of diasporas per se, and more as diasporic conditions and diasporism. The diasporic condition is therefore "one where one is constructed in and through difference, and yet is one that produces differential forms of cultural accommodation or syncretism: in some versions, hybridity" [Clifford, J. 1994]. Such an approach appears preferable within this context for two reasons. The first is because of the consequences of the multiple experiences of dispersals and mobility among several generations of Koryo saram, which forced adaptation to new multi-ethnic contexts. Renegotiation with such environments calls for a new understanding of what home and homeland mean. The second is because Soviet – and still post-Soviet to a large extent – nation-building has been largely a top-down elite-driven affair. The Koryo saram are not an exception, with intellectuals, leaders of the ethnic cultural centres and ethnic entrepreneurs engaged in defining what makes someone a Koryo saram. In his review of the core features of diasporic conditions, Brubaker contends that three dimensions remain constitutive [Brubaker, R. 2005]: the experience of dispersal, forced and non; orientation towards a real or imagined homeland which remains the source of loyalty and values; and boundary maintenance, that is the preservation of a distinctive identity vis-à-vis the host society. First is the question of the importance of dispersion as a defining dimension of the diasporic experience. While dispersion and the memory thereof still remain central to diasporic identities, two new aspects have enriched the debate. One is the fact that dispersal may not nec-

essarily have a traumatic or even forced origin, and the other is that – as a result of the reconfiguration political spaces in post-communist Eurasia – dispersion may not only be the result of the movement of peoples across borders, but also the consequence of the movement of borders across settlements. The second reason for preferring an anti-essentialist approach to diasporas is that the very relationship with the homeland has started to be called into question. Homeland orientation dominated classical definitions of diasporas. Diasporas were homeland-centered communities. Especially on the wave of contributions coming from post-modernism, the salience of homeland orientation has been replaced by an approach that critiques the teleology of return, thus de-centering diasporas [Hall, P. 2000]. In addition to the above, according to Brubaker, there is “a tension in the literature between *boundary-maintenance* and *boundary-erosion*” (Brubaker, R., 2005). While more classical approaches have emphasised how diaspora members have struggled to preserve and emphasise the boundaries between in-group and out-group, post-modern approaches such as those of Clifford and Anthias have emphasized the notions of hybridity, expressed through hyphenized ethnonyms (e.g. Korean-American, Kyrgyz-Russian, Korean-Chinese etc.) and inbetween-ness or liminality. This is especially relevant to the Korean context as it explicitly recognizes, and values, heterogeneity and diversity over essence and coherence. Rather than privileging the point of origin or the relationship with it “the diaspora experience [...] is defined, not by essence or purity, but by the recognition of a necessary heterogeneity and diversity; by a concept of ‘identity’ which lives with and through, not despite difference; by hybridity” [Brubaker, R., 2005, 1].

Koreans in Soviet Kirgizia and post-independence Kyrgyzstan

A small Korean presence was first reported in Central Asia already in the 1897 census, around Pishpek (today’s Bishkek) and

Przhevalsk (now Karakol, in the eastern part of the country) [Li, G., 2014, 178]. As table 2 shows, the presence was still negligible in the 1920s (1926 census) and began to increase in the late 1930s (1939 census). Some activists from the Korean national independence movement, such as Petr Semenovitch Tsoy (Чеке дзе кең, 최재현) arrived in Soviet Kirgizia in the 1920s and 1930s [ibid., 179]. Another 130 Koreans arrived in 1934-38 [ibid., 180]. As the numbers of Koreans in Soviet Kirgizia grew somewhat between the census of 1926 and that of 1939, some were left wondering whether Koreans had also been deported to this Soviet republic too in 1937, a question raised in his work by Gennady Li. According to Li, there was no plan to deport Koreans to the Kyrgyz SSR, although this did not prevent some individuals from being forcibly relocated there. Census data, as observed above, show that the Korean population rose from 9 in 1926 to 508 in 1939. In the archival material I examined there is no reference to the Kirgiz SSR being the destination of the deportation which were listed as the "South Kazakhstan region, the regions of the Aral Sea, Balkash and the Uzbek SSR"². That said, given that at least initially some Koreans did leave the Kazakh SSR southwards it is possible that some ended up in Soviet Kirgizia. Li also mentions the presence of some Koreans in the villages of Kyzyl-Kiya and Sulyutka in southern Kyrgyzstan [Li, G. 2014, 278]. As these areas border Uzbekistan and some Koreans were resettled in the Uzbek side of the Fergana Valley it is also conceivable that they also moved voluntarily. As mobility restrictions were lifted from the mid-1950s onwards Koreans could move from the countryside to cities and across SSRs. This led to a more noticeable Korean presence being established in the Kyrgyz SSR. Numbers grew over time as Koreans abandoned agricultural activities in favour of employment in urban centres. From 1959 onwards the local

² See the letter sent by Ezhov to the heads of the Kazakh and Uzbek SSRs' NKVD on 24 August 1937 (<https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1021142>).

Korean population increased further. A more significant migration to the Kyrgyz SSR began in the second half of the 1950s. The numbers remained fairly stable until the 1990s, when in line with broader patterns of post-Soviet migration, many members of minority groups left the place where they were living. The number of Koreans in Kyrgyzstan initially declined, before increasing again in the 2000s. Since the Soviet collapse, due to a combination of uncertainty over status and the possible rise in local ethnic nationalism and – more generally – the social and economic hardship that affected all groups in post-independence Kyrgyzstan, some Koreans left, as the dwindling numbers show (table 1). At the same time some have moved from the neighbouring republics due to its overall more open social, economic and political environment. At just over 17,000, Koreans represent around 0.2% of the country's population. As I have argued elsewhere, “the story of post-Soviet Kyrgyzstan is one of unexpected independence and statehood, a fragile – ‘imperilled’ – sovereignty” [Fumagalli, M., 2016]. From the outset, Kyrgyzstan was confronted with several challenges. A common national identity had to be created when the titular group was itself divided along tribal and regional lines and had no clear idea as to what kind of approach to nation-building it would promote, whether ethnic or civic. At the same time, Kyrgyzstan, like its neighbours in the region, was home to a culturally and ethnically plural society. Kyrgyzstan emerged from the Soviet experience as an ethnically diverse country, with the titular group – the Kyrgyz – demographically constituting a bare majority. Two large minority groups stood out, the Russians and the Uzbeks. Askar Akayev, the first president of independent Kyrgyzstan (1990-2005) sought to reject the sort of nationalizing policies that would have elevated the status of the titular group above that of others [Fumagalli, M. 2016, 358], favouring – with some ambiguities - a more internationalist approach. The state promoted the notion of “Kyrgyzstan – our common home” (*Kyrgyzstan: nash obshchii dom*), where all groups

would feel equally welcome and protected. However, over time, a “dual identity narrative” [Laruele, M., 2012] during the Akayev years gradually gave way to the rise of Kyrgyz nationalism, under all of his successors as presidents.

What were the implications of post-independence turbulence and nation- and state-building strategies, and the consequent changes for local Koreans? As table 2 shows, Koreans currently number less than 20,000 in the country and are overwhelmingly concentrated in the northern part of the country (about 95%), and particularly in the capital city of Bishkek (almost 70%) and the surrounding Chuy province (about 25%). They are a highly urbanized, educated community, and well integrated in local societies. As such, politically and demographically, they have posed no threat to the titular group.

Cultural revival started for the local Koreans, as for many ethno-national communities in the late Soviet period, in the late 1980s, when cultural centres and associations were established for minority groups. The “Chinson” Association for the Koreans of Kyrgyzstan was founded in 1989. Links with South Korea were established as the 1990s. As examined elsewhere [Fumagalli, M., 2016], Seoul established a wide range of educational programmes aimed at the promotion of Korean language and culture, educational opportunities including scholarships, grants and exchange programmes. These were not explicitly designed to specifically support the Koryo saram, and the whole local population was invited to learn more about Korean culture. Language courses proliferated, also fuelled by the success of Hallyu (Korean wave), Korean dramas, K-pop, films, food and cosmetic products. Korean shops now line many of the streets of Bishkek.

Identity transformation among today’s Koryo saram

“Koreans are Korean everywhere; [being Korean] is about blood,” passionately argued G. Li, a well-known local writer in

Bishkek as we met in the “Korean House” (*Koreisky dom*), one of the cultural institutions where the more engaged Koryo saram population gathers in town [author’s interview, 2018]. Li, born in the Uzbek SSR in 1940, spent time in Moscow in 1960-1965, before relocating to Soviet Kirgizia. His remarks were about Koreans, but reflected a broader approach to identity promoted during Soviet times (ethnogenesis), essentialist and primordialist, which still resonates among some today. Viktoriya, a 65-year old lady active in the Society of Koreans of Kyrgyzstan, an organization represented in the Assembly of the People of Kyrgyzstan, echoed Li’s comment: “traditions, values, culture, food. All Koreans share those; it does not matter what age they are” [author’s interview, 2018]. This view stood in stark contrast to remarks by young local Koreans, though. “My parents tell me I am Korean, my grandparents tell me I am Korean as they recall their tragic experiences as children during the deportation from the Far East, but I don’t feel the same. I lived in Russia and I feel closer to them [Russians, author’s note]. I also studied and lived in America and South Korea. I am full of doubts, I do not know who I am”, says Nataliya, a 19-year old resident of Bishkek [author’s interview, 2018]. As she recalls her own identity dilemmas and struggles with her sense of (multiple) belongings, in fact her in-betweenness, I am reminded of the sheer diversity of opinions among the Koryo saram, or the post-Soviet Koreans, and the way in which they articulate and express, and negotiate their Korean-ness and senses of us-ness and other-ness. The two views above also illustrate how older-generation Koreans are more inclined to emphasise diasporic identities as claims and stances, and are aware of their role in this process, whilst younger Koreans are more visibly open to notions of hybridity and hyphenated identities, or even abrupt identity changes like that of Nataliya, above. Despite such obvious and growing differences, both generations have grown up in multi-ethnic societies, the Soviet one and the post-Soviet republic which, by and

large, continue to be ethnically and culturally diverse environments. While there is a growing inter-generational gap, much remains shared too.

The memory of the deportation, its direct experience for the older generations and the way its narrated and passed on across generations, remains an important dimension of the Koryo saram's diasporic condition, although the extent to which this is a defining moment depends on individual experiences and especially the generation. The young Koreans I spoke to in Bishkek recalled stories they had been told by their grandparents "I know the events took place a long time ago, but this is still part of who we [Koreans of the former Soviet Union] are and what makes us different [from other Koreans]", says Valeriy, a young undergraduate student at a local international university [author's interview, 2018]. At the same time, with the more elderly members of the older generations dying and new waves of international mobility, from Uzbekistan to Kyrgyzstan, from Kyrgyzstan to Russia or South Korea or the United States intensifying, it is likely that this memory will gradually fade away, like other aspects of Koryo saram-ness that have long become extinct, such as language (Koryo mar). "Language represents the most important element of a culture, element of self-identification" writes Li [Li, G. 2014, 270], and yet, Koreans in post-Soviet Eurasia have felt no less Korean even without language use and proficiency.

If ties with the homeland, a sense of longing and belonging, the need to either restore or return to it were key element of traditional diasporic identities, these are clearly not applicable to the case of Bishkek's Koreans. How Koryo saram relate to the notion of homeland is, by contrast, blurred and contested. "My home is where I was born" local Koreans all seem to concur. The strongest parallel between the younger and older generations is an attachment to territory, wherever they may be living. Gennadiy Li emphatically proclaimed it thus: "our homeland

(*nasha rodina*) is Kyrgyzstan; we are Kyrgyzstani”, an expression reminiscent of his publications (*My Kyrgyzstantsy*) [author’s interview, 2018]. The interesting aspect of this is that Li had lived in other Soviet republics, having been born in the Uzbek SSR before going to university in Moscow, and only subsequently settling in the Kirgiz SSR. At the same time, he also felt it necessary to add a note clarifying that “Korea is our (the Koreans’) historical homeland, this is where we come from.” [author’s interview, 2018]. Viktoriya, who as a retiree volunteers at the Korean national cultural centre, an institution affiliated with the Assembly of the People of Kyrgyzstan (*Assembleyey Naroda Kyrgyzstana*, created by former President Akayev in 1997, to give institutional representation to the country’s ethnic minority groups), agreed on an unspecified and imagined Korea being the ultimate homeland. Although this point holds true across generations, younger Koryo saram expressed a sense of “confusion” and “disorientation” in relation to the place they consider as homeland. Some, like the younger Viktoriya, confess changing their “homeland orientation” depending on where she lived [author’s interview, 2018]. As she has lived in Russia, Kyrgyzstan and the United States, she admitted being confused and not knowing where she belongs or which place, if any, she would consider as her home(land). Viktor, by contrast, strongly emphasized his attachment to Kyrgyzstan given the similarities, he mentioned, in the cultures and traditions between the local Koreans and the other local communities, whereas whenever he visited South Korea he felt a remarkable cultural distance, also of values: “Kyrgyzstan is more traditional, Koreans in South Korea are different from us. I feel a foreigner there” [author’s interview, 2018]. Nataliya felt evenly split between Kyrgyzstan and Russia, a country she felt culturally closer to than Kyrgyzstan due to her being a Russian-speaker without advanced knowledge of the Kyrgyz language [author’s interview, 2018]. While more systematic assessment of identity perceptions among local

Koreans are needed, this exploratory overview of self-perceptions among local Koryo saram youth suggests that attachments to Korea and a perception that this is a historical homeland are visibly decreasing over time.

Lastly, the young Koreans of Kyrgyzstan are more prone to embrace multiple identities, as both Koreans and Kyrgyz, Russian, or Uzbek, contextualizing the perception of Korean-ness in a very personal, yet malleable way. Hybridity, in other terms, is something that perhaps, over generations of survival in and adaptation to evolving multi-cultural environments, has come to accompany the Koryo saram. Often regarded as key identity markers, language and religion do not serve the purpose of maintaining the boundaries between the local Koreans and their "others." Koryo mar is virtually an extinct language, only spoken – not written – by an increasingly small number of elderly Koreans [Kim, G., 2009]. As a result of their assimilation and integration into Russian/Soviet society, Russian was, and is the main language of choice of local Koreans, although Korean language has become increasingly popular in the whole Central Asian region as a result of South Korea's cultural diplomacy and educational exchange programmes. Interest in Korean culture, including language, is increasing especially among the local youth, but this has more to do with pop culture than shared cultural references with young South Koreans. Religion is no more of a glue either: Koreans profess various confessions of Christianity or no faith, and despite the growing presence and influence of Korean missionary groups, this has not translated into visible mass conversions, although data on religious affiliation among Koryo saram are more scarce compared to those on language knowledge. Overall, the cultural referents seem to be different from those of South Koreans, but also of older generations of local Koreans. In Soviet times ethnic institutions had the important role of preserving, promoting or reviving national culture, in whatever way this might have been defined. If

there was a common thread in my interviews with young local Koreans, it was their difficulty to relate to those very Soviet-era institutions such as the Korean national-cultural centres, in that many struggled to relate to was the emphasis on “traditional” dresses, food or culture more generally. Not that these were not of interest, and many young Koreans recalled celebrating Korean traditional holidays such as Ch'usŏk at home, but they seemingly found it difficult to come to terms with cultural performances where all ethnic minorities were routinely asked to express and celebrate “their national culture.” It was thus apparent that boundaries between Koreans and other groups have been progressively eroded. This is due to the combined influence of their gradual Russification, which resulted in their assimilation in the broader Russian or Russian-speaking group, and also the number of mixed marriages³.

Conclusion

Over decades in Soviet and post-Soviet times, the lives and identities of the Koryo saram have been shaped by different and divergent socio-spatial geographies. In this article I have focused on the emerging differences among the Koryo saram of the same *locale* themselves. The Koryo saram of Bishkek and the surrounding areas have experienced upheaval and forced adaptation for generations as a result of multiple experiences of mobility. Although the memory of the deportation remains an important feature of the diasporic condition, local Koreans relate very differently to the other two dimensions identified by Brubaker. Consistently with the findings of more recent studies of diasporas, the relationship with the homeland has progressively diminished. Similarly, rather than seeking to preserve

³ The impact of inter-ethnic marriages on the self-identification of the Koryo saram, its role in accelerating the assimilation in Russified Soviet society and, after independence, further hybridization or even acculturation in local societies has been noted in the literature [Buttino, 2014; Yem and Epstein 2015; Kozmina, 2012].

their boundaries with the surrounding cultural milieu, the Koryo saram have, through assimilation, seen those boundaries erode. This is especially evidence among Koreans of about twenty and thirty years of age. Findings suggest a clear tendency among the young Koryo saram to hyphenize their identities. The Koryo saram of Bishkek perceive, articulate and negotiate their Korean-ness differently in a way that is reminiscent of Stuart Hall's notion of "identity through difference" [Hall, P., 1990]. As such they can be understood as liminal diasporic communities, where their primary affiliations are constantly in flux, subject to change, contestation and re-negotiation. To conclude, the question thus is not whether the Koryo saram are or are not (still) Korean. Shaped by increasingly distinctive historical geographies, the Koryo saram tell a story of contingency, survival, adaptation and – at its core - human agency.

REFERENCES

- Anthias, F., 1998. "Evaluating 'Diaspora': Beyond Ethnicity?" *Sociology*, 32. 3: 1-24
- Brubaker, R., 2005. "The 'Diaspora' Diaspora," *Ethnic and Racial Studies*, 28. 1: 1-19.
- Brubaker, R., 2002. "Ethnicity without Groups," *Archives Européennes de Sociologie* XLIII, 2: 163-189.
- Brubaker, R. and F. Cooper, 2000. "Beyond 'identity'." *Theory and Society*, 29, 1: 1-47
- Bugai, N., 1992. *Iosif Stalin-Lavrentiyu Berii: 'Ikh nado deportirovat'*. Moskva: Druzhba Narodov.
- Clifford, J., 1994. "Diasporas," *Cultural Anthropology*, 9. 3: 302-338.
- Diener, A.C., 2006. "Homeland as Social Construct: Territorialization among Kazakhstan's Germans and Koreans," *Nationalities Papers*, 34. 2: 201–235.
- Fumagalli, M., 2016. "Stateness, Contested Nationhood, and Imperilled Sovereignty: The Effects of (Non-western) Linkages and Leverage on Conflicts in Kyrgyzstan," *East European Politics*, 32. 3: 355-377.

- Fumagalli, M., 2010 "Diaspora," in George Kurian, ed, *International Encyclopedia of Political Science* (CQ Press/Sage).
- Khan, V.S. and Y. Song, 2014. *Koreitsy Tsentral'noj Azii* (Moscow: MBA).
- Khan, V.S., 1998. "The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity," *International Journal of Central Asian Studies*, 3: 66-77
- Kan, G. V., 1995. *Istoriia koreitsev Kazakhstana* (Almaty: Ghylym).
- Kim, G.N., 2003. "Koryo saram, or Koreans of the former Soviet Union: In the Past and Present," *Amerasia Journal*, 29. 2: 1-7.
- Kim, G.N., 2009. "Education and Diasporic Language: The Case of Koreans in Kazakhstan." *Acta Slavica Iaponica*, 27: 1-21.
- Kim, G.N. and V.S. Khan, 2001. "The Korean Movement in Kazakhstan: Ten Years Later," *Korean and Korean American Studies Bulletin*: R114-R140.
- Kim, G.N., 2016. "Correlations of Ethnicity, Identity and Religiosity of the Young Generation of Korean Diaspora," *International Journal of Global Diaspora Studies*, 2 no. 2: 21-34
- Kozmina, M.I., 2012. "Comparative Analysis of Inter-ethnic Marriages in Korea and Among the Korean Diaspora in Central Asia." *International Journal of Central Asian Studies*, 16 : 39-59.
- Laruelle, M., 2012. "The Paradigm of Nationalism in Kyrgyzstan: Evolving Narrative, the Sovereignty Issue, and Political Agenda," *Communist and Post-Communist Studies*, 45 no. 1-2: 39-49.
- Oka, N., 2001. "The Korean Diaspora in Nationalizing Kazakhstan: Strategies for Survival as an Ethnic Minority," *Korean and Korean American Studies Bulletin*: R89-R113.
- Pohl, O.J., 2000. "Stalin's Genocide against the Repressed Peoples'." *Journal of Genocide Research* 2.2: 267-293.
- Pohl, O.J., 2018 "Cultural, Spatial, and Legal Displacement of the Korean Diaspora in the USSR: 1937-1945." *Review of Korean Studies* 21.1: 171-188.
- Safran, W., 1991 "Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return," *Diaspora. A Journal of Transnational Studies*, 1. 1: 83-84.
- Sheffer, G., 2003. *Diaspora Politics. At Home Abroad* (Cambridge: Cambridge University Press).
- Stalin, I., 1954 (1912). *Marxism and the National Question (Марксизм и национальный вопрос)* (Moscow: Foreign Languages Publishing House).

- Ten, M.D., 2016. "The Religious Identity of an Ethnic Group in a Multi-ethnic Environment: The Korean Diaspora in Uzbekistan," *International Journal of Global Diaspora Studies*, 2: 35-47.
- Yem, N. and S.J. Epstein, 2015. "Social Change and Marriage Patterns among Koryo Saram in Kazakhstan, 1937-1965." *Seoul Journal of Korean Studies*, 28.2: 133-152.
- Viktor A., I.V. Berdinskikh and V.I. Verem'yev, 2015. *Sistema spetsposelenii v Sovetskom Soyuze 1930-1950-kh godov*. Syktyvkar: Uro Ran.

В.М. КИМ

научный сотрудник,

Институт изучения проблем стран Азии и Европы

Национальной академии наук Таджикистана

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОРЁ САРАМ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКИСТАНА)

Юбилейные даты – хороший повод для подведения итогов и определения новых перспектив. Очередная дата – 85 лет проживания корейцев в странах Центральной Азии – может послужить новым толчком для исследования корё сарам уже не только в регионе Центральной Азии, но и на обширном пространстве Евразии, в том числе в Республике Корея. Небольшой по историческим меркам отрезок истории корё сарам в 160 лет, а новейшей истории в новых независимых государствах всего 30 лет, сохраняет свою актуальность для научных исследований, так как это единственный уникальный пример адаптации – не ассимиляции – в кардинально меняющейся среде обитания для каждого поколения корё сарам с сохранением своей этнической идентичности в совершенно новых условиях. Утрата родного корейского языка во втором и третьем поколениях и обретение русского языка в качестве родного языка в национальных республиках Центральной Азии – это особенный случай в истории зарубежных корейцев, но при этом говорить о процессе ассимиляции ещё рано.

Новейшая история корё сарам в новых независимых го-

сударствах заслуживает отдельного внимания для исследователей, так как происходит процесс постепенного разделения когда-то общей истории корё сарам на множество самостоятельных историй. И в этом контексте представляет интерес такой факт, как применяемое самоназвание (этноним) корейцев на постсоветском пространстве, которое на протяжении 160 лет постоянно менялось. Мы не можем сегодня достоверно утверждать, как самоопределялись корейцы в царской России и до 1937 года на территории Дальнего Востока СССР. В период проживания в республиках Средней Азии и в Казахстане применялось самоназвание «кореец», а с середины 1980-х и до начала 1990-х применялось самоназвание «советский кореец». В период с 1990-х и в 2000-х годах делается попытка ввести в научный оборот и в общественное сознание применение самоназвания «корё сарам». И если в научном обороте «корё сарам» применяется как норма, то в общественном сознании корейцев «корё сарам» до настоящего времени не применяется и устойчиво сохраняется самоназвание «кореец». Причиной здесь может служить тот факт, что самоназвание «корё сарам» никогда не отождествлялось с именованием национальности, а применялось скорее как пароль для распознавания «своей чужой». В 2010–2020 гг., особенно в последние несколько лет, в общественное сознание корейцев активно внедряется новое самоназвание – «корёин». И есть вероятность, что это название может вполне прижиться в сознании современного подрастающего поколения корейцев. Самоназвание будет определять дальнейшую линию поведения корейцев на постсоветском пространстве. Самоназвание «кореец» связано с традиционным укладом родоплеменных отношений и соблюдением традиций и обрядов, которые на фоне современных процессов развития в мире выглядят архаично. Самоназвание «корёин» исходит из Южной Кореи и, соответственно, ассоциируется как современное явление с развитой

во всех отношениях Южной Кореей, направленное на упрощённое восприятие традиционного уклада родоплеменных отношений и рационального подхода к современной жизни. Выросло новое поколение корейской молодёжи, не связанное с традиционным укладом родоплеменных отношений корё сарам на постсоветском пространстве. Среди множества факторов, которые повлияли на нарушение традиционного уклада родоплеменных отношений корё сарам, – это вынужденная миграция с мест постоянного проживания. Во-первых, нарушается компактность проживания, которая приводит к разрыву устоявшихся родственных связей. Во-вторых, кардинально меняется среда обитания, которая приводит к изменению образа жизни. В-третьих, определяется критическая численность, при которой воспроизводство или развитие диаспоры становится невозможным и приводит к процессу ассимиляции. На примере Таджикистана можно проследить возникающие проблемы, вызванные резким уменьшением численности корейцев в республике и возможные перспективы корё сарам в сохранении этнического самосознания в новых условиях.

Официальных публикаций по истории и культуре корейцев Таджикистана в виде монографий, книг, сборника статей нет; это в определённой степени затрудняет проведение объективных исследований. Но регулярные наблюдения, проводимые на протяжении 30 лет, позволяют рассчитывать на определённую объективность в исследованиях по корейцам Таджикистана.

История проживания корейцев в Таджикистане отличается от истории корейцев в Узбекистане и Казахстане, но по дате – 1937 год – совпадает. Первые корейцы в Таджикистане – это молодые специалисты, которые были направлены для работы в Таджикистан или приехали самостоятельно к родственникам.

Известны имена первых корейцев в Таджикистане. *Хван*

Пётр Иванович – работал главным врачом в 1-м роддоме г. Душанбе. *Ким Алла Мефодьевна* (по документам – Тим Августа Мефодьевна) приехала к родной сестре в г. Душанбе в апреле 1937 г. в 20-летнем возрасте из Ростова-на-Дону. В биографии Ким Аллы Мефодьевны удивительно то, что впервые в 20 лет она стала заниматься балетом и уже через два года стала солисткой Таджикского Государственного театра оперы и балета. А в апреле 1941 г. была участницей декады таджикской культуры в Москве.

В большей степени история корейцев Таджикистана связана с 1953 годом – добровольным переселением из Узбекистана после снятия административных ограничений по перемещению. Со временем численность корейцев в Таджикистане достигла около 14 тыс. (к 1991 г.). Ниже приводится динамика изменения численности корейцев на основании статистических данных переписи населения в Таджикистане.

Динамика изменения численности корейцев Таджикистана:

1959 год	-----	2400 человек
1979 год	-----	11 000
1989 год	-----	13 431
1998 год	-----	6000
2000 год	-----	1696
2010 год	-----	634

Последняя перепись населения была проведена в 2020 г., но численность населения по национальности пока официально не опубликована. Если опираться на наблюдения по миграции корейцев и рождаемости, то численность корейцев в Таджикистане может быть плюс-минус 1000 человек.

Основная масса корейцев (до 1991 г.) проживала в столице – г. Душанбе (7 тыс. чел., или 50%) и в областных центрах Курган-Тюбинской (сейчас Хатлонская) и Ленинабадской (сейчас Согдийская) областей. Как правило, корейцы

проживали компактно в частном секторе. Это позволяло сохранять привычный традиционный уклад родоплеменных отношений. В среднем численность по родственному принципу составляла от 50 до 400 человек. Род занятий: 80% корейцев были заняты в сельском хозяйстве на сезонных работах (кобонди) по выращиванию лука, риса и бахчевых культур на территории Таджикистана и Узбекистана. Затем география сезонных работ распространилась и на территории Казахстана и Украины.

Компактность проживания, на примере корейцев Таджикистана, может быть 3-х основных типов:

- 1) в частном секторе города, по роду деятельности занятые в с/х;
- 2) в городских микрорайонах высотных домов, по роду деятельности занятые в производственном секторе;
- 3) в совхозах.

Как показала практика в сохранении традиционного уклада родоплеменных отношений у корейцев важную роль выполняет 1-й тип компактного проживания – в частном секторе города. 3-й тип компактного проживания – в совхозах, где, по логике, условия соответствуют сохранению традиционного уклада родоплеменных отношений, сохраняет только внешнюю сторону этого уклада корейцев. Внешняя, или видимая, сторона традиционного уклада родоплеменных отношений – это прежде всего быт, пища, традиции, обычаи, одежда. Внутренняя, или невидимая, сторона – это родственные отношения и наличие родовой иерархии. Именно наличие родовой иерархии позволяет не только соблюдать, сохранять, но и передавать следующему поколению весь комплекс традиционного уклада родоплеменных отношений корейцев. На первый взгляд, все преимущества должны быть в пользу компактного проживания в совхозах или колхозах, где есть все условия для

соблюдения и сохранения традиционного уклада жизни корейцев, а не в пользу компактного проживания в городских условиях. Принципиальное отличие компактного проживания в городских условиях от компактного проживания в совхозах или колхозах – это отсутствие административного регулирования общественных отношений в городских условиях, но которое присутствует в совхозах или колхозах. В городских условиях старший в роду является безусловным авторитетом и лидером в своём роду. В совхозах или колхозах, общественную жизнь регулирует руководитель совхоза или колхоза, который является единоличным лидером и авторитетом для всей корейской общины в совхозе или колхозе. Если любые торжества в городских условиях предварительно обсуждаются и принимаются на родовом совете, то в условиях совхоза или колхоза эти вопросы согласовываются с руководителем совхоза или колхоза, а порой и решаются на уровне руководителя. Именно такой тип компактного проживания в частном секторе города позволял длительное время сохранять традиционный уклад родоплеменных отношений корейцев Таджикистана. Что, в свою очередь, позволяло сохранять уверенность в самосознании корейцев и самоопределяться как кореец, несмотря на то, что росло новое поколение корейцев, для которых родным языком стал русский язык.

С 1992 года по настоящее время, по причине гражданской войны в Таджикистане, численность корейцев резко уменьшилась с 14 тысяч до 1 тысячи. Соответственно, кардинально изменилась среда обитания для оставшихся корейцев, что привело к изменению их образа жизни и нарушению традиционного уклада родоплеменных отношений корейцев. Численность диаспоры в несколько тысяч – это критическая численность, при которой процесс ассимиляции неизбежен, и вопрос самоидентификации по на-

циональному признаку решается уже не в пользу этнонима «кореец». Если межнациональные браки до 1991 г. в Таджикистане были редкостью, то с 2000-х гг. межнациональные браки становятся привычной реальностью.

В настоящее время для корейцев Таджикистана остаётся актуальным вопрос: какой процесс – адаптации или ассимиляции – ожидает корейцев Таджикистана в новых условиях независимого государства?

ТЕН ЕН СУН (정영순)

канд. филолог. наук

Инчонский национальный Университет,

Республика Корея

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ КОРЕЙЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: СВОИ ИЛИ ЧУЖИЕ?

Abstract. The goal of this article is to collect and analyze empirical information about Russian-speaking Koreans (Koryoins) permanently residing in the Republic of Korea. In addition to economic reasons, Russian-speaking Koreans come to their historical homeland to find their national and ethnic identity. However, Koryoins considering themselves Koreans in the homeland of their ancestors feel estranged. The reason is not only linguistic incompetence, but also the lack of legal protection, unequal treatment of all compatriots and the impossibility of professional realization. On the other side, the demographic crisis in Korea itself is changing the stereotypes of the historically established hostile attitude towards foreigners, accelerating the process of democratization of society, and time itself requires changes in the organization of social space, which implies a more active dissemination of the principles of the "New Ethics", thanks to which every person living in this country, every person who proudly calls himself a Korean will make a contribution to make this country prosperous. Otherwise, Russian-speaking Koreans will remain "strangers" for ever.

Key words: Russian-speaking Koreans in Korea, integration in the Korean society, koryo-saram in Korea, koryoins in Korea, new ethics in Korea, overseas Koreans.

Начиная со второй половины XX века, мир охвачен мощными миграционными процессами, следствием чего стала всё увеличивающаяся диаспоризация планеты. В эти про-

цессы оказалась вовлечена и Республика Корея. Но если в XX веке она выступала донором, то в последние годы одновременно является и реципиентом, причём процесс миграции в Республику Корея из Китая, Юго-Восточной Азии и стран СНГ обретает всё более интенсивный характер. Как правило, это трудовая миграция, связанная с безработицей в этих странах и более низким уровнем заработной платы по сравнению с Кореей, с одной стороны; но, с другой стороны, в условиях экономического роста нехватка трудовых ресурсов в отраслях, использующих низкоквалифицированный рабочий труд (промышленность, строительство, сельское хозяйство, рыболовство, сервис) также ускоряет процесс миграции. Дополнительным толчком для нынешней корейской политики поощрения иммиграции в страну стал беспрецедентно обострившийся демографический кризис.

Южная Корея, по данным статистики за 2020 год, оказалась страной с самым низким в мире показателем рождаемости, который составил 0,84 при высокой продолжительности жизни. Для сохранения высоких темпов развития экономики и снижения себестоимости отечественной продукции в условиях жёсткой конкуренции на внешних рынках Корея сознательно привлекает иностранную рабочую силу для выполнения так называемых 3D (dirty, dangerous, difficult) работ.

Корея становится всё более привлекательной и для этнических корейцев из стран СНГ. Так, по данным анкетного опроса, проведённого в прошлом месяце среди этнических корейцев Узбекистана, среди стран, куда респонденты хотели бы поехать работать, превалирует Южная Корея, в то время как в опросах 2010-12 гг. Корея занимала 2-е место после России [Хан В.С. Диаспорные среды. – Т.: Таффакур, 2013. – С. 33]. И если несколько лет назад в Корее среди этнических корейцев из стран СНГ большинство составляли

именно корейцы из Узбекистана, то в последние несколько лет усилилась миграция корейцев и из других стран постсоветского пространства.

На конец сентября 2021 г. из 1 976 000 иностранцев в Корее 66 181 были выходцами из Узбекистана, 48 511 – из России и 30 389 – из Казахстана [<http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20210926000093>], всего 145 081 человек. На май 2019 г., по данным 법무부체류관리과, 74 877 человек являются корейцами [경기도체류 고려인의 삶의 질 개선을 위한 정책 토론회. 2019.7.17, 10쪽]. Из них держатели визы F-4 составляют 56%, F-1 – 8%, H-2 – 35%, F-5 – 1%.

Для этнических корейцев миграция в Корею не только вопрос заработка, хотя это основная причина репатриации. Другими её факторами становятся желание приобщить своих детей к языку и культуре своих предков, дать им образование (включая высшее) в Корее, подготовить почву для возможной натурализации детей в Корее или, в некоторых случаях, комфортной иммиграции в страны Запада. Вот и возвращаются на историческую родину десятки тысяч наших соотечественников.

Процесс интеграции в принимающее общество может быть как болезненным опытом, так и успешным процессом. Это зависит и от окружающей социальной среды, и от внутренней установки мигранта. Целью социологического опроса было определить степень интеграции и ассимиляции русскоязычных мигрантов в новых условиях, и то, как они сами оценивают свои шансы на успешную адаптацию в Корее.

Нами была предпринята попытка сбора и анализа эмпирической информации посредством анкетирования и глубинных интервью. В опросе приняли участие 218 человек из разных городов Кореи: 43,1% составили люди в возрасте 36-45 лет, 38,1% – в возрасте 26-35 лет, 13,8% – 46-55 лет. Особую активность проявили женщины, удельный вес которых со-

ставил 70,6%. В глубинном интервью приняли участие 8 человек (3 из Узбекистана, по 2 из России и Казахстана, 1 из Кыргызстана). 40,4% респондентов являлись гражданами Узбекистана, 38,5% – России и 15,1% – Казахстана. В опросе также приняли участие граждане Украины, Кыргызстана и Таджикистана.

На вопрос, каковы основные причины переезда, 61,5% респондентов указали на развитость Кореи с её высоким уровнем жизни и безопасности в сравнении со своими странами. Так, 45,4% опрошенных указало на низкие зарплаты или безработицу в своих странах в качестве причины поиска работы за их пределами. Т.е., в первую очередь, мигранты руководствуются экономическими причинами. Экономическая миграция всегда являлась основным типом миграции в истории переселения народов в различные исторические периоды (мы не говорим о правительственных программах возвращения соотечественников, как в Германии, Израиле или Финляндии). Безусловно, подогревал интерес к стране феномен «экономического чуда на реке Хан» и широкомаштабная компания популяризации корейской культуры в виде Халлю (한류) во всём мире. Межгосударственные договорённости также существенно упрощали порядок получения виз для выезда на работу.

Но то, что отличает причины переезда русскоязычных корейцев в Корею, это ещё и желание вернуться к своим корням, попытки поиска своей национальной и этнической идентичности. Поэтому неслучайно на третьем месте стоит желание вернуться на историческую родину (27,5%) и дать детям корейское образование (27,5%). Осознание себя как корейцев, которые сохраняют свои обычаи, кухню, жизненный уклад, является смыслообразующим компонентом в самоопределении как отдельной этнической группы в условиях проживания в многонациональных государствах, какими являются Россия, Казахстан и другие страны СНГ.

С другой стороны, государства, в частности Средней Азии, особенно в последнее время во главу угла ставят национально-государственные интересы. Это стало особо явно выражаться не только в тенденции к исламизации, но, например, как пишет В.С. Хан об Узбекистане во многих своих публикациях, и в «титульной этнизации», при которой продвижение по карьерной лестнице и руководящие должности доступны лишь для представителей титульной нации [Perspectives on Peace and Conflict. Ed. by C. Owen, Sh. Juraev, D. Lewis, N. Megoran, J. Heathershaw. – London–NY: Rowman & Littlefield International Ltd., 2018.].

Единственный, но очень важный компонент культурной идентификации, который по объективным причинам в силу внутренней политики стран проживания оказался утерян, это родной язык. Очень многие из русскоязычных корейцев искренне испытывают стыд за то, что не говорят по-корейски. И для приезжающих в Корею на работу или постоянное место проживания проблема языковой некомпетентности накладывает ещё и колоссальные трудности в интеграции и адаптации в принимающем обществе.

Всего 9,6% оценивают свой уровень владения корейским языком как высокий. Подавляющее большинство из их числа – это люди, которые изучали корейский язык в вузах тех стран, из которых они приехали. Иными словами, без профессионального обучения корейскому языку в высших учебных заведениях им было бы тяжело освоить корейский язык по прибытии в Корею. И, действительно, корейский язык является одним из самых сложных языков мира, в частности, для носителей индоевропейской группы языков, к которой относится и русский язык.

Ситуация, в которой русскоязычные мигранты оказываются в Корее, не оставляет им большой возможности посвятить время для изучения корейского языка в достаточной мере. 83,5% респондентов постоянно предпринимают

попытки к изучению корейского языка, но не всегда они увенчиваются успехом. Более того, они пытаются свои незначительные познания в корейском языке использовать в бытовом общении. Так, 21,6% опрошенных указали, что дома говорят на двух языках. Скорее всего, это использование суржика, т.е. включение корейских слов в русскую речь. 56,4% продолжают оценивать свой уровень как начальный. И причин для этого много. Они, как правило, вынуждены сразу выходить на работу, чтобы обеспечить себя и свою семью проживанием и питанием. Плотный график работы, отсутствие свободного времени и корейскоязычного окружения на работе и в месте проживания снижают шансы для языковой практики. Часто и возраст, и индивидуальные способности также не дают возможности овладеть языком.

Немаловажным демотивирующим моментом является и ощущение «зыбкости» и временности своего пребывания в Корее. Получение резидентской визы F-5 требует сдачи экзамена по корейскому языку, что для большинства является практически невыполнимой задачей. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2019 г. всего лишь 1% (356 человек) имел данный вид визы [경기도체류 고려인의 삶의 질 개선을 위한 정책 토론회. 2019.7.17. – 11쪽]. Виза H-2, которую многие считают унижительной, потому что она позволяет трудоустроиться только на низкоквалифицированные работы, требует соблюдения жёстких условий пребывания в стране. А держателями визы H-2 является около 35% русскоязычных корейцев [경기도체류 고려인의 삶의 질 개선을 위한 정책 토론회. 2019.7.17. – 11쪽]. Именно с визы H-2 для граждан СНГ, кроме России, которая была разрешена с 2007 г., началась возможность трудовой миграции в Корею. С 2010 г. визу для этнических корейцев F-4 стали выдавать всем, имеющим высшее образование. Позднее появилась возможность повысить статус визы после получения про-

фессиональной подготовки, т.е. овладения каким-либо профессиональным навыком на территории Кореи. Но сам факт избирательного отношения в зависимости от гражданства в получении визы (кстати, вопрос этот так и остался открытым на законодательном уровне) является дискриминирующим в отношении корейцев с постсоветского пространства и вызывает негодование.

Около половины респондентов хотели бы остаться в Корее на постоянное место жительства, и около 40% ответили, что это зависит от ситуации. Т.е. 40% из числа этнических корейцев готовы остаться в стране и пополнить её генофонд при наличии определённых обстоятельств. Что же мешает 40%, почти половине, пустить свои корни здесь?

Во-первых, отсутствие правовой защиты для долгосрочного пребывания в Корее, а именно упрощённой системы получения гражданства или дифференцированного подхода в рассмотрении разных кейсов.

55% респондентов ответили, что они чувствуют себя здесь иностранцами не только основании гражданской принадлежности, но и судя по отношению к ним самих местных корейцев. 25% респондентов заявили, что ощущают себя далёкими соотечественниками, и только 13,3 – близкими соотечественниками. Близкими соотечественниками себя чувствуют, как правило, русскоязычные кореянки, вышедшие замуж за местных корейцев. 23% указали на то, что они бы хотели ближе общаться с местными, но те не впускают их в свой круг. Только 30% опрошенных сказали, что общаются как с местными, так и со своими земляками. Т.е. отношение в социуме к русскоязычным корейцам со стороны местных корейцев, как к иностранцам, можно обозначить как **вторую причину**.

Надо признать, что имидж стран СНГ в Республике Корея не самый высокий и в большей степени ассоциируется с экономическими проблемами, высокой преступностью

и общей отсталостью. А любому человеку свойственно сопоставлять деятельность государства с качествами конкретного человека и его поведением. Для сравнения вспомним отношение корейцев к англоговорящим вообще или американским корейцам. Отметим лишь, что помощь и социальная поддержка сахалинским корейцам [<https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=218119&viewCls=lsRvsDocInfoR>] или беженцам из КНДР осуществляется по-другому. Многие южнокорейцы, к сожалению, вообще не знают ничего о корейцах, об истории их переселения и трагической судьбе.

Больше половины всех респондентов (57,3%) имеют высшее образование и 17,4% имеют среднее специальное, что указывает на то, что больше половины (74,7%) мигрантов имеют профессиональные навыки, но, к сожалению, около 70% вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом (работать на заводах, в сфере услуг, в строительстве). Только 13,8% имеют свой частный бизнес и 12,8% работают в госучреждениях или в компаниях.

Всего лишь половина родителей (48,1%) из числа русскоязычных корейцев оценивают состояние своих детей, посещающих корейские школы, как «счастливое». А 15,8% констатируют, что их дети вообще ничего не понимают и испытывают там сильный эмоциональный стресс. И всего лишь треть (36,1%) сообщила, что им сложно учиться, но они чувствуют поддержку от учителей и сверстников в школе.

Корея на протяжении многих веков была страной с однородным этническим составом. Более того, это общество с устоявшимися и общепринятыми нормами взаимодействия между людьми, но враждебно настроенное к мигрантам. «Выражения "наша нация с самой чистой в мире кровью", "нация единокровных братьев и сестёр", – пишет А. Ланьков, – равно распространены как в официальной, так

и в оппозиционной литературе, и во многом определяют отношение корейцев к другим народам» [Даньков А.Н. Корея. Будни и праздники. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 422].

С другой же стороны, это экономически развитая и демократическая страна, где одной из базовых ценностей является соблюдение прав человека. В Корею начинает формироваться новая система этических координат – так называемая «новая этика» (새로운 윤리), которая охватила весь мир. Наглядным примером может служить развернувшееся в 2018 г. движение корейских женщин #МЕТОО против сексуальных домогательств высокопоставленных лиц, в результате которого многие, в лучшем случае, вынуждены были оставить свои посты, в худшем – были осуждены или закончили жизнь самоубийством [<https://profile.ru/abroad/aktualny-li-dlya-juzhnoj-korei-problemy-novoj-etiki-930332/>]. Можно привести большое количество примеров других проявлений этого новомодного американского веяния. Это и предоставление политического убежища 391 афганцу и неудовлетворение требования жителей Тэгю запретить строительство мечети в городе.

Статус страны, оказавшейся перед угрозой демографического кризиса, можно поддерживать за счёт разных ресурсов, в том числе искать пути решения этой проблемы и за счёт внешних ресурсов. Одним из таких ресурсов являются русскоязычные корейцы, которых сейчас уже более 100 тыс. человек, – это тоже этнические корейцы, которые возвращаются на свою историческую родину, хотят стать её полноправными членами и связывают будущее своих детей с этой страной. В них течёт такая же кровь, они рожают детей, они соблюдают обычаи своего народа, едят такую же еду и так же, как все корейцы, гордятся тем, что они корейцы. Демографический кризис и вытекающие из него последствия

для экономики Кореи ставят перед страной вопросы, решение которых могло бы быть выгодным как для Кореи в целом, так и для русскоязычных корейцев, проживающих на её территории.

Прежде всего, это правовая защита и создание благоприятных условий для интеграции корейцев, которые могли бы стать лучшей инвестицией для реализации государственной политики стимулирования роста рождаемости в Корею. Но для этого надо унифицировать содержание термина «동포» в законодательных документах. Наличие «привилегированных соотечественников», обладающим безусловным правом получения визы соотечественника F-4 (США, Россия), ущемляет права этнических корейцев, проживающих в других странах СНГ. Необходимы создание отдельной государственной структуры, которая бы занималась вопросами этнических корейцев, а также активное взаимодействие с общественными организациями русскоязычных корейцев. Хотелось бы, чтобы местные общественные организации и общины корейцев, проживающие на одной территории, наладили взаимное сотрудничество и диалог.

При этом само общество и социальные институты не должны требовать от первого поколения русскоязычных корейцев полной ассимиляции и аккультурации. Во-первых, это противоречит общим принципам истинного мультикультурализма, а именно «сосуществования культур и их взаимопроникновения, обогащения и развития». Во-вторых, в условиях глобализации и желания Кореи осваивать новые рынки стран СНГ корейцы, которые являются носителями русского языка, могли бы стать проводниками народной дипломатии.

Совместными усилиями можно будет построить то социальное пространство, где каждый человек, проживающий в этой стране, каждый человек, который с гордостью называ-

ет себя корейцем, будет вносить посильный вклад во благо и процветание страны. Само время и демографические проблемы требуют изменений в организации социального пространства. Иначе русскоязычные корейцы так и останутся «своими среди чужих».

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ланьков А. Н. Корея. Будни и праздники. Москва. Международные отношения. 2000. / Lankov A.N. Korea. Budni I prazdniki. Moscow. Mezhdunarodnie otnosheniya. 2000.
2. Хан В. С. Диаспорные среды. – Ташкент: «Таффакур», 2013. / Khan V.S. Diasporniye sredy. – Tashkent: “Taffakur”, 2013.
3. Khan V. S. Nation-Building in Central Asia: Towards a New Ethnic Policy // *Interrogating Illiberal Peace in Eurasia: Critical Perspectives on Peace and Conflict*. Ed. by C. Owen, Sh. Juraev, D. Lewis, N. Megoran, J. Heathershaw. – London – NY: Rowman & Littlefield International Ltd., 2018.
4. Khan V. S. On the Problem of Revival and Survival for Ethnic Minorities in Post-Soviet Central Asia // *Prospects for Democracy in Central Asia*. Istanbul: Sweden Research Institute in Istanbul, 2005.
5. 경기도체류 고려인의 삶의 질 개선을 위한 정책 토론회. 2019.7.17.
6. <http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20210926000093>
7. <https://profile.ru/abroad/aktualny-li-dlya-juzhnoj-korei-problemy-novoj-etiki-930332/>
8. <https://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=310906>
9. <https://www.law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=218119&viewCls=lsRvsDocInfoR#>
10. https://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=&id=&board_seq=405604
11. <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/>

Университет Пучон в Ташкенте
Центр науки и инноваций

**Корейская диаспора в Центральной Азии:
история, культура и социальная жизнь**
К 85-летию проживания корейцев в Центральной Азии

Материалы 1-й международной конференции
по корееведению университета Пучон в Ташкенте
Ташкент, 20 января 2023 г.

Ответственные редакторы
В. В. Нам, В. С. Хан

Компьютерная вёрстка: К. Егеубаев
Обложка: Д.С. Швецова

Издательство “Университет Пучон в Ташкенте”.
Лиц. № 202935. Адрес: Ташкент, Чиланзарский район, Катартал-2, 38А.

Разрешено в печать 10.06.2024 г. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура «Palatino Lynotype».
Усл. п.л. 10,5. Тираж 200.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в типографии Университета Пучон в г. Ташкенте.
Адрес: г. Ташкент, Чиланзарский район, Катартал-2, 38А.